

Vladimir Vifimovich Berenshtam
Вл. Беренштамъ.

Около политическихъ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ ПОѢЗДКИ ВЪ
«ГИБЕЛЫЯ МѢСТА»—ЯКУТСКУЮ ОБЛАСТЬ.

ИЗДАНИЕ

С. В. БУНИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. о., 5 л., 28.

1908 г.

3668

Оглавление.

	СТР.
ПРЕДИСЛОВІЕ	VII—IX
ГЛАВА I	1
Въ поѣздѣ.—Златоустъ.—Разстрѣль рабочихъ.—Война изъ вагона.—Первая встрѣча съ политическими.—Иркутскъ.—На лошадахъ.—Смерть политическихъ.—Этапъ.—Грабежъ.—Поселенцы.—Ночной визитъ къ «государственному». — Избіеніе политическихъ.	
ГЛАВА II	44
Изъ разсказовъ ямщика о политическихъ.— Скала «Чертовъ логъ» В. Г. Короленко.—Верхоленскъ.—Побѣгъ политическаго въ корзинѣ.—На лодкѣ.—Зимовье.—Политическіе въ дорогѣ.—Берега Лены.—Барышню потеряли.—По «осеннему тракту». — «Пари». — Хитрый побѣгъ политическаго.	
ГЛАВА III	76
Политическіе въ тюрьмѣ.—Побѣги.—«Американскій» бракъ политическихъ.—Еще побѣгъ.—Конвойный офицеръ.—Политическіе на паузкѣ.—Побѣгъ Ф.—Преданія береговъ	

	СТР.
Лены.—Приленскій попъ.—Нечаевскій солдатикъ.—Усть-Кутъ.—Около каторги.	
ГЛАВА IV	97
Каторга.— Пароходъ.— «Развлеченія». — Разсказъ о Н. Г. Чернышевскомъ.—Встрѣча съ политическимъ — докторомъ.— Недоразумѣніе.—Встрѣча съ колоніей политическихъ.	
ГЛАВА V	125
Политическіе кавказцы.— Политическій «мальчикъ безъ штановъ». — Въ гостяхъ у политическихъ — Въ объятіяхъ полиціи.— Бодайбо.—Киренскъ.—Въ гостяхъ у знакомаго политическаго.—Побѣгъ Скоробогача.— Разсказъ политическаго о своей жизни.	
ГЛАВА VI	163
Въ шкурѣ еврея.—Черкесь — чухонецъ.— Витимъ.—Телеграфъ.— «Бывшій политическій». — Дворянская волость.— Разбойничій притонъ.— Повѣсила.— «Допущено». — Бодайбо — золотые пріиска.—Кража золота.— Лена.— Охота.— Паузокъ политическихъ.	
ГЛАВА VII.	194
Нохтуйскъ.—Таможня двухъ губерній.— Мачъ.—Въ пути къ Охотскому морю.—Первые якуты.—Олекминскъ.—Скопцы.— «Столбы» Лены.—Романическій Покровскій монастырь.—Якутскъ.—Сумасшедшій пивоваръ.— Политическіе контрабандисты.—18 автобіографій политическихъ.— Шлиссельбуржцы Панкратовъ и Шебалинъ.— Неукротимый Фальцъ.	

Предисловіе.

Настоящія замѣтки были написаны мною, какъ сводка путевыхъ впечатлѣній поѣздки въ Якутскъ на защиту по извѣстному дѣлу „о вооруженномъ возстаніи романовцевъ“.

Въ февралѣ 1904 года политическіе ссыльные Якутской области, доведенные до полного отчаянія нелѣпыми по своей жестокости циркулярами министра вн. дѣлъ Плеве и мѣстной администраціи, собрались въ Якутскѣ, вооружившись кто чѣмъ могъ, и заперлись въ домѣ инородца Романова. Отсюда они предъявили мѣстному губернатору Чаплину требованіе объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ циркуляровъ. Эти требованія были самыя умѣренныя и совершенно законныя: отмѣна запрещенія свиданій профессорами, отмѣна запрещенія какихъ бы то ни было отлучекъ съ мѣста водворенія (къ

доктору, за покупателями!) и, наконецъ, возвращеніе за казенный счетъ отбывшихъ срокъ ссылки.

Ссылные заявили, что не разойдутся, пока ихъ требованія не будутъ исполнены, что они готовы умереть, если эти ихъ требованія не будутъ удовлетворены.

Исторія окончилась печально: со стороны войскъ оказалось двое убитыхъ, со стороны же забаррикадировавшихся политическихъ—одинъ убитый и нѣсколько раненыхъ. Политическіе были арестованы и преданы суду за вооруженное возстаніе.

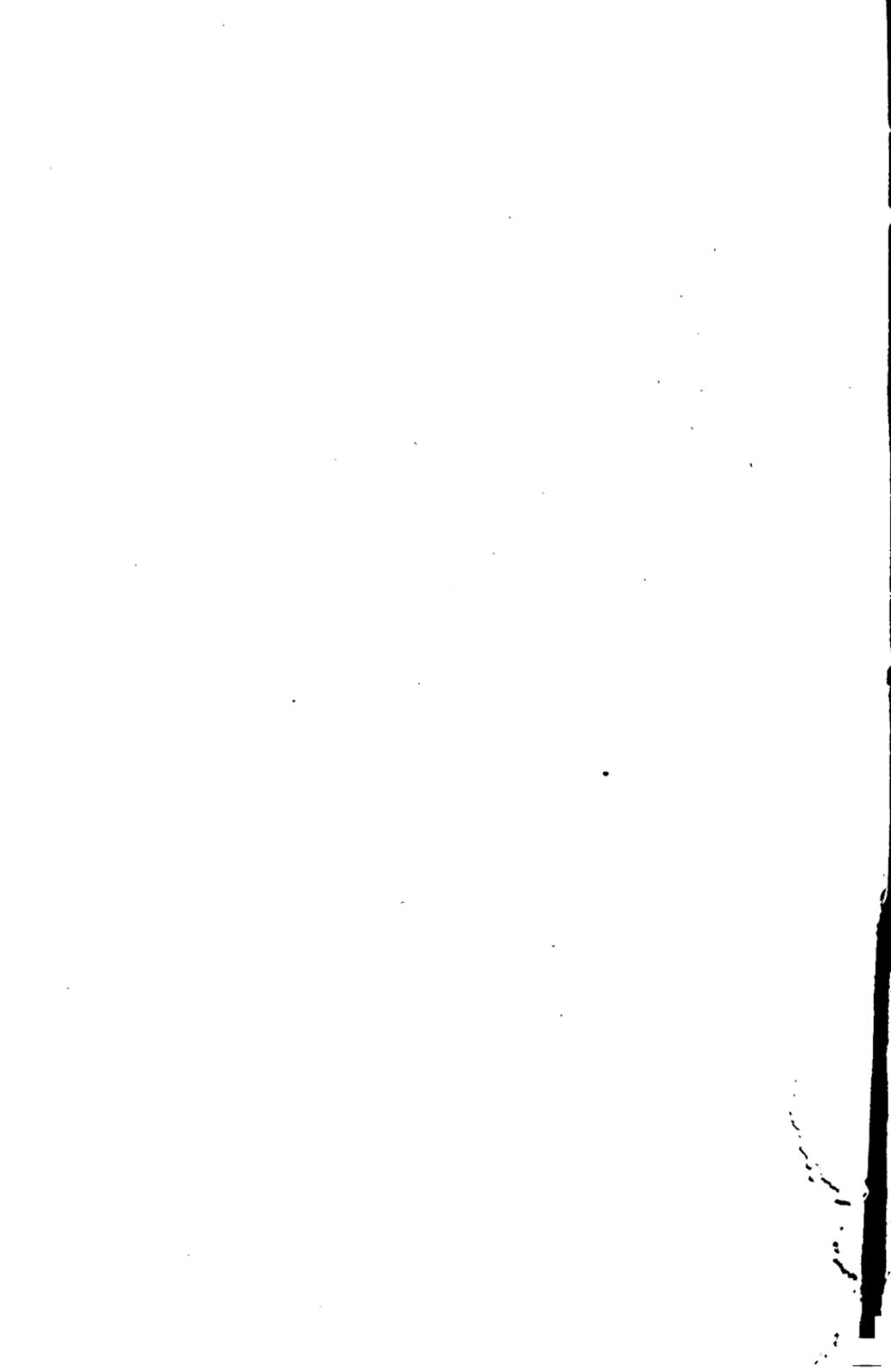
Протестъ вызвалъ широкое сочувствіе всѣхъ политическихъ ссылныхъ. Изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ ссылки иркутскому ген.-губернатору посыпались телеграммы, заявленія о присоединеніи къ требованіямъ товарищей. Въ Сибири это дѣло получило чрезвычайно широкую огласку и взволновало все населеніе могучей рѣки Лены, по берегу которой были разселены ссылные-политическіе.

Этимъ, вѣроятно, и объясняются нѣкоторыя „горячія“ встрѣчи по пути.

Всѣмъ 59-ти подсудимымъ грозила вѣчная каторга. Фактически они пробыли въ заключеніи всего около 1¹/₂ года и были совершенно освобождены по почину самихъ властей. Протестъ „романовцева“ сыгралъ большую роль въ судьбѣ ссылки, т. е. указанные циркуляры были отмѣнены.

Написалъ я свои путевые наброски по инициативѣ безвременно почившаго уважаемаго А. И. Богдановича („А. Б.“), одного изъ редакторовъ журнала „Миръ Божій“, гдѣ эти замѣтки и начались печатаніемъ подъ заглавіемъ „Въ гиблыхъ мѣстахъ“, но были прерваны на половинѣ, благодаря закрытію журнала.

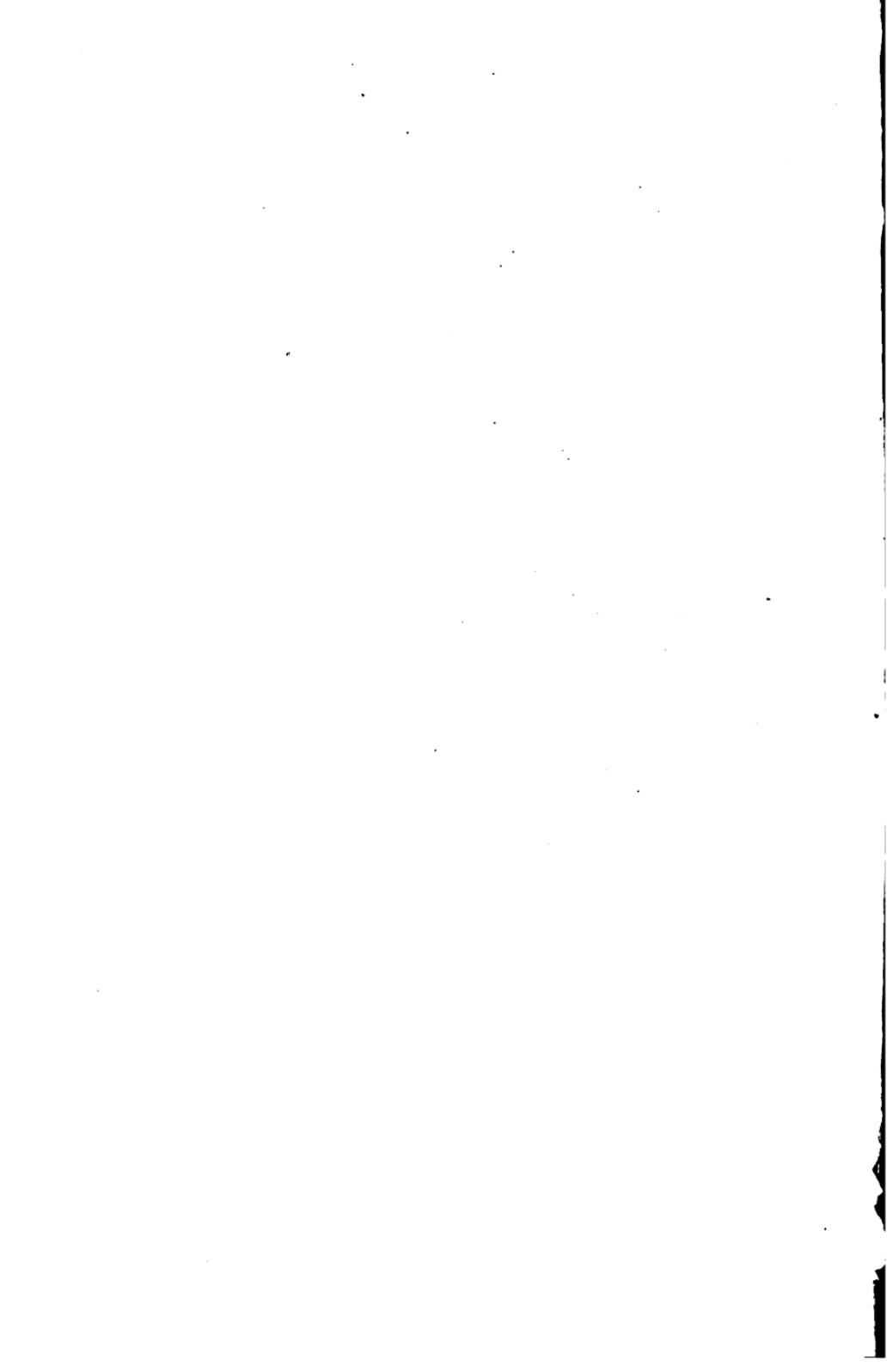
Первоначально, при существованіи цензуры, они не могли появиться на страницахъ журнала, т. к. были запрещены цензоромъ „Мира Божьяго“, и лишь въ дни весны благополучно увидѣли свѣтъ...

Къ стр. 79.

Политическiй въ костюмъ бѣгуна.

Около политическихъ.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній поѣздки въ „гиблыя мѣста“ — Якутскую область).

I.

Въ поѣздѣ. — Златоустъ. — Разстрѣлъ рабочихъ. — Война изъ вагона. — Первая встрѣча съ политическими. — Иркутскъ. — На лошадяхъ. — Смерть политическихъ. — Этанъ. — Грабежъ. — Поселенцы. — Ночной визитъ къ «сударственному». — Избѣженіе политическихъ.

Итакъ рѣшено. Товарищъ А. С. Зарудный отправился впередъ.

Я ѣду въ Якутскъ на защиту по этому страшному политическому процессу. Всѣ мысли мои заняты имъ. Документы по дѣлу только что получены, а я едва поспѣю къ судебному засѣданію. Дорогой придется много работать. И хотя впереди цѣлый мѣсяць пути, времени у меня мало, я не могу свободно отдаться внѣшнимъ впечатлѣніямъ дороги... „Итакъ, я увижу тѣ унылыя, „гиблыя“

мѣста, гдѣ медленно погибають люди въ тяжелой ссылкѣ“, приходитъ мнѣ въ голову, когда я смотрю изъ окна вагона на самарскія степи... И я замѣчаю бѣгущихъ по нимъ упряжныхъ верблюдовъ лишь послѣ того, какъ мнѣ ихъ указываютъ... Оттого мои впечатлѣнія поѣздки „туда“ такъ разсѣянно отрывочны...

Но военныя событія на Сибирской желѣзной дорогѣ черезчуръ чувствуются, черезчуръ переживаются всѣми, чтобы не замѣчать особенной жизни „экспресса“...

Какъ ни странно, пассажировъ въ поѣздѣ не много. И у меня въ полномъ распоряженіи цѣлое купѣ. До Иркутска 8 сутокъ ѣзды, жара лѣта даетъ себя чувствовать, и отдѣльное купѣ представляетъ громадное удобство. Само по себѣ купѣ отличается отъ обыкновенныхъ: наверху виситъ электрическая кабинетная лампа, которую можно снять и поставить на столикъ, двери изнутри заворачиваются на задвижку, вродѣ цѣпочки, и снаружи ихъ никто, даже поѣздная прислуга, не можетъ открыть, тутъ же два электрическихъ звонка—къ „проводнику“ вагона и въ буфетъ... Служитель устраиваетъ постель... Онъ поднимаетъ высоко, подъ наклономъ, спинку дивана, вынимаетъ изъ запломбированнаго мѣшка чистое постельное бѣлье. Оно полагается пассажирамъ экспресса и его будутъ мѣнять черезъ каждые три дня пути... Однимъ словомъ, поѣздъ—это движущаяся гостинница. Правда, поразительно пыльная, душная и „грязноватая“...

Я иду въ вагонъ—„салонъ“. Въ немъ нѣсколько столиковъ разной величины, стулья, мягкіе кожаные диванчики, пианино съ электрическими свѣчами, шкафъ съ „библиотекой“ *). Здѣсь уже расположилось нѣсколько пассажировъ. Среди нихъ четыре офицера. Они разговариваютъ между собою. Всѣ ѣдутъ на Дальній Востокъ... Два какихъ-то загадочныхъ иностранца молча играютъ въ шахматы за отдѣльнымъ столикомъ. Оба старики, оба совершенно бриты, оба одѣты одинаково и очень оригинально: въ рыжевато-полосатые бархатныя брюки и такія же куртки, со множествомъ кармановъ и пуговиць; около иностранцевъ на стѣнной вѣшалкѣ висятъ два одинаковыхъ дорожныхъ картуза изъ того же бархата.

Черезъ какой-нибудь часъ всѣ сидящіе въ салонѣ уже знакомы между собой, уже непринужденно бесѣдуютъ. Только иностранцы продолжаютъ таинственно молчать...

— Кто же они? — спрашиваетъ, горя любопытствомъ, дама изъ Симбирска и киваетъ головой въ сторону стариковъ.

— Должно быть, англійскіе корреспонденты! — безапелляціонно рѣшаетъ бравый офицеръ.

Всѣ соглашаются съ нимъ.

Въ „салонъ“ входитъ „начальникъ поѣзда“ въ

*) Въ поѣздѣ есть и ванны съ душемъ, очень удобно устроенные, но ими почти никто не пользуется, такъ невѣроятно, до нелѣпости дорого стоитъ пользованіе ими, хотя бы однимъ душемъ: 2 рубля за разъ!

формѣ желѣзнодорожнаго служащаго. Онъ зорко оглядываетъ публику...

Кромѣ меня, дамы изъ Симбирска, инженера путей сообщенія и стараго купца, всѣ ѣдутъ либо на войну, либо по поводу войны... Три или четыре уполномоченныхъ Краснаго Креста, „братъ и сестра милосердія“ — пожилые супруги, неожиданно потерявшіе своего единственнаго сына и на войнѣ ищущіе забвенія въ томящемъ горѣ...

Я ухожу „къ себѣ“ и возвращаюсь спустя часа два... Изъ офицеровъ остался одинъ. Онъ сидитъ отдѣльно и, накупившись, читаетъ книгу.

Я подхожу къ нему.

— Что вамъ скучно?

— Да, вотъ приходится пустяками заниматься — читать, — уныло отвѣчаетъ онъ.

Очевидно, бѣдняга отвыкъ заниматься „пустяками“, потому что весь его лобъ покрытъ потомъ... Онъ бросаетъ книгу, звонитъ, требуетъ по картѣ и начинаетъ закусывать...

Дама изъ Симбирска, возившаяся съ какими-то иллюстраціями, подсаживается поближе къ офицеру и принимается наставлять его.

— Вы лучше поменьше кушайте, чтобъ привыкнуть ко всякимъ лишеніямъ — тамъ, можетъ быть, придется и голодать...

— Что вы, душечка, говорите?! — съ ужасомъ вмѣшивается „сестра милосердія“. — Нѣтъ, ужъ лучше вы побольше кушайте, вамъ нужно набираться силъ!..

— Слушаюсь!.. Человѣкъ, бутылку пива! — рѣ-

шаетъ минутное сомнѣніе офицеръ и оборачивается ко мнѣ.

— Это, знаете, прекрасный напитокъ, — убѣжденно говоритъ онъ, — я ничего не пью, только пиво, начиная съ января девятьсотъ четвертаго года, со дня объявленія войны...

— Для чего-жъ вы начали пить?! — волнуется дама изъ Симбирска...

— Я не начиналъ, а кончилъ: до того я пилъ каждый день и водку! — живо успокаиваетъ ее офицеръ.

— Куда-жъ васъ посылаютъ? — не унимается дама.

— И самъ не знаю...

— Неужели?

— А вы откуда?

— Изъ Симбирска... А что?

— Сейчасъ видно...

— Почему?

— Такіе вопросы задаете... Я, вонъ, на войну ѣду и не знаю, за что воевать приходится, — вдругъ мрачно обрываетъ офицеръ...

Я возвращаюсь къ себѣ въ купѣ, зову проводника убрать вещи. Пока онъ убираетъ, у насъ завязывается разговоръ...

« Это, повидимому, человекъ, тяготящій къ „образованности“. На простой вопросъ о томъ, какіе ходятъ поѣзда по Сибирской желѣзной дорогѣ и бываютъ ли вагоны международнаго общества, проводникъ резонно отвѣчаетъ:

— Ихъ ходитъ немного — процента четыре или

пять въ недѣлю. Иногда бываетъ и десятый процентъ. Только иные больше желаютъ наши вагоны и жалуются на тѣ—обижаются столомъ... Если у нихъ не заказать съ вечера обѣдъ по картѣ, то на другой день не дадутъ пообѣдать... Не то, что у насъ! Проси, не дадутъ, изъ принципу не дадутъ! Оттого настоящіе сибиряки съ ними и не хотятъ ѣхать... А какъ процентъ угадаешь?!

Я засаживаюсь за работу...

За обѣдомъ все по прежнему. Иностранцы продолжаютъ игру... Около офицеровъ пристроился старикъ купецъ и громко рассказываетъ имъ что-то про генераловъ. Всѣ хохочутъ...

— И еще могу объяснить вамъ, господа,— продолжаетъ купецъ... —Ѣхалъ я какъ-то давно, въ молодости, по томскому тракту съ однимъ пріателемъ на почтовыхъ... Вечеркомъ расположились мы на станціи выпить чаю, сидимъ, „сибирскій разговоръ“ щелкаемъ. Вдругъ слышимъ въ передней страшную ругань. Вваливается генераль, известный администраторъ... И первымъ дѣломъ къ писарю. „Ты кто такой?—кричитъ,—монахъ бѣглый, что ли?“ — „Никакъ нѣтъ!“ — отвѣчаетъ писарь, а самъ отъ страху трясется. „Ну, такъ что-жъ такіе волоса отпустилъ!“ И опять разная отборная ругань... „Ну, а что, все здѣсь благополучно?“ спрашиваетъ онъ писаря. „Точно такъ, ваше превосходительство, всѣ лошади здоровы“ ... „Дур-р-акъ! Я спрашиваю—не пошаливаютъ ли здѣсь“ ... — „Ай, это бываетъ“ ... — Тутъ генераль уже пово-

рачивается къ намъ съ пріятной любезностью и говорить: „Господа проѣзжающіе, куда вы ѣдете?“

— На Москву... — „Вотъ и прекрасно, намъ по дорогѣ... Такъ не останемся ли мы здѣсь переночевать? Право, удобнѣе бы переночевать!“ — Нѣтъ, мы торопимся, ѣдемъ сейчасъ... — „Но не закусишь ли мы сообща?“ ... Закусили...

Запрягли намъ лошадей. Генераль тоже торопить подавать. Выѣхали мы, а генераль слѣдомъ. И видимъ, что онъ, только съ горы съѣзжать, ругаетъ, на чемъ свѣтъ, ящика—ѣхать тихимъ шагомъ, а какъ на гору, такъ и колотить его въ спину—насъ нагонять... Смекнули, трусить-таки генераль, какъ бы не остаться одному... А „станокъ“ большой, верстъ тридцать, ночь на землю уже спускается, тайга начинается... Мы и пообѣщали мужику рублевку, если будетъ гнать. Онъ и пустилъ лошадей во всю!.. А дорога—сплошныя горы!.. Сначала слышали все ругань отчаянную, генераль благимъ матомъ кричалъ... Ну, а потомъ и слышать перестали... Куда ему догнать: скоро онъ отсталъ... Трусь былъ, словъ нѣтъ, ну, а все-таки потомъ его имя прогремѣло по всей Россіи: и онъ отличился подъ Плевной!..

— Неужели?!—вскрикиваетъ дама изъ Симбирска.

— Да, онъ первый, послѣ разбитія Плевны, прибѣжалъ къ императорской квартирѣ и накричалъ, что все погибло! Бѣда, какого переполоху надѣлалъ! Всѣ подумали, что самъ Скобелевъ убитъ...

Публика смѣется.

— А что же съ нимъ сдѣлали?—спрашиваетъ братъ „милосердія“.

— А такъ, что скоро онъ за эту исторію не то въ отставку подалъ, не то орденъ получилъ... И, вѣдь, знаете, господа,—говоритъ уже серьезно купецъ,—развѣ они, генералы, администраторы не такіе? Такіе, можетъ, не всѣ, а такіе... Ничего не дѣлають, ругаются, надъ людьми издѣваются!.. А все потому, что на нихъ руки нѣтъ, никакого удержа, никакой острастки... Точно въ шапкахъ-невидимкахъ предъ своимъ начальствомъ живутъ... Если бы ему не нужда съ нами ѣхать, сталъ бы онъ съ кушцами чай пить? Да, никогда! У насъ кости черныя, а у него бѣлыя!.. Ну, а война и показала его, и много гнилости она можетъ показать... Потому на паркетахъ ногами генералы наши карьеру выплясываютъ, а голова въ сторонѣ остается... Только дорого стоитъ эта правда народу... Вотъ что!..

Такъ въ разговорахъ, занятіяхъ быстро летитъ у меня время...

За душными, пыльными самарскими степями идутъ въ перемежку лѣсистыя и степныя мѣста... Вскуду и вездѣ береза и береза... Съ ранняго третьяго утра начинается дивный Уралъ съ его скалами, дикой, густой зарослью, могучими потоками, ярко-зелеными полянами, темными соснами и пихтами и снова скалами... Вонъ и Златоустъ... Поездъ бѣжитъ по горѣ, и этотъ, притаившійся въ ложбинѣ, городъ виденъ, какъ на ладони...

Путейскій инженеръ объясняетъ мнѣ его планъ... Тамъ—соборъ, это—домъ уѣзднаго начальника, а то—бѣлѣть и школа... Я съ интересомъ разглядываю это мѣсто знаменитыхъ заводскихъ безпорядковъ, закончившихся подлымъ разстрѣломъ десятковъ несчастныхъ труженниковъ... Имъ, вопреки закону, не увѣдомили каждаго за двѣ недѣли, измѣнили договоръ личнаго пайма. И они явились на заводъ требовать оставленія въ силѣ прежнихъ условій...

„Говорить со всѣми невозможно“, объявило имъ мѣстное начальство и предложило выбрать трехъ уполномоченныхъ. Они довѣрились. И уполномоченные были сразу же арестованы... Толпа подошла къ дому уѣзднаго начальника требовать освобожденія арестованныхъ, и ее встрѣтили залпами... Безъ предупрежденія... Впрочемъ, губернаторъ махнулъ платкомъ, но никто, кромѣ него и офицера, не зналъ этой сигнализациі... Никто не ожидалъ выстрѣловъ. Ихъ не ждали и дѣти, мирно занимавшіеся въ школѣ, по другую сторону площади... Они не могли даже видѣть платка.. И по залитымъ кровью тихимъ улицамъ небольшого городка длинной вереницей потянулись повозки съ наскоро сколоченными гробами и гробиками...

За Златоустомъ горы лежатъ на горизонтѣ тяжелой, непрерывной цѣпью, точно какой-то мощный, фантастичный великанъ положилъ тамъ свою синюю руку съ выступающими мускулами... Виды становятся все шире, раскрывается степь...

Когда мы проѣхали Уралъ, инженеръ указалъ

мгѣ на сѣрый каменный обелискъ, поставленный у полотна дороги...

— Вотъ она граница Европы и Азіи, — меланхолически произнесъ онъ...

Я едва успѣлъ взглянуть на новенькій межевой знакъ, какъ онъ уже исчезъ изъ глазъ.

И мгѣ вспомнилось глубоко-трогательное описаніе у Кеннана такого-же пограничнаго столба на исторической „Владиміркѣ“, вспомнилось прощаніе около него уходящихъ въ невѣдомую даль партій съ родной землею...

Ничего подобнаго теперь нѣтъ.

Политическихъ везуть въ душныхъ арестантскихъ вагонахъ. И только, какъ неясное мелькнувшее воспоминаніе пережитаго тысячами людей горя, стоитъ этотъ сѣрый камень...

Вѣчная память погибшимъ жертвамъ гнета и насилія!

— „Вы жертвою пали борьбы роковой, любви беззавѣтной къ народу“... — унылымъ воспоминаніемъ отдается въ душѣ старая, дающая пѣснь...

Поѣздъ бѣжить...

На каждой сколько-нибудь продолжительной остановкѣ всѣ мы устраиваемъ „пробѣжку“ — мечаемся взадъ и впередъ по платформѣ вокзала...

По вечерамъ часть мужской публики собирается въ чьемъ-нибудь купѣ для... анекдотовъ!... И чѣмъ только могутъ упиваться, при бездѣльи, безъ женскаго общества, взрослые, серьезные люди! Повѣрить трудно, какой восторгъ вызываютъ тогда армян-

скія похождения, ослики, пичужки и чортъ знаетъ что!..

Нашъ поѣздъ обгоняетъ военскій. Онъ стоитъ на разѣздѣ, среди открытой, безлюдной степи. Это—длинный рядъ товарныхъ „скотскихъ“ вагоновъ и нѣсколько платформъ съ пушками, тельгами... Въ небольшихъ верхнихъ окнахъ, сбоку вагоновъ, видны руки солдатъ... Вагоны такъ мелькаютъ, что сливаются въ одинъ рядъ, и руки тоже мелькаютъ и становятся вереницей рукъ... И мнѣ вспоминается картина, кажется, Верещагина, изображающая тюремную стѣну и руки, только руки... О, какъ много говорятъ эти руки, высунутыя на волю въ тюремныя щели—„окна“...

— Видали?—говоритъ одинъ изъ офицеровъ.— Вѣдь на каждой вагонной платформѣ стоитъ только по четыре повозки. Сколько же вагоновъ берутъ простыя повозки? Что бы снять эти высокія колеса?! Вѣдь, тогда тельги можно поставить одну на другую—въ три ряда, а колеса посреди.. Не похозяйски это! И сколько еще будутъ отправлять такъ тельгъ...

— Что же вы не заявите, куда слѣдуетъ, объ этомъ? Напишите въ „Инвалидъ“...

— Нѣтъ, ужъ лучше я помолчу: намъ, офицерамъ, строго запрещено писать безъ разрѣшенія начальства... А начнешь просить разрѣшеніе, скажутъ—безпокойный, критиканъ... Развѣ только о тельгахъ нужно бы написать?.. Посмотрите, какъ везутъ эшелоны: рота пѣхоты и при ней—обяза-

тельно нѣсколько лошадей для фуража, походной кухни... Вамъ кажется, что такъ и слѣдуетъ... Одинаковая перевозка!—На вагонахъ вездѣ надпись одна и та же: „воинскій—40 человекъ или 8 лошадей“... А одинаковы только вагоны! Лошадь болѣе трехъ дней пути не выдержать—на ноги садеть, для нея, черезъ каждыя трое сутокъ, цѣлыя сутки остановку дѣлать нужно, водить необходимо, да и каждый день водить часа два—обязательно... А до Мукдена полтора мѣсяца ѣзды. Вотъ и сообразите, сколько времени теряется, да сколько лишняго мученія для всей роты изъ-за нѣсколькихъ лошадей. . И чего бы проще—послать всѣхъ лошадей впередъ особымъ поѣздомъ или закупить мѣстныхъ!.. Вѣдь солдатамъ легче и дешевле ихъ въ казармахъ прокормить... Ну, а писать и объ этомъ не приходится... Я вонъ своихъ догоню, а когда выѣхали?! . А вѣдь тутъ каждый вершокъ дороги важенъ, не то что цѣлый разъѣздъ!.. Много войска могла бы поставить Россія, „шапками забросать“ японцевъ, да прокормить эти войска тамъ нечѣмъ, приходится подвозить провіантъ, фуражъ... Гдѣ-жъ тутъ небрежничать путемъ! И какъ развертываться съ войсками...

Начальникъ поѣзда обходитъ всѣ купэ, проситъ закрывать окна при приближеніи къ мостамъ.

— Знаете, циркуляръ отъ начальника охраны линіи полученъ, чтобъ окна были закрыты, никто на вагонныхъ площадкахъ не стоялъ, а на мостахъ кондукторовъ приказано разставлять по пло-

щадкамъ, слѣдить за пассажирами...—Говорятъ, потому часовыхъ на площадкахъ каждаго вагона ставить будутъ *)...

— Для чего?!—спрашиваю я съ недоумѣніемъ. — Вѣдь, до театра военныхъ дѣйствій такъ далеко...

— Ну, японцы могутъ англичанина купить, бросить бомбу подъ мостъ... А разные бунтари? Мало ли теперь въ Россіи радующихся побѣдѣ японцевъ—скорѣе перемѣна будетъ, говорятъ... Вы ужъ извините, вотъ и циркуляръ... На стѣнкахъ всѣхъ вагоновъ выставимъ... Сейчасъ будетъ мостъ,—закройте окно!

Я закрываю окно, и онъ уходитъ...

Мы проѣзжаемъ мостъ. У начала его и конца стоитъ охрана; она плаваетъ тоже и на лодкахъ у „быковъ“ моста...

На станціи Обь торговли продаютъ у рундуковъ по двугривенному знаменитую копченую стерлядь и превосходную свѣжую икру...

Голая, выжженная степь съ солеными озерами, окаймленными лишь красной травой, смѣняется чудесными лугами, съ растущими березами... Дивныя, нетронутыя рукой человѣческой мѣста... И такъ на многія сотни верстъ...

*) Когда затѣмъ я снова ѣхалъ по Сибирскому пути, часовые дѣйствительно ставились, для чего передъ каждымъ мостомъ и послѣ каждаго моста, даже среди открытаго поля, останавливали поѣздъ! Нечего и говорить, что эта «мѣра предосторожности» была оскорбительна пассажирамъ и совершенно нелѣпа, такъ какъ, если-бы кто-нибудь рѣшился взорвать свой же поѣздъ, онъ легко могъ-бы сдѣлать это и изъ своего купѣ...

Я сижу въ салонѣ и пью кофе. Входятъ два иностранца. Оба устраиваются около піанино и о чемъ-то тихо говорятъ...

Одинъ изъ нихъ встаетъ, садится къ піанино и сосредоточенно смотритъ на клавиши. Онъ беретъ рядъ красивыхъ, церковныхъ аккордовъ...

— Какъ на органѣ, — приходитъ мнѣ въ голову. Онъ кончаетъ одинъ хораль, начинается другой и, полный раздумья, затихаетъ... Нѣкоторые, сидящіе за столиками, бурно аплодируютъ... Тогда онъ порывисто встаетъ.

— Пожалуйста, сыграйте еще что-нибудь, — набрасывается на него дама изъ Симбирска...

— Нѣтъ, нѣтъ, — говоритъ старикъ на ломаномъ русскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ акцентомъ, — сегодня воскресенье, я привыкъ играть по праздникамъ у себя въ Kirsh'в, я потому...

Оба уходятъ...

— Да, кто же они?! — спрашиваетъ дама изъ Симбирска...

— Несомнѣнно, курляндскіе помѣщики, — по-прежнему безапелляціонно рѣшаетъ бравый офицеръ...

Вечеромъ у меня въ купѣ убираетъ „проводникъ“. Онъ пригибается къ самому моему лицу и таинственно смѣется.

— Ну, баринъ, и конфузъ у насъ вышелъ... Можно сказать — первый сортъ! Все равно, что на станціи „Тайга“...

— А что?

— Да вотъ... замѣтили, вѣрно, двухъ бри-

тыхъ стариковъ, въ этакихъ рыжихъ штанахъ,— все въ салонѣ шахматами тѣпились... Показались они подозрительными начальнику поѣзда — англичане, рупортеры да и только, а можетъ и того хуже—японцами куплены, подглядываютъ, что не въ порядкеъ лежитъ, шпионствомъ, значить, занимаются... Начальникъ и далъ знать телеграммой по охранѣ... Приѣхалъ офицеръ, жандармъ, спрашиваютъ паспорта... И вдругъ оказывается, это— два попа, лютеры, на войну, по распоряженію свыше, отъ латышей ѣдутъ!.. Очень обидѣлись старики...

— Ну, а въ „Тайгѣ“ что вышло?..

— Да тамъ на вокзалѣ появился одинъ буряты. Его и приняли за японца. Начали ходить вокругъ. Онъ пошелъ-было въ залъ перваго класса и легъ... Отъ „Тайги“—вѣтка на Томскъ есть, многіе ждутъ поѣзда и ложатся... Видятъ, притворяется онъ спящимъ... Подошли, наконецъ, подняли по російски, начали требовать документа.— Не понимаетъ. Показываютъ ему бумагу, покажи, молъ, и ты паспортъ... Онъ долго шарилъ въ карманѣ, возился все рукою и вдругъ вытягиваетъ листъ засаленной бумаги изъ-подъ колбасы, важно этакъ распластываетъ его и тоже показываетъ... Жандармъ и офицеръ охраны пришли въ ярость:

— „Притворяешься, проклятый студентиска!“ — кричатъ... Тутъ вдругъ буряты не выдержалъ и громко расхохотался... Вынулъ онъ свой настоящий документъ и говорить: „Хороши же вы — воюете съ японцами, а даже и не знаете, какіе

изъ себя японцы!“ И оказалось—бурять, какой-то нашъ главный подрядчикъ для войскъ, письма отъ генераловъ въ бумажникъ... Тоже извинялись передъ нимъ... Сами поняли, что грубо для начала пристали... А вѣдь вѣрно, баринъ,—идутъ наши убивать японцевъ, а ихъ никогда даже и не видѣли! Все равно: безъ меня—меня женили, либо замужъ отдали!.. — Слышали, баринъ, какъ здѣсь лезгинъ ѣхали?—продолжаетъ проводникъ...

— Нѣтъ, а что?

— Очень они дикій народъ. Никакого начальства не признаютъ. Разъ, во время остановки, проводили они лошадей, надо проѣздить... Вотъ офицеръ и командуетъ: „Ребята, айда на коней!“ Всѣ вскочили, а одинъ спокойно стоитъ, трубку курить. „Ты чего зѣваешь, проклятый головорѣз!“ кричитъ ему офицеръ... „У меня не конь, а кобыла, самъ командуешь—„на коней“, отвѣчаетъ лезгинъ, какъ ни въ чемъ ни бывало и хотя бы трубку вынулъ!.. Отъ сѣна они всѣ отказались. Всѣ съ косами ѣхали, гдѣ остановка, разѣздъ—все сѣно выкосятъ. Будете дальше ѣхать, сами увидите.. Стрѣлочники на нихъ, какъ на лихихъ грабителей, глядѣли... Они и сами говорили: „Что взялъ — мое, для того на войну шель“... Представьте себѣ, на ходу поѣзда корову разъ успѣли арканомъ захватить, въ вагонъ къ себѣ втащили и зарѣзали... А ужъ на куръ и глядѣть не хотѣли... И народъ здѣшній ихъ хуже японцевъ боялся... Натерпѣлись-таки отъ нихъ!..

Во время „пробѣжки“ одинъ уполномоченный Краснаго Креста сообщилъ мнѣ, что только что узналъ интересное извѣстіе — черезъ три станціи мы встрѣтимъ *первый* „санитарный“ поѣздъ... Это извѣстіе взволновало меня. Сейчасъ я увижу раненыхъ, искалѣченныхъ людей, съ выбитыми глазами, оторванными руками, ногами, увижу несчастныхъ, страдающихъ лица... — „Какой ужасъ“, — думалъ я и всѣ три перегона не находилъ себѣ мѣста...

Санитарный поѣздъ стоялъ уже на развѣздѣ, когда нашъ, задерживая ходъ, медленно подошелъ къ нему... Новые, ярко-зеленые, чистые, какіе-то блестящіе вагоны, посреди нихъ — большіе бѣлые круги, съ красными крестами внутри, и эти громадные, страшныя надписи — „тяжело раненые“, „тяжело раненые“, „тяжело раненые“...

Во всѣхъ окнахъ спущены парусиновыя занавѣски, видны поднятыя койки, видно, что на всѣхъ нихъ или почти всѣхъ „лежать“... Вотъ кто-то изъ страдальцевъ приподнялъ занавѣску, взглянулъ и снова откинулся на подушку...

Я выбѣгаю изъ вагона. Вплотную передъ нашимъ — находится вагонъ съ этой потрясающей надписью „тяжело раненые“. На площадкѣ вагона стоитъ молоденькая сестра милосердія, вся въ бѣломъ, съ краснымъ крестомъ на груди и рукавѣ...

— Ну, что, сестрица, — спрашиваю я ее, — какъ раненые, есть ли опасные?!

Сверхъ всякаго ожиданія, она только весело улыбается въ отвѣтъ...

— Что?! — говорю я, волнуясь, недоумѣвая.

Она продолжает спокойно улыбаться...

— Нѣ-ѣтъ!—говорить, наконецъ, сестра милосердія, смѣясь и стараясь не глядѣть на меня.— Здѣсь раненыхъ нѣтъ, весь поѣздъ переполненъ венериками, сифилитиками—ихъ обратно отправляютъ!..

Нашъ экспрессъ трогается... Иду въ салонъ, рассказываю о разговорѣ съ сестрой...

— Я увѣренъ, — произноситъ бравый офицеръ, — что тутъ во всемъ виновата Самара: тамъ дѣлаютъ черезчуръ продолжительную остановку.

— Боже мой, — прерываетъ его другой, — вѣдь не въ этомъ дѣло: подумайте, кѣмъ обновляютъ санитарный поѣздъ! Можетъ быть, черезъ три мѣсяца въ немъ повезутъ насъ съ прострѣленными грудями и что же, — пріятно вамъ будетъ лежать на такой койкѣ?..

— Да-а! Одна-а-ко! — произноситъ бравый офицеръ...

Когда я былъ гимназистомъ и проходилъ басни Крылова, нашъ превосходный учитель В. П. Науменко живо объяснялъ въ классѣ содержаніе нѣкоторыхъ басенъ, навѣянныхъ Крылову военными событіями...

„Во время войны двѣнадцатаго года и послѣ него офицеры чувствовали себя героями дня, хозяевами положенія, — говорилъ В. П., — быть штатскимъ казалось зазорнымъ... Война всегда поднимаетъ интересъ къ военнымъ, ставитъ ихъ на пьедесталъ или они ставятъ себя туда“...

И теперь, спустя много лѣтъ, увидавъ воочию центральную военную артерію, я искалъ этотъ куражъ въ офицерахъ и не находилъ его...

Простые, обыкновенные люди — и больше ничего!

Но на какой-то станціи къ намъ въ салонъ ввалился офицеръ охраны линіи... Онъ непридуманно расположился на диванѣ, высоко кинулъ затынутыя въ рейтузы ногу на ногу и сразу же началъ громко ораторствовать...

— Вотъ, господа, послушайте-ка, что бываетъ... Я служу по охранѣ линіи, и вашъ начальникъ поѣзда вздумалъ-было не пустить меня безъ билета! Вы, говорить, по закону, имѣете право безплатнаго проѣзда на всѣхъ поѣздахъ, кромѣ экспрессовъ... Я, конечно, успокоилъ его сразу и только четырьмя „мужицкими“ словами. И, видите, теперь благополучно ѣду и законъ мнѣ не мѣшаетъ... Это, конечно, пустяки, но недавно мнѣ пришлось везти въ Иркутскъ цѣлый эшелонъ мѣстной команды... Приходимъ къ вокзалу. Говорятъ: „Для васъ поѣздъ будетъ черезъ день“. Что тутъ дѣлать? Не околачиваться же напрасно?.. Въ это время подплываетъ экспрессъ. Только остановились вагоны, я смекнулъ и команду солдатамъ: „Ребята, живо на крыши!..“ Не успѣли вокзальные бестіи оглянуться, какъ всѣ мои ребята уже на крышахъ со своими узлами сидятъ... Ну, конечно, все нашлось, и, вопреки закону, къ экспрессу прицѣпили для солдатъ вагоны...

— Находчивость и натискъ!.. Пришлось мнѣ, знаете, до перевода сюда, еще въ китайскую войну

усмирать хунхузовъ... Сталь я ихъ преслѣдовать... Вижу, нашли пріютъ въ одной китайской деревнѣ. Рѣшилъ ее сжечь. Прихожу съ отрядомъ, начинаю поджигать фанзы...

— Для чего? Развѣ вся деревня была разбойничья?—спрашиваетъ старикъ-купецъ.

— Нѣтъ, она была совершенно мирная, жители встрѣтили насъ на колѣняхъ, но нельзя, чтобъ хунхузы могли находить себѣ гдѣ-нибудь пріютъ! Да, обхожу я и поджигаю... Только въ одной фанзѣ китаецъ преграждаетъ мнѣ дорогу. Старикъ, а какой упорный: сталь у двери, раздвинулъ руки и ни съ мѣста. Я далъ ему по уху, чтобъ убрался. Не уходитъ. Приказалъ поджечь. Не уходитъ... Такъ и сгорѣлъ. Рѣдкое, знаете, упорство. А хунхузовъ я все-таки нагналъ, отрѣзалъ имъ головы и повѣсилъ на деревьяхъ въ клѣткахъ. И, представьте себѣ, не воняли, а вѣдь только керсиномъ облилъ...

Я поднимаюсь и демонстративно выхожу изъ салона. Милый, симпатичный уполномоченный отъ земства Z. тоже шумно встаетъ... Уходя, я взглядываю на офицеровъ. Видно и имъ противно слушать. Они понимаютъ мой взглядъ, поднимаются и тоже выходятъ... Въ салонѣ остается одинъ охранный офицеръ...

Сначала онъ, кажется, съ разбѣгу продолжалъ говорить что-то лакею, но и тотъ ушелъ...

— Ну, и негодяй,—срывается у Z., когда мы всѣ идемъ гуськомъ по корридору вагона.

— Хвастунъ, заврался, самъ на себя клеветать, — рѣшаетъ бравый офицеръ...

— Сибирь, батюшка, — обращается ко мнѣ старикъ-купецъ, — настоящая Сибирь начинается — и не того еще наслышитесь... Скоро узнаете, отчего люди хунхузами дѣлаются... Вотъ какъ! Эво вы насъ подняли — я и чаю не допилъ...

Нашъ экспрессъ стоитъ на какой-то большой станціи. Тутъ же на развѣздахъ два воинскихъ поѣзда. Запасные солдаты жмутся шумными группами по перрону вокзала. У всѣхъ усталый, запыленный видъ. Они одѣты въ ярко-желтые, оранжевые и сѣрые картузы, такія же блузы, поряжѣлые сапоги. Я подхожу къ одной изъ группъ.

— Ну, что, какъ ѣдете, братцы?

— Сами видите, баринъ, — „ничего“...

— Ну, а кормятъ какъ?

— А вотъ у насъ сейчасъ объ этомъ разговоръ: кормятъ хорошо. Жаловаться нельзя. Обѣдъ сегодня просто господскій былъ! Самъ генераль пробоваль — здѣшняго фельдфебеля распѣловаль. „Благодарю, что стараешься“, сказалъ...

— И вѣрно, обѣдъ хорошій... Только тѣмъ, кто съ ложками не поспѣли, груто пришлось: ничего не получили, — иронически смѣется солдатикъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто: кто ложку затерялъ, ничего и не увидѣлъ... Все сразу съѣли... Не хватило половинѣ...

— Ну, а обѣдъ всегда готовить?

— Всегда. Правда, разъ писарь телеграмму забылъ доложить — остались безъ обѣда, жаловаться не на что...

Иду дальше по перрону. Ко мнѣ подходитъ солдатъ и нищенски протягиваетъ руку...

— Помогите, баринъ, ничего не ѣмши!..

До сихъ поръ солдаты, ѣдущіе на войну, просили только газеты и телеграммы... И это было такъ естественно... Но сейчасъ эта просьба поднимаетъ чувство глубокой обиды и боли за нихъ... И сколько протянутыхъ солдатскихъ рукъ видѣлъ я потомъ на своемъ пути!..

На одномъ изъ одиноко торчащихъ въ степи вокзаловъ я замѣчаю нѣсколько интеллигентныхъ, обѣдно одѣтыхъ молодыхъ людей и дѣвушекъ. Они стоятъ особнякомъ и молча внимательно смотрятъ на насъ, занятыхъ „пробѣжкой“. Раздается третій звонокъ. Я тороплюсь къ вагону, становлюсь уже на площадку. Вдругъ ко мнѣ подбѣгаетъ юная дѣвушка и порывисто спрашиваетъ:

— Ваша фамилія Беренштамъ?

— Да, — отвѣчаю я.

Она оборачивается и киваетъ головой, и всѣ, стоящіе около заборчика полисадника, и она неожиданно кричатъ мнѣ:

— Счастливой дороги, всего, всего хорошаго!

Мужчины радушно машутъ шляпами, у дѣвушки въ рукахъ платокъ... Поѣздъ идетъ... Я не знаю, успѣлъ ли крикнуть или поклониться имъ въ свою очередь — такъ ошеломила меня эта встрѣча.

И теперь, чрезъ настоящія строки, шлю я вамъ, невѣдомые друзья, свой отвѣтный привѣтъ!..

Вотъ уже двое сутокъ тянется нетронутая степь... Береза все гуще и гуще покрываетъ ее. Мѣстами мнѣ кажется, что предо мной Сорочинскій лугъ, Полтавской губерніи, воспѣтый Гоголемъ... Конечно, тамъ зелень разнообразнѣе, но эта „степь“ болѣе похожа, по внѣшнему виду, на заливной лугъ... Но, Боже мой, сколько здѣсь не убраннаго бурелома...

Станція „Тайга“, а за нею настоящая, густая, непролазная тайга. Тутъ и выжженные, обожженные деревья, и болота, и буреломъ... Деревья — тонкія, высокія, но зато кустарникъ — широкій, могучій...

И такъ опять на многія сотни верстъ...

— Вотъ, — говоритъ мнѣ купецъ, — лѣсу-то сколько! И какъ онъ вездѣ самъ на себя похожъ... Ъхалъ я въ тотъ конецъ — слышалъ... Разъ на станціи „Тайгѣ“ машинистъ побѣжалъ въ тайгу на минуту — брусники что ли захотѣлось... Оглянуться не успѣли, нѣтъ машиниста. Начали звать, сначала нѣсколько разъ отзывался, а потомъ — нѣтъ его и нѣтъ... Начальникъ дистанціи приказалъ всѣмъ поѣздамъ свистки непрерывно давать... Три дня шелъ свистъ по этому участку. Наконецъ, машинистъ-таки выбрался: эхо ему мѣшало. Не могъ понять откуда свистъ. А все около полотна желѣзной дороги блуждалъ... Вотъ какія это нетронутыя мѣста... Первобытный богатѣйшій край!..

— Да, — отвѣчаю я, — черезъ всю Европу, Германію, Швейцарію, Италію, въ двое сутокъ можно проѣхать поперекъ, а тутъ приходится ѣхать пять сутокъ по нетронутымъ, безлюднымъ мѣстамъ... Вѣдь все время нигдѣ деревни, нигдѣ дорожки не видать!

— И знаете, — задумчиво произноситъ купецъ, — старый я человекъ, пожилъ на свѣтѣ, а только теперь многое становится мнѣ яснымъ и понятнымъ, изъ глубины души, изъ памяти встаетъ... Гляжу я кругомъ, а въ голову лѣзетъ одна загадка.. Разгадайте-ка вы ее... Какъ выгуднѣ, по-хозяйски поступить... У васъ большая семья... Нужно съ нею поселиться. Есть у васъ старый, хорошій, помѣстительный и удобный домъ, брошенный и потому требующій ремонта... Что же вамъ выгуднѣ: отремонтировать этотъ домъ или построить новый, небольшой, тѣсный и притомъ у чорта на куличкахъ...

— Ну, конечно, ясно!

— Вотъ и я, старикъ, такъ думаю, а мы полѣзли строить лачужку, да еще на чрезполосной, арендованной землѣ... Для чего эта глупая война?!

Тайга обрывается. Начинаются горы Красноярска — высокія, багровыя, точно старая черепаца... За Красноярскомъ долины, горы, горы и снова тайга...

Мы подъѣзжаемъ къ Иркутску. Всѣ приодѣваются. Пасторы выходятъ въ тѣхъ же „загадочныхъ костюмахъ“, но въ англійскихъ сѣрыхъ шля-

пахъ — „здравствуй и прощай“ — съ двумя козырьками.

Къ нимъ рѣшительно направляется бравый офицеръ.

— Господа, ради Бога, замѣните эти шляпы русскими, въ арміи васъ вездѣ будутъ принимать за англичанъ, и это причинитъ безпокойство.

Старики радушно благодарятъ за совѣтъ и говорятъ, что немедля же, по пріѣздѣ въ Иркутскъ, купить себѣ сѣрыхъ фуражки, какъ у офицера...

— Воображаю, — шепчетъ мнѣ купецъ, — за кого ихъ тогда будутъ принимать?! Вотъ бѣдныги!..

Иркутскъ... Мы всѣ дружески прощаемся, обмѣниваемся адресами...

— Увидимся ли когда-нибудь?—говоритъ одинъ изъ офицеровъ и не то шутя, не то серьезно произносить: — что-жъ, время тревожное, можно лечь спать и *проснуться* убитымъ!..

Такъ вотъ онъ — Иркутскъ — столица всей Восточной Сибири, грозный центръ ссылки!.. Среди необозримыхъ пространствъ, равныхъ многимъ государствамъ, стоитъ одиноко этотъ городъ съ немощеными, пыльными улицами, съ деревянными мостками вмѣсто тротуаровъ, одноэтажными домами.. Только одна Большая улица полна людей, снующихъ мимо магазиновъ, вымощена, и потому похожа на проспектъ губернскаго города... Днемъ въ Иркутскѣ еще замѣтна жизнь, но по ночамъ онъ всегда темень и мраченъ, какъ самый захолустный

уѣздный городишка Европейской Россіи, не знающій даже порядочныхъ версиновыхъ фонарей...

И нигдѣ по всей Россіи, нигдѣ въ мірѣ ни одинъ представитель власти не пользуется такимъ всемогуществомъ, какъ здѣсь, въ этомъ заброшенномъ городѣ, генераль-губернаторъ... Отсюда онъ править этими нѣсколькими странами—по ихъ площади, этими нѣсколькими Европейскими Россіями!..

Наскоро готовлюсь въ далекій путь... Еще съ дороги я отправилъ въ Иркутскъ знакомымъ телеграмму, прося заранѣе справиться о пароходѣ и, если можно, найти попутчика. Такъ настойчиво совѣтовалъ мнѣ старикъ-купецъ.

— Знаете, — говорилъ онъ, — не хорошо, скучно, дорого и опасно ѣздить одному въ такой путь... Пойдете нанимать у дружка лошадей, а у васъ всѣ вещи и растащутъ съ возка; потомъ съ писарями да сторожами нужно иной разъ и поругаться, когда лошадей не дадутъ, а гдѣ вамъ съумѣть... Вы сразу же сконфузитесь. Берите бывалаго человѣка!..

И для меня все налажено. Найдены до Жигаловой „проходной“ „возокъ“, сдѣлана обычная тутъ публикація въ газетѣ, что я ищу экстреннаго попутчика... И въ рукахъ у меня нѣсколько отвѣтовъ... Генрихъ Адольфовичъ Ф., брошенный неожиданно-негаданно нелѣпымъ „почеркомъ пера“ въ Иркутскъ, отрывается на время отъ привезенныхъ и сюда „дѣлъ“, таблицъ и бумагъ съ данными по народному образованію, и энергично ру-

ководить мною въ „знакомствѣ“ съ будущими спутниками... Увы, изъ мужчинъ никто не можетъ сразу же тронуться въ путь. Всѣ просятъ отсрочки... Только молодая дѣвушка соглашается... У нея сибирское лицо—широкое, скуластое, добродушное... Она — слушательница акушерскихъ курсовъ въ Томскѣ, но въ ухахъ болтаются серьги колечками... Она просто и довърчиво смотритъ на меня своими сѣрыми глазами, и я рѣшаюсь ѣхать съ ней, хотя сразу же въ глубинѣ души соображаю, что она сможетъ только стеречь вещи, а если дѣло дойдетъ до ругани, то мы оба одинаково „skonфузимся“...

Рѣшено тронуться въ путь рано утромъ.

Иду въ канцелярію губернатора получить разрѣшеніе на покупку револьвера...—И хорошо дѣлаете, что покупаете, — говоритъ мнѣ кто-то изъ чиновниковъ. — Вонъ у насъ здѣсь, въ Иркутскѣ, и то никто ночью не рѣшается ходить безъ оружія... Всѣмъ даемъ разрѣшеніе. Что подѣлаешь — столько бродягъ тянется мимо, бѣглыхъ, ссылка кругомъ... Слышали, какъ на члена судебной палаты напали? Сессія не состоялась — ранили пулей изъ кустовъ... И, вѣдь, днемъ, подъ самымъ Иркутскомъ!..

— Что же вы не принимаете мѣръ?

— А мы тутъ при чемъ? Отъ начальства все зависитъ...

— Да развѣ генераль-губернаторъ не хочетъ прекратить такой безпорядокъ?

— Конечно, хочетъ, надо полагать, вѣдь самъ здѣсь живетъ... Гдѣ же и порядокъ на-

водить, какъ не въ своемъ же городѣ... А только, очевидно, ничего подѣлать не можетъ... Ночью по Большой улицѣ еще гуляемъ, а подалеже, да въ одиночку, да безъ припаса ужъ никакъ нельзя...

Вечеромъ я окунаюсь въ мѣстные разговоры. Отъ милаго „Ивана Ивановича“ узнаю, что, благодаря воинскимъ поѣздамъ, прекратился всякій подвозъ продуктовъ къ Иркутску, что дума возбуждала ходатайство разрѣшить, хотя временно, доставку необходимаго, такъ какъ иначе въ Иркутскѣ неизбѣженъ голодъ, что газету не на чемъ печатать и скоро придется перейти къ оберточной бумагѣ, но что пока хлопоты безрезультатны.

Какой-то купецъ даже въ Петербургъ ѣздилъ выпросить разрѣшеніе привезти хотя два вагона съ его товарами, а вернулся не только безъ вагоновъ, но и безъ денегъ, израсходованныхъ на дорогу...

Обыкновенно зимою, отправляясь въ Якутскую область, всѣ берутъ съ собою готовый, но замороженный тарелками супъ на всѣ пятнадцать-двадцать дней пути... По дорогѣ ничего съѣстного не достать... И мнѣ совѣтуютъ взять съ собой консервовъ, чаю, сахару, хлѣба... Я дѣлаю величайшую глупость—не слушаю мудрыхъ наставленій и беру съ собой провизіи на два дня!.. „Возокъ“ еще съ вечера доставляютъ во дворъ гостиницы... Это не совсѣмъ обычный экипажъ. На высокихъ колесахъ—длинные дроги изъ жердей, а на нихъ громадный кузовъ-корзина, обшитая снаружи кожей

кожаный же „верхъ“, какъ въ фаэтонѣ. Сидѣнія—никакого. Я, не безъ смущенія, гляжу на это сооруженіе... Вѣдь, вѣхатъ 400 верстѣ.

— А гдѣ же сидѣтъ?—спрашиваю знакомаго.

— На вещахъ! Завтра дадите любому лакею гостинницы полтинникъ, чтобъ васъ уложилъ по-сибирски, и тогда посмотрите! .

Утромъ чуть свѣтъ мнѣ укладываютъ вещи... И я сразу же узнаю, что такое эти сибирскіе „возки“... Въ нихъ неизмѣримо удобнѣе, спокойнѣе и помѣстительнѣе, чѣмъ въ хорошей коляскѣ или каретѣ.

Сидѣтъ нужно впереди верха, посреди возка, на чемоданахъ и подушкахъ. Спинки нѣтъ. Но зато всегда можно лечь, забравшись головой вглубь нависшаго верха. И тогда вы спите „какъ дома“...

Я заѣзжаю за барышней, и мы трогаемся въ путь...

Солнце жжетъ. Барышня надѣваетъ платочекъ, а полотняную шляпу, случайно захваченную съ собой... Мы выбираемся за Иркутскъ. Лошади вползаютъ на крутую гору. Ямщикъ останавливаетъ лошадей и оборачивается.

— Виды, господа, смотрѣть будете, али нѣтъ?..

— Нѣтъ...

— Всѣ господа здѣсь смотрятъ...

Мы встаемъ на возкѣ и оборачиваемся. За глубокой зеленой падью, испещренной голубыми жилками воды, высоко поднимается снова гора, на ней пестрятъ городъ, блестятъ церковные купола... А дальше, въ стороны, тянется могучая тайга и снова

горы и горы... Видъ совершенно швейцарскій... Трогаемся...

По бокамъ дороги идутъ перелѣски... Небо ясное, тепло, трава кругомъ яркая, пышная...

— Совсѣмъ, какъ въ Малороссіи! — говорю я въ восхищеніи.

— А на ночь вы запасли шубу или теплую одежду? — усмѣхаясь, спрашиваетъ меня барышня. — Вотъ ночью посмотрите, какая Малороссія... У васъ тамъ, въ Россіи, должно, сейчасъ совсѣмъ тепло?

— Да, я уѣхалъ отъ фруктовъ...

— Ну, а у насъ, кромѣ голубицы ничего не найдете.

— Какой голубицы?

Ямщикъ, слушающій нашъ разговоръ, оборачивается и весело смѣется.

— Что ты, баринъ, голубицы не знаешь?!

— А что?

— Да какъ же не знать, когда ее каждое дитѣ въ лѣсу найдеть!..

Лошади снова начинаютъ подниматься въ гору... Ямщикъ соскакиваетъ и убѣгаетъ въ таяжники... Онъ бѣжитъ рядомъ съ нами, среди жидкихъ деревцовъ и жидкаго кустарника. Наконецъ, онъ нагибается и, торжествуя, точно олимпійскій побѣдитель, летитъ къ намъ съ вѣткой въ рукахъ. И я доподлинно узнаю, что голубица — маленькая, кругленькая, сизая ягодка, вродѣ дикаго винограда, и совершенно безвкусная...

Мы проѣзжаемъ мимо деревни... Она не похожа на наши русскія. Избы массивныя, изъ толстѣй-

шихъ круглыхъ бревенъ, какія употребляются на распилку досокъ, у оконъ вездѣ ставни съ хорошими желѣзными болтами, точно за этими окнами живетъ не бѣдная крестьянская семья, которой нечего беречь, а богатая помѣщица, изъ „ахающихъ“ дамъ, выдающихъ за всѣми кустами, во всякомъ мирномъ прохожемъ, либо разбойника, либо грабителя...

На каждой станціи мы мѣняемъ лошадей и ямщиковъ... Пока запрягаютъ, пока писарь пишетъ квитанцію, я успѣваю иногда услышать клочки „сибирскихъ“ разговоровъ...

На одной изъ такихъ станцій, когда я наскоро умываюсь, до меня доносится рассказъ „сибирскаго“ доктора...

— Поѣхали мы вскрывать трупъ убитаго... Дѣло было зимою. Разбойники уложили его около самой дороги, на открытомъ мѣстѣ... Трупъ и замерзъ. Нельзя вскрывать. Что тутъ дѣлать, какъ отогрѣть?.. Посоветовались мы съ засѣдателемъ, сдѣлали прорубь въ Ленѣ и, привязавъ трупъ на веревкѣ за шею, спустили въ воду... Сами пошли закусить. Только приходимъ черезъ нѣкоторое время, а у трупа осталась одна голова... Ахъ, ты, лѣшій! Что тутъ дѣлать? Бросили мы и голову въ Лену, а сами протоколъ составили, что никакого трупа на мѣстѣ происшествія не оказалось...

— А какъ же преступленіе?

— Да такъ и покрыли разбойниковъ...

— А панихиду отслужили?—спрашиваетъ женскій голосъ.

— Гдѣ тамъ!.. Сейчасъ видно, что вы только въ Сибирь ѣдете? Поѣзжайте подальше, сами узнаете... Тамъ въ деревняхъ всё безъ поповъ хоронятъ. Гдѣ вы попа достанете, когда его приходъ въ длину верстъ на триста, а въ ширину на пять-сотъ?.. Потомъ сразу списокъ всѣхъ погребенныхъ за зиму доставляютъ, онъ заочно и отпѣвается...

— А что за черный крестъ я видѣла около дороги?

— Черный? Значить, „государственный“ похороненъ. Политическій! Они тутъ по всей Ленѣ да по этому тракту черной краской или смолой кресты своихъ красятъ. По этому и узнать сразу можно... Надпись какая-нибудь была?

— Да, бѣлыми буквами не покрашено — „государственный“ и фамилія, а пониже: „ты предпочелъ смерть жизни въ неволѣ“...

— Значить, самоубійца... Много такихъ .. И какъ, знаете, они иногда тутъ трагически кончаютъ. Мнѣ какъ-то въ наслегѣ слышный одинъ рассказывалъ... Везли ихъ партію... И былъ, среди другихъ, одинъ — бывший офицеръ. Прекрасный человекъ, остроумный, иной разъ такой жизнерадостный... Остановились на станкѣ. Вошли въ избу... Этапа тутъ не было, негдѣ иначе было и переночевать... На стѣнѣ избы висѣли лубочныя картинки. Входитъ въ кухню этотъ бывший офицеръ, присаживается унылый и задумчивый... Чтобъ занять его или просто безъ всякой цѣли, товарищъ читаетъ ему сказку объ Аникѣ — воинѣ, напечатанную подъ картинкой... Помните эту сказку? Будете

дальше ъхать — въ каждой избѣ для проѣзжающих увидите... Не знаю, отчего по всему тракту картинку эту развѣсили... Должно, издатель ея когда-нибудь проѣзжалъ... Характернѣйшая сказка! Потраиваетъ она своей простотой и силой... Аника-воинъ развѣзжаетъ по чистому полю. Вдругъ навстрѣчу смерть. Она требуетъ его къ себѣ. Аника проситъ отсрочки хоть на три мѣсяца. Она не согласна даже на три дня. Онъ проситъ три часа. Она говоритъ: „ни минуточки“!..“ Какъ только товарищъ кончилъ, бывший офицеръ вышелъ, ни слова не говоря, во дворъ и черезъ минуту раздался выстрѣлъ... Знаете, такая „глупая“ сказка и вдругъ попала прямо въ точку... Особенно послѣдняя ея фраза, кажется, такая: „нѣтъ тебѣ сроку даже на три минуточки!“

— Да-а .. Бываетъ таки въ дорогѣ... Будете въ Верхоленскѣ да задержать съ лошадьми, пойдете на кладбище .. Я какъ разъ тогда тоже ѣхалъ... Дѣвушка какая-то везла своего товарища, фамилію помню, Богданова. Знаете, туберкулезъ ноги, обѣихъ легкихъ... Долго хлопоталъ, чтобъ изъ Киренска разрѣшили переселиться въ Иркутскъ. Разрѣшили, когда умирать началъ, пластомъ уже лежалъ... Ну, настоялъ везти... Дорогою въ возкѣ и скончался... Такъ, будто спитъ больной и переносили изъ возка въ возокъ до самаго Верхоленска... Я вижу — голова закрыта: тяжело больной. Даже подошелъ спросить, не нужно ли медицинской помощи. А дѣвушка, блѣдная вся, спокойно въ отвѣтъ: „нѣтъ, ничего, ему хорошо, не надо!“

Заходите въ Верхоленскъ—на кладбище, сразу увидите большой черный крестъ, это его и есть...

— Идемте, — зоветь меня спутница, — лошади поданы!

И мы снова движемся... Удивительно, какъ впереди насъ бѣжитъ молва, что „ѣдетъ адвокатъ“.. Страшно „любопытствуютъ“ сибиряки, и, когда вы подъѣзжаете къ почтовой стации, собирающіеся уже отъѣхать ящики черезъ минуту знаютъ, кто вы и откуда ..

Можетъ быть, поэтому ящики иногда вступаютъ со мною въ „юридическіе“ разговоры ..

— Вотъ, баринъ, этапъ у начала села, — говоритъ ящикъ и тычетъ кнутомъ въ сторону сѣрѣющей постройки...

У конца деревни стоитъ одноэтажная изба, окруженная со всѣхъ сторонъ высокимъ деревяннымъ частоколомъ изъ толстыхъ заостренныхъ вверху бревенъ. Изъ-за ихъ концовъ видна только крыша этапа... Около частокола никого нѣтъ. Не видно даже на углахъ полосатыхъ будокъ—этой неотъемлемой принадлежности всѣхъ нашихъ „европейскихъ“ тюремъ.

— Что же, — спрашиваю я, — тамъ кто-нибудь сейчасъ живетъ?

— Никого, окромя клоповъ, нѣту... Только они, подлецы, тамъ постоянно и живутъ, дожидаются партіи... Ну, а какъ приведутъ на ночевку, такъ голодные набрасываются... Пошады никому не даютъ... Уголовные и тѣ выдержать не могутъ! Хуже вшей! Посмотришь иной разъ

на барышню государственную, какъ выходить утромъ, и отвернешься—жалко смотрѣть! Ночевка такая!.. Конечно, безъ мѣшка спать никакъ нельзя... Всякій и запасается мѣшкомъ, изъ простынь, изъ юбокъ шьютъ, просто по шею влѣзетъ въ мѣшокъ и на шеѣ стянеть, какъ кисеть, а то и съ головой въ мѣшокъ... Этакій маленькій звѣрекъ, а такое паскудство! Вонъ посмотрите, видите въ сторонѣ, подъ горой, дома „братскихъ“, бурятъ, значить... Вѣдь вся деревня пустая стоитъ, окна, двери заколочены. На лѣто вонъ куды они выбрались, видите — другая такая же деревня... Такъ и кочуютъ: лѣтомъ въ однихъ домахъ, а зимой въ другихъ! А все изъ-за клоповъ: это они ихъ такъ гоняютъ... Раньше изъ-за скота бродяжествовали...

— Отчего-жъ буряты ихъ не выведутъ?

— Какъ же выведешь?! Развѣ можетъ быть жилой домъ безъ клоповъ?!

— Ну, и грязный они народъ тоже... Хорошіе люди, словъ нѣтъ, а грязные... За то принимаютъ по-хозяйски... Водку изъ молока варятъ; въ морозъ заѣдешь, всегда угостятъ...

Но о чемъ любятъ поговорить ямщики, такъ это о грабежахъ. Постепенно я узнаю, что чаще всего „поселенцы“ стрѣляютъ издалека, изъ кустовъ или вырытой канавы, убиваютъ лошадей и тогда предлагаютъ „сдаться“. Мнѣ подробно рассказываютъ, какъ въ прошломъ году подъ Жигаловой было сдѣлано такое нападеніе, какъ у одной изъ лошадей послѣ перваго же выстрѣла

выдѣзли кишки, и она все-таки не упала и спасла почту... Я узнаю, что ночью нужно опасаться и огонька неподалеку отъ дороги. Бродяги раскладывают иногда костры, чтобъ погрѣться и отвлечь отъ себя отвѣтные выстрѣлы. Заслышавъ колокольчикъ, они отходятъ отъ костра въ сторону и „проѣзжающіе“ всегда сгоряча отвѣчаютъ на ихъ выстрѣлы пулями въ огонь.

Раньше меня этотъ же путь проѣхалъ для защиты по другому дѣлу товарищъ П. Н. Переверзевъ. Однажды, ѣдучи въ этихъ „братскихъ“ мѣстахъ, онъ вдругъ услышалъ какой-то отчаянный крикъ. Ямщикъ живо обернулся къ нему. „Баринъ, слышали“?! „Да“. „Пришась есть?“ Переверзевъ показалъ браунингъ. Ямщикъ подобралъ возжи, заигигивалъ, засвистѣлъ... Лошади поднялись и понесли... Точно оторванные отъ земли летѣли они на гору и съ горы... Впередъ, скорѣе впередъ!.. У самаго конца горы стоялъ закрытый зимній возокъ. Никого кругомъ не было видно. Казалось, даже кучеръ исчезъ. Когда ямщикъ осадилъ лошадей и Переверзевъ выскочилъ изъ саней съ револьверомъ въ рукѣ, онъ увидѣлъ кучера, лежащаго ничкомъ на козлахъ. Въ возкѣ-кошевѣ сидѣла смертельно блѣдная дама съ дѣтьми... Увидѣвъ Переверзева, она въ испугѣ попыталась въ уголь кошевы... Онъ, конечно, сразу же успокоилъ ее... Оказалось, ямщикъ тоже былъ живъ, но съ перепугу послѣ перваго выстрѣла бросилъ возжи и легъ... Въ это время и раздался колокольчикъ Переверзева... „Поселенцы“, слышавъ его, убѣжали...

И всегда во всемъ, въ концѣ концовъ, виноваты „поселенцы“...

— Знаешь, баринъ, — рассказывалъ мнѣ одинъ изъ ямщиковъ, — служилъ я у Трапезникова на пароходѣ. Первые пароходы тогда по Ленѣ ходили... Дѣдушка Минеевъ капитаномъ служилъ... Потомъ ужъ онъ завелъ свою резиденцію, свое дѣло... Однажды вели мы баржу на буксирѣ. Вдругъ съ баржи кричатъ: „Человѣкъ упалъ въ воду, тонетъ, стой!“ Дѣдушка Минеевъ бросился къ машинному рупору и командуетъ: „Тихій ходъ!..“ А самъ сложилъ руки трубою и спрашиваетъ: „Кто упалъ — крестьянинъ или поселенецъ?“ Отвѣчаютъ: „Поселенецъ!“ — „Полный ходъ впередъ!“ — командовалъ дѣдушка Минеевъ, и пароходъ продолжалъ двигаться... Поселенецъ-таки выплылъ и началъ ругаться на всѣхъ русскихъ языкахъ. — „Ишь ты, тонетъ и еще ругается!“ — недовольно замѣтилъ дѣдушка и закурилъ отъ досады трубку...

— Вотъ оно какое имъ уваженіе, — замѣчаетъ ямщикъ... И я соглашаюсь съ нимъ, что „уваженіе“ неважное...

И только разъ за всю дорогу на лошадахъ, да и то отъ бабы, а не отъ ямщика, я услышалъ, что „мужики“ обидѣли „поселенцевъ“...

— Тетка, — спросилъ я на станціи, — не знаешь ли, сколько въ этомъ станкѣ будетъ верстъ?..

— Раньше было 25, а теперь 23 осталось, — увѣренно отвѣчала она.

— Какъ такъ?? — изумился я и посмотрѣлъ на нее, какъ на полоумную.

— Здѣсь поселенцы дорогу проводили, мужики наши обществомъ ихъ наняли... Ну, поселенцы двѣ версты и пропили... Какъ пошли столбы мѣтить да считать, мужики ихъ и напоили... Три раза девятнадцатую версту ставили, вотъ и вышло 23...

— А съ проѣзжающихъ какъ берутъ теперь, за 23 или 25 верстѣ?

— Знамо за 25, кто-жъ себѣ врагъ? Только будешь ѣхать и сейчасъ увидишь путанные столбы... Путанники наши мужики...

Мы ѣдемъ день и ночь безъ передышки... У моей спутницы отчаянная мигрень, я тоже чувствую усталость, несмотря на всѣ „удобства“ возка. „Какъ хорошо было бы сейчасъ сѣсть въ кресло и опереться спиной“, что грѣхъ таить, про себя малодушествую я...

— Ложитесь спать, — говоритъ мнѣ барышня, — я все равно не могу, у меня такъ трещить голова, я буду сидѣть, я и лошадей буду мѣнять... Вѣдь, никогда не сплю въ дорогѣ! — уныло произносить она.

Моя спутница ѣдетъ „въ гости“ на двѣ недѣли къ товаркѣ. Для проѣзда туда и обратно она проведетъ въ пути 16 сутокъ!

Я рѣшительно ложусь и засыпаю... На первомъ же станкѣ меня будить ямщикъ.

— Баринъ, вставай лошадей мѣнять! — Увы, моя спутница уже спитъ во всю, какъ и всѣ люди, увѣрающіе, что они страдаютъ бессонницей...

Я вскакиваю и чувствую, что окоченѣлъ отъ холода...

И начинается ночное мыканье... Едва успѣешь заснуть или задремать, какъ нужно вскакивать, бѣжать на станцію расплачиваться, давать на чайки... Дрожишь отъ пронизывающей, морозящей сырости, снова кутаешься...

Бѣдные петербургскіе швейцары!.. За границей они не „бѣгаютъ“: тамъ отъ дверей къ кровати проведена веревка, и „портье“ выпускаетъ жильцовъ своего дома, продолжая лежать.

„Недурная вещь культура и какъ хорошо было бы, если бы, кромѣ „возка“, сибиряки изобрѣли еще и „веревку“ для расплаты на станкахъ... Барышня спитъ!.. Мнѣ кажется, что такого крѣпкаго сна я никогда не видѣлъ... Въ одномъ мѣстѣ мы такъ шарахнулись съ мостика, что я подумалъ: „Не оборвались ли у меня внутренности!..“ А она хоть бы что! Въ другомъ мѣстѣ съ колеса сползъ желѣзный ободъ. Мы долго возились около него, поднимали возокъ, кряхтѣли, поминали, какъ слѣдуетъ, чорта, а она даже не шевельнулась!.. Умѣютъ спать сибиряки!..

Когда мы подъѣхали къ Манзуркѣ, уже начинало свѣтать, въ воздухѣ чувствовалась предразсвѣтная голубая мгла... Я побѣжалъ мѣнять лошадей. Все было готово, и я собирался начать умащиваться въ возокъ, какъ ко мнѣ подошелъ какой то ямщикъ и тайноспрошено спросилъ:

— Не адвокатъ ли вы?

— Да! А что?

— Не вамъ ли это письмецо? — спросилъ онъ и протянулъ мятый конвертъ. Я зажегъ спичку. На конвертѣ была надпись: „Адвокатамъ, ѣдущимъ въ Якутскъ“, и наши фамилии. На полустыкѣ почтовой бумаги значилось всего нѣсколько словъ: „Не отвѣжайте, зайдите хоть на минуту къ намъ, либо вызовите насъ. Мѣстные политическіе ссыльные“, и подписи. Я взглянулъ на барышню. Она крѣпко спала. „Будетъ-таки стеречь наше добро, — подумалъ я, — пожалуй, и безъ фрака на судъ явишься!..“ Возокъ стоялъ посреди улицы, ямщикъ, собиравшійся ѣхать, побѣждалъ за рукавицами...

— Гдѣ же они живутъ? — спросилъ я.

— Да вотъ здѣсь, видите домикъ!..

Ничего, кромѣ мглы и смутныхъ очертаній небольшихъ избъ, я не видѣлъ.

— Ну, такъ я васъ провожу.

— Ладно...

Это была маленькая деревянная лачужка, начинающая грузнуть въ землю, вѣроятно, одна изъ худшихъ избъ во всей деревнѣ... Ея дверь выходила прямо на улицу. Я постучалъ.

— Кто тамъ? — спросилъ тревожный голосъ, такой, какимъ обыкновенно на Руси встрѣчаютъ ночныя „телеграммы“.

— Не бойтесь, — отвѣчалъ я, зажигая спичку: — это не обыскъ, а ѣдущій въ Якутскъ адвокатъ.

„Онъ“ распахнулъ двери...

— Ну, садитесь, садитесь, — говорилъ „политическій“, зажигая скверную лампочку, — нѣтъ, вотъ здѣсь, на кровати вамъ будетъ мягче...

Въ этой маленькой, придавленной, грязной, прокопчёлой и душной комнатѣ жилъ онъ одинъ.

Прео мной стоялъ юноша съ хорошимъ, открытымъ лицомъ, съ блестящими глазами...

— Вы на долго?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, на нѣсколько минутъ, я очень тороплюсь...

— Ну, такъ мнѣ не успѣть созвать товарищей.. Имъ это будетъ такъ обидно... Раньше мы жили всё вмѣстѣ, а потомъ рѣшили, что удобнѣе отдѣльно... Какъ же мнѣ съ ними?!

— Вы имъ расскажете...

— Да, да, да, видите, видите, я рѣшилъ съ вами посоветоваться... Это, это такъ мучительно... Я не могу забыть...

Его голосъ теперь дрожалъ, весь онъ нервно вздрагивалъ...

— Это было девятнадцатаго мая... Да, я помню день. Къ намъ пришелъ приставъ и попросилъ не добиваться свиданія съ только что прибывшей партией, такъ какъ изъ-за этого имъ будутъ неприятности... И мы согласились... Мы сидѣли у себя.. Потомъ вдругъ услышали ужасный крикъ.. Мы выскочили...

Юноша замолчалъ... Мнѣ было страшно глядѣть на него. Все его худое тѣло колотила лихорадка, расширенные, точно испуганные глаза тоскливо смотрѣли въ пространство...

— Да, я видѣлъ... На телѣгахъ везли связанными всю партію... Они были избиты, окровавлены, оборваны и колотились головами о передки телѣг!..

И колеса такъ гулко стучали о комки засохшей грязи... Женщинъ было пять, и я видѣлъ, видѣлъ ихъ...

Юноша снова замолчалъ и забился въ уголъ комнаты...

— Они добивались свиданія съ нами, — промолвилъ онъ, нѣсколько успокоившись... Хотѣли порадовать... Потомъ мы узнали...

— Какъ же это произошло? Расскажите!

— Конвойный офицеръ Сикорскій отказалъ... Тогда партія расположилась около палей стѣны и заявила, что требуетъ, требуетъ свиданія... И этого было довольно... Кругомъ столпились конвойные, десяткіе, сотскіе, урядники... Явился приставъ и объявилъ, что мы отказались отъ свиданія, склонившись на его просьбу, что мы согласны...

— Ну...

— Партія потребовала предоставить возможность убѣдиться въ этомъ, послѣ чего соглашалась мирно ѣхать дальше. Приставъ готовъ былъ повести ихъ старосту въ волостное правленіе и дать ему свиданіе съ нѣкоторыми изъ насъ, чтобъ провѣрить его слова... Но Сикорскій запротестовалъ. Напрасно приставъ говорилъ, что беретъ на себя всю отвѣтственность за отлучку старосты, что нельзя же допускать избіенія... Сикорскій приказалъ конвойнымъ тащить политическихъ на повозки. Началась свалка, государственные не давались, хотя ихъ уже избіили... Тогда Сикорскій приказалъ „дуть“ прикладами... Уголовные хотѣли броситься на помощь, но Сикорскій крикнулъ, что прикуетъ

ихъ къ телѣгамъ... Нѣкоторые изъ партіи соскочили съ повозокъ... И Сикорскій злорадно приказалъ привязать всѣхъ, въ томъ числѣ и женщинъ... И ихъ повезли... Но за что-же ихъ избили? За что?! За попытку пожать руку товарищамъ по несчастью, за попытку сказать нѣсколько приветственныхъ словъ въ присутствіи конвойнаго офицера и солдатъ!.. Теперь мы рѣшили протестовать, послать заявленіе генераль-губернатору, но что же намъ еще дѣлать, скажите, скажите!.. Вы, вѣроятно, слышали, потомъ студентъ Минскій убилъ этого конвойнаго офицера — Сикорскаго, когда тотъ хотѣлъ изнасиловать одну дѣвушку изъ ихъ партіи...

— Гдѣ Минскій?

— Онъ арестованъ въ Якутскѣ...

— Его навѣрно будутъ судить. Вы — незамѣнимый свидѣтель. Не пишите никакихъ протестовъ, а ждите, пока васъ вызовутъ свидѣтелемъ. И тогда расскажете суду все это... А я добьюсь того, чтобъ Минскій васъ вызвалъ...

Мы расстаемся. Я бѣгу къ своему возку. Барышня спитъ...

Боже мой, сколько потомъ, въ Сибири, я слышался рассказовъ объ этихъ безцѣльныхъ, гнусныхъ избіеніяхъ партій ссылаемыхъ!..

Въ Мартыновскомъ, въ Усть-Кутѣ...

И до сихъ поръ, когда я вспоминаю ту ночную встрѣчу, у меня на душѣ поднимается давящая, рыдающая тревога...

Лошади бѣгутъ...

II.

Изъ разказовъ ямщика о политическихъ. — Скала «Чертовъ логъ» В. Г. Короленко. — Верхоленскъ. — Побѣгъ политическаго въ корзинѣ. — На лодкѣ. — Зимовье. — Политическіе въ дорогѣ. — Берега Лены. — Барышню потеряли. — По «осеннему тракту». — «Пари». — Хитрый побѣгъ политическаго.

— Везъ якутъ генераль-губернатора на лошадахъ. Тотъ все торопилъ. Якутъ гналъ, гналъ, наконецъ, остановилъ лошадей, слѣзъ и говоритъ: „не понимаю ничего: — когда урядникъ ѣдетъ, онъ все торопитъ, говоритъ — засѣдатель его ждетъ, когда засѣдатель ѣдетъ, тогда говоритъ, что исправникъ гонитъ, когда исправникъ, — тогда, говоритъ, что губернаторъ... А тебя какой чертъ торопитъ?“ — рассказываетъ мнѣ ямщикъ, останавливая посреди поля лошадей... У него добродушное лицо сибиряка — „мужика“, знающаго себѣ цѣпу, хотя онъ и одѣтъ въ жалкіе остатки того, что лишь нѣкогда было пиджакомъ... Онъ, очевидно, желаетъ предупредить „событія“ и заранѣе поминаетъ черта, на случай, если и я буду торопить его... Почти всѣ сибирскіе ямщики отчаянно гонятъ лошадей, но всегда даютъ имъ передышку на полупути станка, хитро останавливая на нѣсколько минутъ „поправить сбрую“... Въ это время, какъ ни торопишься, поневолѣ вступаешь съ ними въ бесѣду... Мой ямщикъ слѣзаетъ съ возель и подходитъ къ лошадамъ.

— Ахъ ты, проклятая, чтобъ те въ глаза извило, журддра, — ругаетъ онъ пристяжную, укоризненно глядя ей въ морду...

— Чего ты, дядя, ругаешься? — спрашиваю я...

— А такъ, что эта лошадь только и годится братскимъ (бурятамъ) на мясо, — отвѣчаетъ онъ. — Видишь: баринъ торопится, все ямщика гонить, а она хвостомъ себѣ ворочаетъ!.. А чего ты, баринъ, такъ торопишься?..

Я объясняю, что ѣду на защиту по политическому дѣлу, что никто до сихъ поръ не можетъ дать мнѣ толкомъ свѣдѣній, когда изъ Жигаловой отходить пароходъ, къ которому часу и въ какой день я долженъ поспѣть туда, чтобъ не запоздать въ Якутскъ. Поэтому я не могу рассчитать времени и боюсь потерять хотя минуту... Всѣ, кого ни спрашивалъ, если и ѣздили въ Якутскъ, то не по своей волѣ и везли ихъ не на пароходѣ, а на баржѣ-паузкѣ...

— А вѣдь, вѣрно, — замѣчаетъ ямщикъ, — сколько вожу, въ Якутскѣ самъ побывалъ, матросомъ ѣздилъ, а не знаю... И никто не знаетъ... Только ты, баринъ, не торопись: отъ Жигаловой до Усть-Кута такой пароходъ ходитъ, что на лодкѣ скорѣй доберешься... Что зря, такъ гнать... Помню, разъ тоже барышню везъ... Все меня гнала. Хуже исправника... — „Въ Верхоянскѣ, говорить, ѣду, ночи не сплю, тороплюсь къ своему милому, я ему, значить, невѣста... Государственный онъ, студентъ... Услали его туда на 10 лѣтъ“ ... Потомъ назадъ она возвращалась... Я ее сразу узналъ.

вольнымъ дружкомъ у станка стояль... Узнать ее трудно было. Какъ живой мертвецъ ходить.— Что, спрашиваю, барышня, и назадъ такъ торопишься? Доѣхать не успѣла, какъ домой, соскучила!— смѣюсь даже. Тутъ она и расплакалась... — „Пріѣхала я, наконецъ, въ Якутскъ, а товарищи моего Вани мнѣ и говорятъ, что уже два мѣсяца, какъ умеръ“... Письмо оттуда три мѣсяца идетъ, телеграфа нѣтъ... Какъ умеръ, такъ сейчасъ же написали. Она къ нему ѣдетъ, а къ ней письмо идетъ... Вотъ и торопилась...

Ямщикъ замолкаетъ, тихо сплевываетъ, садится на козлы и начинаетъ бѣшено гнать лошадей...

Такъ гонятъ всю дорогу только „дружки“ или, подѣзжая къ станку, дежурные ямщики. Но „дружки“—это излишняя роскошь, ихъ приходится брать втридорога, когда на станкахъ нѣтъ дежурныхъ ямщиковъ.

Дорога вездѣ грунтовая, шоссе нигдѣ нѣтъ, кое-гдѣ у станковъ попадаются кузницы, мелькнула, даже, одинъ разъ крошечная малороссійская хатка съ цвѣтами въ окнахъ, кое-гдѣ на околицахъ деревень установлены заставы, охраняемыя нищими калѣками... Заставы—ворота устроены для защиты посѣвовъ отъ потравъ. На бѣглый взглядъ, засѣянные поля мало чѣмъ отличаются отъ малороссійскихъ близъ Миргорода или Сорочинецъ...

Но вотъ и паромъ около селенія Качутскаго. Мы переѣзжаемъ рѣку Лену—пока небольшую рѣчку, которая затѣмъ превращается около Якутска въ могучую, быструю рѣку, шириною 10 верстъ,

а за Якутскомъ расплывающуся въ самое жаркое время на 30 верстъ ширины... Точно море... *).

Путь тянется теперь по берегу рѣки Лены... Иногда сѣрая лента дороги забирается въ прибрежныя крутыя и высокія горы, изумительной красоты, потомъ падаетъ внизъ и снова вьется по берегу рѣки.. Около станка Петровскаго находится знаменитый Шамановъ логъ—тотъ самый „чертовъ логъ“, который такъ художественно описанъ В. Г. Короленко въ его захватывающемъ разсказѣ „Убийецъ“... Только скала—страшный палецъ, грозно торчавшій надъ дорогой, лѣтъ шесть назадъ развалился и, грохнувъ поперекъ дороги въ рѣку, запрудилъ на половину ея быструю течею... И сейчасъ этотъ „палецъ“ лежитъ поперекъ дороги высокимъ бугромъ, точно курганъ страшныхъ воспоминаній этого закутка...

— Пріѣзжали сюда инженеры, взрывали порохомъ... Да куда дѣнешь столько камня, когда надъ дорогой такая крутая гора,—повѣствуетъ ямщикъ,—вишь, и сейчасъ съ опаской приходится ѣхать!..

— А что, какъ тутъ на счетъ разбоя?

— Да, самое разбойническое мѣсто,—лучше, баринъ, не спать, поглядывать...

Я вылѣзаю изъ возка и поднимаю кусокъ „пальца“, мнѣ хочется довести его съ собою до

*) Благодаря массѣ острововъ, ширина рѣки не бросается въ глаза. Капитанъ парохода, часто ѣздившій на «Громовъ» за Якутскъ до Ледовитаго океана, говорилъ мнѣ, будто многіе не вѣрятъ, что рѣка такъ широка.

полтавщины и передать на память В. Г. Короленко...

Вотъ, уже четыре станка мы ѣдемъ по берегу Лены. Это все больше заливной ярко-зеленый лугъ, одной стороною упирающійся въ рѣку, другой—въ горы, покрытыя неизмѣнной тайгой. Кое-гдѣ попадаются вспаханныя поля. Иногда дорога подходитъ къ самымъ горамъ—крутымъ и высокимъ скаламъ изъ красной плиты съ прослойками красной глины. Надъ водой берегъ у скалъ заросъ алеей „талины“ (тальника, вродѣ вербы).

Около станковъ вездѣ столбы съ надписями—сколько верстъ до Иркутска, Верхоленска и Киренска.

И разстоянія эти громадны—все сотни верстъ. Кромѣ того, на тѣхъ же столбахъ надписи съ указаніемъ числа жителей.

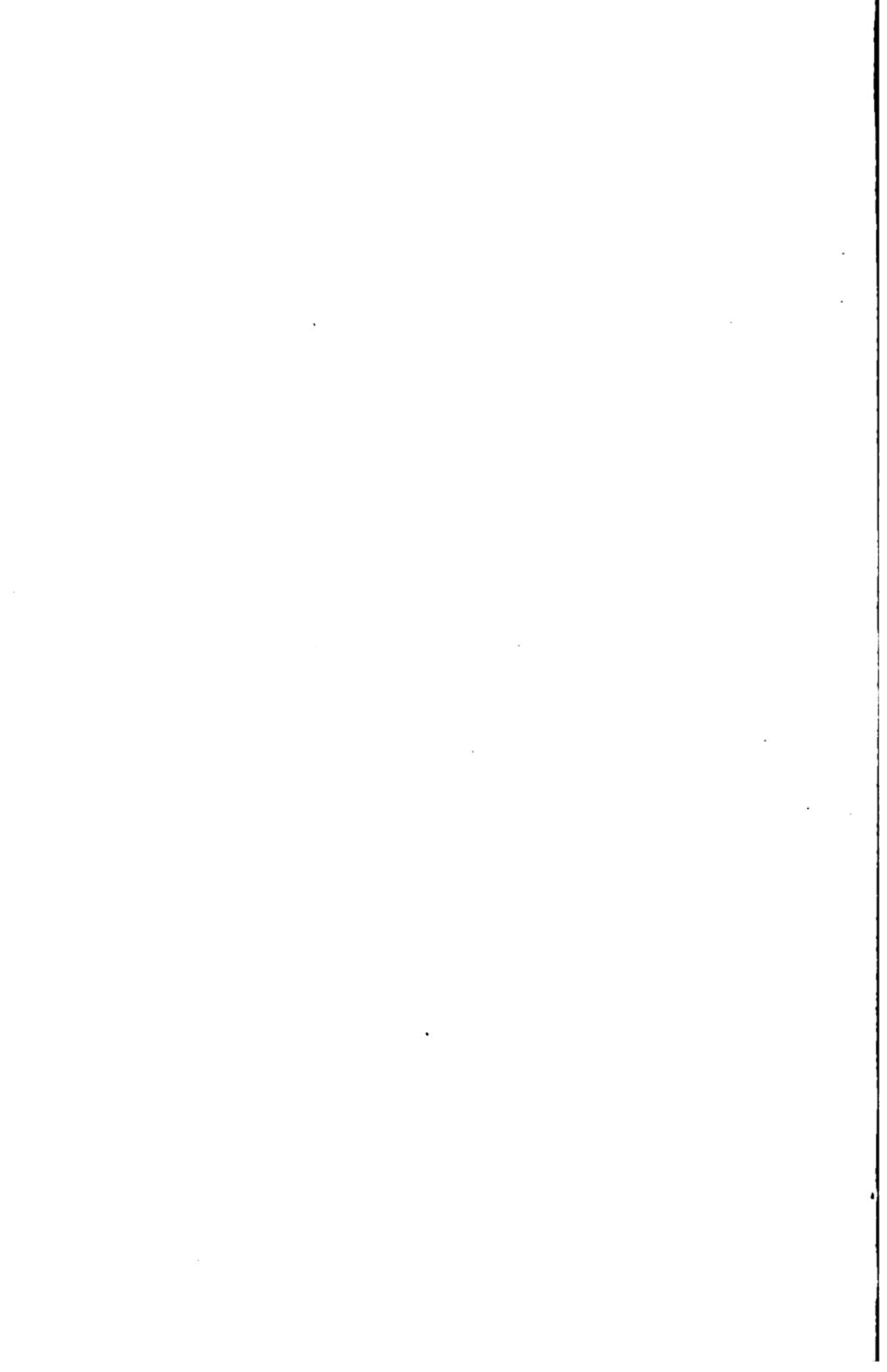
— Мужчинъ—85, женщинъ—60,—началь я какъ-то читать.

— „А воровъ 15“,—продолжилъ въ тонъ мнѣ ямщикъ...

Верхоленскъ расположенъ на дивной долиинѣ Лены, усыпанной спѣлымъ глодомъ и яркимъ шиповникомъ. Когда-то этотъ городокъ съ нѣсколькими мелочными лавочками, базаромъ, церковью, школой, министерской аптекой былъ извѣстенъ, какъ мѣсто ссылки политическихъ. Но теперь сюда никого изъ нихъ не ссылаютъ, какъ въ населенный пунктъ.—Въ цѣломъ рядѣ циркуляровъ иркутскихъ генералъ-губернаторовъ, начиная съ восьмидесятыхъ

Берегъ р. Лены.

годовъ, указывается на необходимость ставить политическимъ ссылкой всевозможныя къ тому препятствія. Благодаря якутскому дѣлу, я имѣлъ полную возможность познакомиться съ этими бессердечными, жестокими циркулярами!

Верхоленскъ нельзя смѣшивать съ Верхоянскомъ — этимъ ужаснѣйшимъ изъ ужасныхъ мѣстъ политической ссылки... А между тѣмъ эти сходныя названія путаютъ очень многіе... Помнится, Кеннагъ передаетъ исторію жены доктора Бѣлаго. Она поѣхала къ нему изъ Петербурга тогда, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ. Нѣсколько мѣсяцевъ провела несчастная женщина въ тяжеломъ пути, считая, что концомъ ея мученій явится г. Верхоленскъ, найденный ею на картѣ Сибири. И когда, наконецъ, она добралась сюда, то узнала, что мужа ея въ Верхоленскѣ нѣтъ, что онъ въ Верхоянскѣ, а что до Верхоянска нужно ѣхать еще столько же, но дорога тяжелѣе и ужаснѣе. Это такъ подействовало на растерявшуюся одинокую женщину, что она сошла съ ума и скончалась въ Верхоленскѣ... И сейчасъ на Верхоленскомъ кладбищѣ висится старый черный, весь въ морщинахъ и трещинахъ крестъ надъ ея страдальческой могилой...

Теперь Верхоленскъ и Верхоянскъ смѣшиваютъ, главнымъ образомъ, почтовые чиновники и почтальоны, создавая тѣмъ безконечное, на долгіе мѣсяцы, запозданіе писемъ для жителей Верхоленска..

Но, несмотря на отсутствіе ссылки въ Верхоленскѣ, политическая ссылка наложила свою печать на этотъ край. Я не говорю о такихъ за-

урядныхъ явленіяхъ, какъ то, что здѣсь много лавочниковъ изъ бывшихъ политическихъ ссыльныхъ рабочихъ. Нѣтъ, здѣсь можно много слышаться и разказовъ про политическихъ.

Когда мы выѣхали за околицу Верхолenska, у колеса возка отвинтилась гайка, и мы чуть не вывалились. Я попросилъ ящика помочь мнѣ снова уложить вещи. Глядя на мой чемоданъ, ящикъ, ухмыляясь, произнесъ:

— А что, баринъ, вѣдь въ этомъ чемоданѣ можно политическаго увести...

— Какъ такъ?—спросилъ я,—не увезешь, задохнется и не помѣстится.

— Чего не помѣстится?—засмѣялся ящикъ.— Я самъ разъ везъ изъ Александровской каторжной тюрьмы... И какъ это они—государственные ловко устроили. Когда освобождали двухъ, стали осматривать ихъ вещи. Они и показываютъ большую корзину, полную книгъ... А подъ книгами-то живой человекъ лежитъ.—Потомъ мнѣ надзиратель разсказывалъ.—Офицеръ посмотрѣлъ и говоритъ солдату:—Ну, ладно, будетъ. А солдатъ въ отвѣтъ:—„какъ прикажете Ваше Высокородіе,—я могу разыскивать по всему свѣту и могу ограничиться ничѣмъ“. Такъ и не посмотрѣли. Вынесли корзину. Тяжелая, страсть. Одинъ изъ государственныхъ даже еще смѣется.—Экая у тебя корзина тяжелая, сколько книгъ ты собралъ! И что вы думаете, до сихъ поръ понять не могу, какъ это онъ тамъ помѣстился, въ какой только калачикъ человекъ можетъ превратиться! А, вѣдь, и политическій былъ

важный—въ каторгу шель... Привязали корзину сзади. Покатили. Сидятъ эти двое, молчатъ. Приѣхали на станокъ. Начали мы перекладывать вещи, кладешъ на землю. Все ничего. Только поставили и корзину, вдругъ собаченка, какъ подлетитъ, и ну на корзину лаять! — Фу, ты, лѣшій. Сколько вещей на своемъ вѣку перекладывали, никогда на нихъ собака не лаяла, а тутъ такъ и хочетъ вцѣпиться!—Писарь мнѣ и шепчетъ:—Надо бы посмотреѣть, что тамъ такое у нихъ въ корзинѣ, нѣтъ ли убитаго. Въ это время подходитъ одинъ изъ нихъ и такъ спокойно говоритъ:—„посмотрите, какъ собака на корзину лаетъ, видно мышенокъ въ нее забрался. Сколько крысъ и мышей у насъ въ тюрьмѣ было!“ Какъ сказалъ, такъ писарь и успокоился, видитъ—дѣло безъ утайки!... Ну, корзину и увезли. А потомъ разбирай,—что тамъ—мышенокъ или человекъ былъ!... Подъ вечеръ они ѣхали, ночью взяли дружка, корзину въ телѣгу поставили и выпустили. — Дальше втроемъ поѣхали...

На разстояніи между Верхоленскомъ и Киренскомъ, т.-е. на 1200—1500 верстѣ, нѣтъ ни одной больницы. Простая лихорадка или острый ревматизмъ могутъ оказаться здѣсь неизлѣчимыми, мучительными болѣзнями, такъ какъ нигдѣ по пути не найти ни хинина, ни салициловаго натра. Можно себѣ представить, что переживаютъ въ этомъ медленномъ пути изнуренные тюрьмами политическіе ссыльные, идущіе часто безъ достаточной верхней одежды, выхваченные изъ дому безъ

всякихъ запасовъ не только лекарствъ, но даже продуктовъ...

Мы проѣзжаемъ деревню Качтенево, раскипущуюся на берегу Лены. Здѣсь единственная на всей безконечной рѣкѣ водяная мельница...

Дорога все еще бѣжитъ по берегу Лены. Тѣ-же красныя скалы, тѣ-же лужайки береговъ. Въ узкихъ мѣстахъ дороги, гдѣ она жметъ къ скалѣ надъ водой, уставлены даже заборчики изъ столбиковъ съ перекладинами. На томъ берегу тянется полугогимъ покатою тайга... И, несмотря на столбики и заборчики, все это разительно глухо и пустынно...

Мы приближаемся къ Жигаловой. На одномъ изъ станковъ дѣвочка выносить въ грязной мискѣ земляники.

— Купи, баринъ, дальше нигдѣ нѣ будетъ. Губернаторъ ѣхаль—тоже бралъ,— убѣждаетъ она меня.

— Я-бы взялъ, если-бы къ ней сливокъ достать и сахара...

— И губернаторъ тоже бралъ молока; постой, я тебѣ тоже столку сахару.

— Въ чемъ-же ты столкнешь?

— А вотъ въ платочкѣ, съ головы сниму и столку.

И замѣтивъ, что я гляжу на нее съ колебаніемъ, дѣвочка мнѣ сказала:—чего ты, баринъ, сумлѣваешься?—Я и губернатору въ платочкѣ толкла, онъ двѣ тарелки попросилъ, даль тридцать копѣекъ... Больше нигдѣ земляники не будетъ!

Я рѣшаю, что разъ самъ губернаторъ пользо-

вался толченымъ сахаромъ изъ ея грязнаго платочка, то, очевидно, и мнѣ не пристало отказываться, тѣмъ болѣе, что ротъ все равно полонъ самой возмутительной пыли. И, заѣдая „въ послѣдній разъ“ землянику, я думаю о томъ, въ какой глухой уголъ ѣду, если губернаторъ, возвращаясь оттуда, набрасывается на такое угощеніе...

Но вотъ и Жигалово—небольшая деревушка. На берегу Лены видны почтовые лодки, шитики. Я покупаю сѣтку отъ комаровъ и разныхъ маринадовъ, за которые переплачиваю сравнительно съ Иркутскомъ тройныя деньги. Дальше ничего нигдѣ не купить.

Наконецъ, ѣду въ сторону, къ дальнему берегу Лены, на „резиденцію“ Минеевыхъ, откуда долженъ отойти ихъ пароходъ.

Лошади останавливаются.

Удивительно любятъ сибиряки это слово „резиденція“. Точно у нихъ вездѣ короли... Да оно въ дѣйствительности такъ и есть, ибо эти резиденціи всегда принадлежатъ денежнымъ королямъ того или иного раіона. Резиденція Минеевыхъ, Громоныхъ, Коковинныхъ и Басовыхъ, Глотова, Сибиряковыхъ... А поглядишь: просто на просто большой помѣщичій дворъ, хозяйство.

Я иду къ королю Минеевской резиденціи узнать, — когда пойдетъ его пароходъ. Знакомлюсь съ „самимъ“. — Это еще сравнительно молодой, энергичный и любезный человѣкъ.

— Видите-ли, — говоритъ онъ увѣренно, — когда пойдетъ пароходъ — я и самъ не знаю: я получилъ

письмо отъ брата, пишетъ, что хочетъ прїѣхать повидаться, вотъ и приходится подождать... И, замѣтивъ мое молчаливое изумленіе, а можетъ быть и негодованіе, онъ поспѣшно прибавляетъ:—видители, пароходъ немножко за камни зацѣпилъ, нужно крылья поправить... Онъ совсѣмъ малютка...

— А какъ же пассажиры?—спрашиваю я.

— О, имъ будетъ прекрасно: для пассажировъ барка съ каютами, они всѣ могутъ остановиться въ ней и пожить. Въ ней удобно, очень, очень хорошо... Подождутъ денька два, три, четыре...

Я объясняю ему, по какому поводу ѣду, и прошу сказать по правдѣ, когда и какъ мнѣ ѣхать.

И молодой Минеевъ оказывается очень добросовѣстнымъ человѣкомъ.

— Я и самъ не знаю, когда пойдетъ пароходъ,—сообщаетъ онъ,—лучше поѣзжайте на лодкѣ, дѣло будетъ вѣрнѣе...

Дѣлать нечего. Приходится ѣхать въ лодкѣ. Моя спутница рѣшаетъ остаться, ждать пароходъ. Я наскоро прощаюсь съ нею и отправляюсь нанимать проходной „шитикъ“ — большую лодку съ будкой посреди. Такъ совѣтуютъ мнѣ всѣ, съ кѣмъ ни заговоришь,—иначе не будетъ покоя: на каждомъ станѣ придется мѣнять лодку, перекладывать вещи. Мнѣ указываютъ хозяевъ „шитиковъ“. Отыскиваю. За пользованіе „шитикомъ“ уплѣчиваю впередъ 10 рублей. Прїѣхавъ въ Усть-Куть, долженъ сдать „шитикъ“ писарю почтовой станціи.

Никакихъ другихъ хлопотъ. А, затѣмъ, почтовый пароходъ и уже до самаго Якутска безъ пересадокъ!

Шитикъ—очень хорошъ. Посреди него—помѣстительная каюта съ порядочными окнами, столъ, скамьи...

Трогаемся. На веслахъ два гребца и рулевой. Я распаковываю вещи, устраиваюсь, люблюсь видами... Мы выѣзжаемъ изъ залива рѣки на открытый протокъ и быстро несемся по теченію. Кругомъ тайга, камни... „Ямщики“ молча гребутъ...

Далѣе, до самаго Якутска, на разстояніи почти трехъ тысячъ верстъ, нѣтъ другого сообщенія, какъ по рѣкѣ. Правда, зимою возятъ на лошадяхъ по льду Лены. Бываетъ, что въ распутицу, между 15 сентября и 15 ноября, нѣтъ никакого сообщенія, или возможно пробраться только мѣстами и только верхомъ...

Не успѣваемъ мы отъѣхать и пяти верстъ, какъ на встрѣчу намъ поднимается буйный вѣтеръ. Я уже проклинаю въ душѣ, что взялъ такой большой шитикъ, съ такой громадной будкой, торчащей противъ вѣтра, точно нарочито натянутый парусъ. Лодка медленно ползеть.. Начинаю томиться: первый станокъ—длиною въ 30 верстъ...

Посреди станка, въ тайгѣ, одиноко торчитъ жалкая четырехугольная избушка съ сарайчикомъ. Около нея расчищенная полянка и ничего болѣе...

А кругомъ шумитъ глухая тайга да валяются повсюду деревья бурелома—безъ коры и вѣтвей, иногда обгорѣлыя, точно бревна отъ разрушенной послѣ пожара постройки...

— Что это за домишко?—спрашиваю я моихъ „ямщиковъ“.

— „Зимовье“, баринъ...

— Для чего-жъ оно?

— А такъ что зимой ямщикамъ и проѣзжающимъ холодно весь станокъ 30 верстъ безъ передышки ѣхать, иной разъ замерзнуть можно, вотъ и заѣзжаютъ. На зиму сюда одинъ поселенецъ переходитъ. Есть самоваръ, чай всегда можно купить... И отогрѣваются... Хорошее зимовье!..

— Какой тамъ хорошее! Избенка на курьихъ ножкахъ!

— Да ты, баринъ, должно не видалъ настоящаго зимовья?

— Какого?

— Да таково, что по тайгѣ вездѣ!..—Стоитъ себѣ въ тайгѣ избенка, будто вѣдьма въ ней живетъ. Пустая, холодная, нетопленная. Полъ земляной, потолокъ и стѣны. Ничего кругомъ. Прямо, ящикъ деревянный. Только камелекъ да дрова внутри сложены. Всякій, кто ѣдетъ мимо, заходить, раскладываетъ огонь. Дыму больше, чѣмъ тепла. А отогрѣется, обязанъ самъ собрать дрова и сложить въ зимовьѣ, чтобъ тому, кто послѣ проѣдетъ, можно было-бы отогрѣться.— Не губи другого! Такой порядокъ заведенъ... Уходишь, двери притворить обязанъ. Да не помогаетъ. Иной разъ зайдешь въ зимовье, а въ немъ—медвѣдь: черезъ крышу въ трубу камелька забрался! Выгналъ его кто-нибудь изъ берлоги. Тогда берегись!.. Вотъ

какія бывають „зимовья“!—Страшнѣе самого мороза... А такая теплушка—благодать!..

— Ну, и благодать!..

— Не говори такъ, баринъ! Везли мы этой зимою партію политическихъ. По трое въ каждомъ возеѣ да по жандарму. Какъ схватили ихъ, такъ и повезли. Одежда плохонькая. А морозъ страшный, лютый, больше сорока градусовъ, говорили. Гдѣ ящики сжалуются, дадутъ дохи, а гдѣ нѣтъ и такъ ѣдутъ,—понадѣвали на себя все, что есть, въ одѣяла, подушки закутались... Мы-то свою одежду дали, да одному грузину, изъ теплыхъ краевъ, не хватило. Вотъ проѣхали верстъ восемь,—онъ и завопилъ. Ничего не умѣетъ по-русски.—Кричитъ: „скандалъ!“—и баста. Другого слова не находитъ. Потому даже плавать началъ... Одинъ товарищъ его, тоже политическій, снялъ съ себя, что пришлось, другой тоже снимаетъ. Мы кричимъ: что вы дѣлаете, замерзнете, нельзя раздѣваться! Накинули они на грузина—не помогаетъ. Видимъ, плохо дѣло: затихъ, заснуть можетъ, замерзнетъ. Начали мы гнать лошадей... Неслись, какъ вѣтеръ! Вотъ пріѣхали къ этому самому зимовью. А онъ увидалъ его, пришелъ въ себя и снова давай кричать свое: „скандалъ!“ да „скандалъ!“...

Вошли въ зимовье. А тамъ огонь разведенъ, тепло, самоварчикъ стоитъ. Какъ увидалъ грузинъ, обрадовался страшно, самъ не свой, бѣгаетъ по зимовью, танцуетъ и отъ радости кричитъ: „долой, долой!“... Слово второе сразу нашель!

— Какъ?

— Да такъ и кричить: — Долой, долой! — Онъ съ политическими все шель, ну замѣтилъ, что какъ тѣ развеселятся или соберутся вмѣстѣ, такъ сейчасъ и кричать — „долой содержаніе! долой содержаніе!“ Онъ отъ нихъ это слово и перенялъ. Только два слова по русски и зналъ: „скандалъ“ и „долой“. Вотъ оно какое веселое мѣсто это зимовье... И нѣмой заговорить!

— Ну, а что было съ нимъ дальше, замерзъ или нѣтъ?

— А кто жъ его знаетъ — наше дѣло ямщицкое. Достали и ему тутъ, вродѣ дохи, московскій тулупъ отъ поселенца. Сжалился. Мы потомъ привезли ему обратно...

Я окончательно изнываю отъ медленной ѣзды. Попробовалъ, чтобы развлечься, — выкупаться. Солнце — жаркое; несмотря на сильный вѣтеръ, въ воздухѣ тепло.

Я плыву рядомъ съ шитикомъ. Вода — холодная, „ледяная“. Точно у насъ въ Малороссіи поздней октябрьской осенью...

— А что, холодно? — спрашиваетъ одинъ изъ ямщиковъ...

— Очень.

— Ну, вотъ попадешь на пароходъ, тогда хорошо будетъ: какъ останевится подольше, попроси машиниста паръ въ воду пустить и купайся съ колеса пониже! По лопастямъ спуститься можно, сбоку на полочкѣ тамъ, внутри колеса, удобно раздѣваться. Только далеко не залывай, да повыше

по водѣ держись! Многіе такъ на Ленѣ съ парохода купаются...

Я выбираюсь изъ воды и очень скоро чувствую солнечный ожогъ лица... Уже на завтра у меня слѣзла кожа со всего носа.

Цѣлый день проходить въ пути перваго-же станка. Тридцать верстъ мы ѣдемъ десять часовъ! Если такъ будетъ дальше, вмѣсто двухъ — трехъ сутокъ, придется ѣхать восемь.

Разспрашиваю ямщиковъ. Они совѣтуютъ бросить „шитикъ“ и двинуться дальше на самыхъ маленькихъ почтовыхъ лодкахъ, снимая верхъ отъ вѣтра. Такъ и дѣлаю..

Теперь я ѣду на простой „почтовой“ лодкѣ. Эти лодки не похожи на наши европейскія. Онѣ — длиною шаговъ двадцать, почти плоски и сколочены изъ цѣльныхъ толстыхъ, некрашенныхъ и несмоленныхъ досокъ отъ вѣсковыхъ сосенъ, какими богата только Сибирь. Надъ водой борта поднимаются въ ширину одной доски. Но лодки — очень устойчивы. Кочета замѣняетъ колышекъ, на веслахъ дужки изъ хвороста. На полу лодки небрежно брошены подмости — такія-же длинныя неструганныя доски. На подмосткахъ лежитъ „кошма“ — большой кусокъ грубаго войлока. И ничего больше. Можно либо лежать, либо сидѣть на собственномъ чемоданѣ. Скамьи лишь для гребцовъ.

Такъ какъ я тороплюсь, теперь у меня четыре гребца: два на носу лодки и два у кормы, почти вплотъ у рулеваго. У длинной деревины, замѣняю-

щей, какъ на Дѣвпровскихъ плотахъ, руль, стоитъ ямщикъ. Гребцы одѣты въ красныя ситцевыя рубахи, шаровары и особые сапоги изъ приставныхъ голенищъ со штрипками и божаныхъ лаптей. Мы снимаемъ верхъ лодки — полукруглую будку. Лодка теперь идетъ быстро. Прежде, чѣмъ тронуться въ путь, я говорю гребцамъ, что дамъ 2 рубля на водку, если станокъ (большею частью около 20 верстъ) мы пройдемъ за 2 часа. И лодка летитъ по 10 верстъ въ часъ.

Ямщики поснимали шапки отъ жары и смѣются, что меня въ деревнѣ примутъ за священника. Они всегда снимаютъ шапки, если везутъ священника.

Когда на встрѣчу дуетъ сильный вѣтеръ, я беру трехъ гребцовъ и пару лошадей съ ямщиками на нихъ. И лодку тянуть бичевой.

Оба берега Лены, высокіе и крутые, покрыты темно-зеленой тайгой, ползущей на самныя неприступныя свалы и покрывающей верхушки ихъ шапками изъ темно-зеленаго каракуля... Но иногда на берегахъ, когда сопки уходятъ вдаль, раскрываются прекрасныя сѣповосы... По прежнему попадаются красныя горы съ красными прослойками, лежащими, какъ графитъ. Иногда на горахъ тайга становится фіолетовой — это выжженные лѣса. И нигдѣ нѣтъ горизонта. Каждый моментъ рѣка кажется озеромъ, кончающимся тутъ же около горъ... Безлюдье поразительное... Построекъ въ пути никакихъ. На берегу попадаютъ только вороны и черныя цапли. Деревушки жалкія, сѣрыя, безъ

деревьевъ, разнообразятся лишь новыми постройками изъ свѣжаго лѣса.

Но на станкахъ-деревушкахъ (другихъ нѣтъ) во всякое время дня и ночи ждуть и староста, и писарь, и дежурные ямщики-гребцы. И бѣгать въ поискахъ ихъ не приходится... Гребцу полагается плата такая же, какъ лошади: по 4 коп. верста.

Ночью на Ленѣ отчаянно холодно, находить густой туманъ. Я не запаса мѣховой одеждой. И, несмотря на середину іюля, дрожу отъ холода въ осеннемъ пальто и одѣвалъ... И становится жутко... Угрюмая тайга дѣлается совершенно черной, горы тяжело нависаютъ надъ рѣкой... Куда ни глянь — непролазное, глухое безлюдье... Впередъ на пятнадцать верстъ — ни души, а по сторонамъ на тысячи верстъ брошенная всѣми, кромѣ звѣрья, тайга...

Первой же ночью спрашиваю о чемъ-то ямщика, и онъ вдругъ отвѣчаетъ на прекрасномъ украинскомъ языкѣ.

— Какъ вы сюда попали? — изумляюсь я.

— За убійство. Отбыль каторгу на Сахалинѣ, бѣжалъ съ поселенія, — спокойно отвѣчаетъ овъ...

— И прибѣжали сюда?

— Нѣтъ, снова убилъ, семейство вырѣзалъ, въ Усть-Кутѣ каторгу отбывалъ, а здѣсь остался на поселеніи...

— Ну, а вы здѣшній? — спрашиваю другого.

— Нѣтъ, калуцкій, — да я за пустяки, — такъ за грабежъ сюда пришелъ...

— А вы? — обращаюсь къ третьему.

— Я больше за конокрадство и за кражи...

Этотъ разъ у меня только трое ямщиковъ, такъ какъ на станкѣ нашлась небольшая легонькая лодка.

— Ну, братцы, и компанія же васъ собралась — аховые все ребята! — говорю я, шутя, моймъ ямщикамъ, и подумываю, что недурно было бы вынуть на всякій случай изъ чемодана револьверъ. — Вамъ остается либо убить, либо ограбить меня!

— Не бойтесь, не убьемъ и вашимъ преимуществомъ не воспользуемся, — добродушно отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ, — мы теперь при дѣлѣ, исправно держимся, товаръ сплавляемъ, прискоковыхъ возимъ...

— Только разъ за все время барышню потеряли, — хитро замѣчаетъ калужскій.

— Какъ такъ? — Спрашиваю я не безъ смущенья...

— Ъхала она, должно быть, съ матерью къ отцу или брату — государственному... Провѣдать, значить... Лодка проходная до Жигаловой. Ночь была темная, вѣтерокъ по Ленѣ гулялъ... Барышня то заснула, а мать не спитъ. Вотъ пристали мы къ станку, пошли всѣ „лошадей“ мѣнять — гребцовъ, значить, новыхъ добывать. А барышню оставили спать. Вѣтерокъ и поднялся, сталъ пошатывать лодку; пошатывалъ, пошатывалъ, пока лодка не уплыла. Пришли обратно, а барышни и нѣтъ. Уплыла. Мать какъ заплачетъ!

— Берите, что хотите, а подайте мнѣ мою дочку! А гдѣ ее возьмешь, когда на два шага ничего не видно? — Поѣзжайте, кричите, догоняйте! А куда поѣдешь? — Можетъ, ее теченіемъ по водѣ понесло, а, можетъ, вѣтромъ противъ воды погнало —

будка была одѣта!.. А все-таки поѣхали.... Всю ночь мыкались... Возвращаемся—ничего не нашли!—А она, барышня, намъ навстрѣчу сама—веселая барышня. Смѣется. Ее сорвало отъ берега и на ту сторону снесло. Утромъ проснулась. Ничего бы ей не подѣлать, да увидала обратную лодку, крикъ подняла—ее и доставили. Мать отъ радости даже плачетъ.—Я, говорить, нечего грѣхъ таить, думала вы, поселенцы, мою дочь зарѣзали и спрятали, чтобъ ограбить... Теперь—не боюсь больше поселенцевъ, милые вы мои! Хорошо барынька на чай дала!.. Хорошая барынька!..

На одномъ изъ станковъ, уже поздней ночью, когда я тороплю дать поскорѣ ямщиковъ, писарь, вдругъ, медленно поворачивается ко мнѣ.

— Что, господинъ, вы не боязливый?

— Какъ когда,—изумленно отвѣчаю я.

— Ну, такъ этотъ станокъ вы можете проѣхать напрямикъ, по берегу, тайгой.—Это будетъ много скорѣе. Часа три выгадаете. А можетъ и больше! Нашъ станокъ—отчаянный, много камня, особенно подъ водой, лодку ночью гнать никакъ нельзя, легко распоротъ. И рѣка крутится... Только согласятся ли ямщики везти. Дороги проѣзжей собственно нѣтъ... Такъ, осенняя верховая тропа... Попробуйте, поговорите съ ямщиками.

Я иду въ ямщицкую избу. Многіе спятъ въ повалку, нѣкоторые сидятъ. Спрашиваю, не согласятся-ли кто-нибудь свезти на лошадяхъ, предлагаю двойную плату. Всѣ сразу же, не вступая ни въ какіе переговоры, угрюмо и наотрѣзъ отказы-

ваются. Но одинъ будить нѣсколько спящихъ ямщиковъ. Всѣ просыпаются, обступаютъ кругомъ. Я излагаю свое предложеніе. Одинъ изъ проснувшихся ямщиковъ мрачно изъ подлѣбья смотритъ на меня и точно хочетъ сказать: „а давно я не ѣлъ человѣческаго мяса“. Но онъ отворачивается, уходитъ въ уголь и ложится раньше другихъ. Слава Богу! Съ нимъ лучше не встрѣчаться ночью въ тайгѣ, — думаю я...

Соглашается везти молодой, жизнерадостный паренекъ, лѣтъ шестнадцати — семнадцати.

— Дашь за четверку лошадей? — спрашиваетъ онъ. — Повезу на парѣ, повозкой. Дашь?

— Дамъ. Бѣги скорѣе запрягать, да положи въ повозку побольше сѣна.

— Ладно.

— Куда ты, болванъ, собрался? — накидываются на него ямщики. Что ты ошалѣлъ, что ли!

Но паренекъ не слушаетъ ихъ и убѣгаетъ.

— Чего вы на него кричите? — недовольно обращаюсь я къ ямщикамъ. — Не хотите сами везти и не надо, зачѣмъ другому перебивать, какое вамъ дѣло?

— Не какое дѣло, значитъ! — Понимаешь: — на пол-дорогѣ медвѣдь сохатаго задушилъ. Видно, вскочилъ на него, сохатый и повесъ. Медвѣдь-то одной лапой за шею вцѣпился, а другой на пути всѣ молодя деревья съ корнями повывривалъ... Такъ и лежатъ. Половину сохатаго медвѣдь унесъ, а половину туши оставилъ. Вся шея когтями изодрана. Около дороги валяется. Ночью можетъ прійти...

— Что-жь это за сохатый?

— Не видалъ? — Олень, сказать, большой, шерсть длинная, сѣрая, вродѣ щетины, а рога, какъ вѣтки. Лѣтомъ онъ завсегда выходитъ купаться, когда мошка одолѣваетъ. Увидишь.

Возвращается обезкураженный паренекъ.

— Не могу, баринъ, ѣхать, — говоритъ онъ смущенно. — Отецъ пускаетъ, а мать плачетъ, боится медвѣдя... Очень ихъ у насъ много.

— Ничего, поѣдемъ, у меня съ собою превосходный револьверъ — 14 пуль можно выпустить, хоть какого медвѣдя уложимъ. Иди, скажи, что у меня есть припасъ! Можетъ, пустятъ. Я дамъ тебѣ и на чай.

Парень убѣгаетъ и возвращается ликующій. — Ёдемъ! Сейчасъ привезутъ повозку. Въ рукахъ у него зажженный фонарь.

Дѣйствительно нѣсколько человѣкъ волочатъ небольшую повозку. На ней положено свѣжее, душистое сѣно.

— А гдѣ-же лошади? — спрашиваю я.

— Погоди, уложимъ вещи, сейчасъ и приведутъ.

— Ну, такъ укладывайте вещи такъ, чтобъ можно было лежа спать, — говорю я и уже мечтаю, какъ хорошо будетъ валяться на свѣжемъ сѣнѣ. — Точно въ Малороссіи... Ночь. Возъ поскрипываетъ, покряхтываетъ. Волы медленно плетутся.. Надъ головой чудное, звѣздное небо... А въ головѣ дивныя, какъ ясный сонъ, мечты... Хорошо!..

Ящички увязываютъ веревками вещи и такъ

крѣпко притягиваютъ ихъ къ повозкѣ, что я начинаю протестовать.

— Нельзя иначе, — отвѣчаютъ ямщики, — растеряешь иначе все. Эти ручки тебѣ устроили, чтобы державки были..

Наконецъ ведутъ лошадь. Маленькую, бѣлую, волосатую лошадку держатъ подъ уздцы два дюжихъ ямщика, точно невыѣзжаннаго заводскаго жеребца. Начинаютъ запрягать въ оглобли; два ямщика по прежнему держатъ коника. Онъ — запряженъ. Точно такъ-же приводятъ пристяжного. Все готово. Передъ обоими кониками стоятъ три человѣка. Меня этотъ „спектакль“ упряжки положительно занимаетъ. — Стоитъ-ли такъ возиться съ такими лошаденками?!

Мой молодой ямщикъ садится, прибираетъ къ рукамъ вожжи.

— Ну, баринъ, налаживайся! — говоритъ мнѣ какой-то старикъ. — Теперь покрѣпче берись за державки и не выпускай изъ рукъ. Готово?

— Готово! — весело отвѣчаю я.

Средній ямщикъ степенно отходитъ. Двое другихъ неожиданно отскакиваютъ въ стороны!

И, Боже мой! Начинается бѣшеная скачка. Лошади несутъ.

Малороссія, сѣно?!. Гдѣ тамъ! Вся дорога засыпана прибрежной „галькой“ — крупнымъ щебнемъ, выброшеннымъ сюда Леной...

Повозку нещадно кидаетъ изъ стороны въ сторону, все тѣло мое разбито, руки слабѣютъ, и я

постоянно мысленно кричу самому себѣ — „спасайся кто можетъ!“

Насъ бросаетъ въ какой-то ручей, лошади мигомъ выносятся изъ него и снова начинаютъ бѣшено колотить о гальку.

— Стой, стой, придержи! — кричу я не своимъ голосомъ ямщику.

Онъ оборачивается ко мнѣ, и я вижу оскаленные зубы.

— Удержишь! — кричить въ свою очередь парень. — Поддержись, баринъ!

Я чувствую, что начинаю падать духомъ. Съ меня льется потъ, точно я выдерживаю отчаянную борьбу...

Лошади начинаютъ утихать. Мы вылетаемъ въ открытую падь. Начинаетъ чуть-чуть свѣтать. На Ленѣ стоитъ бѣлый и густой туманъ... Предъ глазами впереди торчитъ высокая крутая сопка.

— Куда-же мы теперь поѣдемъ? — спрашиваю я. — Неужели на эту гору?

— Да...

— Что-же, тутъ есть какая-нибудь боковая дорога?

— Нѣтъ, прямо. Разгонимъ лошадей, — отвѣчаетъ ямщикъ.

И когда мы добираемся до середины пади, ямщикъ оборачивается ко мнѣ и говоритъ.

— Ну, баринъ, поддержишься, да покрѣпче!

Ямщикъ поднимается, начинаетъ гнѣздить, свистать. И лошади уже несутся полнымъ карьеромъ. Сначала слышенъ топотъ ихъ ногъ, такой, точно

дѣтской лошади на качалѣ, но скоро этотъ топотъ переходитъ въ мелкую дробь, лошади вытягиваются и уже несутся по воздуху...

— Держись, держись! Крѣпче!—кричитъ мнѣ ямщикъ, не оборачиваясь.

Мы подлетаемъ къ горѣ!

Я вѣшляюсь изо всѣхъ силъ въ веревки! Это какое-то сумасшествіе!

— Стой! Стой! Стой, ошалѣлый!—стону я и чувствую, что еще минута, руки не выдержать, и я свалюсь черезъ спину внизъ головой съ повозки!..

Лошади полнымъ карьеромъ выносятъ на эту страшную, недоступную гору и останавливаются на ея вершинѣ. Онѣ трясутся, точно въ сильной лихорадкѣ, съ нихъ валитъ паръ, онѣ всѣ въ пѣнистомъ мылѣ и тяжело, хрипло дышатъ.

— Ты съ ума сошелъ!—говорю я, полный негодования.

— Нельзя иначе, баринъ, —отвѣчаетъ ямщикъ. — Посмотри на дорогу, надъ какой пропастью идетъ. Чуть колесо въ сторону—на полъ аршина и отъ насъ ничего не останется!

— Тѣмъ болѣе нужно осторожнѣе ѣхать! А то ты, какъ сумасшедшій!..

— Нельзя иначе. Медвѣдь можетъ на дорогѣ встрѣтиться! Лошади тогда въ Лену сбросятъ. Слышишь внизу, подъ туманомъ, вода о камни бьется?! Я ѣхалъ разъ по ровному ночью. Вижу, посреди дороги два зеленыхъ круглыхъ огонька, вродѣ звѣздочекъ... Лошади сразу стали, захра-

гѣбли, попятились въ сторону и ни съ мѣста! Такъ всю ночь простоялъ, пока самъ медвѣдь ушелъ...
Надо гнать!

— Слушай, ямщикъ, а съ горы намъ съѣзжать придется?!

— Да, вотъ, сейчасъ.

— И крутая?

— Такая самая.

— Ну, такъ ты съѣзжай тихимъ шагомъ, да поосторожнѣе. Я еще никогда не ѣздилъ на такія горы, никогда и не съѣзжалъ.

— Нельзя, баринъ, надо гнать!

— Да ты съума сошелъ?!

— Нельзя, медвѣдь.

— Ну такъ я сойду гѣшкою, а ты себѣ поѣзжай, подождешь внизу.

— А припасъ?—Ты сказалъ 14 пудъ! Я безъ припасу не поѣду. У насъ этотъ станокъ ямщики на лодкахъ съ ружьями ѣздятъ. Бываетъ, медвѣдь подплываетъ, рѣка тутъ мелкая, боятся... Я безъ припаса не поѣду, поверну назадъ. Тамъ за горой внизу сохатый лежитъ!..—Ну, баринъ, держись покрѣпче, упрись ногами въ передокъ. Поддержись!

Лошади рванули, и мы понеслись въ пропасть! Миѣ случалось спускаться на подъемной машинѣ въ шахту, когда ее неожиданно вдругъ пускали черезчуръ быстро внизъ.

Точно внутри все обрывалось, духъ захватывало! А тутъ!.. Въ эти минуты я проклиналъ не только мои сладкія мечты о поѣздкѣ на сѣнѣ, но

давалъ себѣ клятвенный зарокъ больше такъ не ускорять дороги...

Иногда мнѣ казалось, что я стою, а не лежу или сижу...

Мы снова окунулись въ какой-то ручей, снова зашумѣла ужасная „мостовая“ изъ гальки...

Лошади пошли тише. Ямщикъ заерзалъ, засуетился, началъ оглядываться по сторонамъ.

— Баринъ, вынимай припасъ, приготовь пули!

Мимо промелькнуло нѣсколько сломанныхъ верхушекъ молодыхъ деревьевъ, вырванныхъ съ корнями и обгрызковъ, сохатаго не было видно.

Мы благополучно добрались до станка.

— Какъ-же ты поѣдешь назадъ?—спросилъ я парня.

— Буду ждать утра и попутчиковъ, самъ не поѣду,—отвѣчалъ онъ, весело смѣясь...

Я снова ѣду на лодкѣ. Мы встрѣчаемъ почту. Ее тащатъ бичевой три лошади. Въ лодкѣ пять гребцовъ. Все взрослые, могучіе ямщики, но среди нихъ у носа загибаеетъ баба въ бѣломъ платочкѣ.

— Почта идетъ!—говоритъ ямщикъ.

Посреди лодки куча брезентовыхъ мѣшковъ. Около нихъ стоитъ почтальонъ съ револьверомъ и кинжаломъ у пояса. Почтовый чиновникъ машетъ фуражкой. Мы раскланиваемся.

— Ишь, подлецы!—Ворчатъ ямщикъ.—Взяли таки, проклятые, бабу!

— А что?

— Да тутъ такъ всегда мужики: назадъ бу-

дуть вѣхать, на лошадь бабу верхомъ посадятъ, пусть тащить бичевую и коней ведетъ, а сами, небось, полягутъ спать. А безъ бабы ругались бы, кому ляжку тянуть, — всякому неохота... Хорошо, когда баба есть!..

По обонимъ берегамъ идутъ теперь то поля, то луга. На свѣтло-зеленомъ коврѣ высятся темныя ели, стройныя, остроконечныя, точно кипарисы, густо заросшія отъ самой земли, какъ Украинскіе тополя безъ стволовъ... Иногда берегъ покрытъ молодыми разбросанными березками...

Теперь мы плывемъ узкимъ протокомъ и мнѣ кажется, что я ѣду по милому Пселу, около Сорочинецъ... Вода прозрачная, на двѣ сажени видать все дно, засыпанное галькой. На днѣ иногда валяются затерянные или брошенные пассажирами вещи. Я видѣлъ — цѣлую тарелку, жестаную крышку чайника, коробку отъ сардинъ...

На пологомъ, заливному лугу, недалеко отъ станка, я замѣтилъ нѣсколькихъ молодыхъ бабъ. Онѣ сидѣли въ травѣ и курили. По этому поводу отъ ямщиковъ узналъ, что въ Сибири женщины крестьянки курятъ многія...

— Ишь, — сказалъ ямщикъ, — сейчасъ видно, что позабирали мужиковъ на войну — дѣти да старики остались. Косить бабы вышли... Надо и покурить!

Пока мѣняются гребцы, я стою съ писаремъ на берегу.

Мимо тянется къ Жигаловой лодка, полная сухихъ кожъ.

— Что это такое?— спрашиваю я.

— Для интендантства, на войну везуть, — отвѣчаетъ писарь.

— Для чего? Вѣдь тамъ некогда шкуры выдѣлывать!

— Да, но вѣдь тамъ некогда и быковъ живыхъ считать!.. — отвѣчаетъ онъ и ехидно смѣется. — Работаютъ!..

— Слышали, какъ у насъ, тутъ, около станка одинъ политическій бѣжалъ, — продолжаетъ онъ начатый ранѣе разговоръ, — тоже, по шкурѣ — по одеждѣ, за живого считали!..

— Нѣтъ, не знаю, вѣдь я проѣзжающій... Ничего не слышалъ.

— Знаете, хотя у насъ здѣсь какая-то безтолковщина — днемъ жарко, а ночью снѣгъ, сегодня осень, а завтра зима, и когда кончилось лѣто не разобрать, но все-таки весна бываетъ, половодье — настоящее, и тогда паузки, этикія барки съ каютой, отъ Жигаловой ходять!

Вотъ везли этой весною партію политическихъ. Офицеръ велъ ее. Конвойныхъ куча. Смотрятъ въ оба. Ближе къ станку не пристають, а если останавливаются, то все у открытыхъ береговъ, чтобъ дерева не было, да чтобъ некуда было скрыться. Вотъ задумалъ одинъ политическій бѣжать, а товарищъ студентъ ему и говорить: я тебѣ помогу. Сговорились. И сталъ онъ, знаете, при конвойныхъ остальнымъ товарищамъ хвастаться силой

своею необыкновенной. „Я“, говорить, „свободно могу вырвать любое дерево съ корнями, только бы руки охватили. Нужно, конечно, умѣніе“. Кто изъ товарищей ничего не знаютъ, по чистой совѣсти смѣются надъ нимъ. А онъ упрямо стоитъ на своемъ — „вырву дерево, любое вырву“ — и баста. Многіе идутъ въ парі. Всѣ заинтересованы. Солдаты тоже. Диво-то какое! Ужъ и солдатамъ не терпится пристать къ такому мѣсту, гдѣ-бы хоть одинокія деревья были. Можетъ, замѣтили тамъ, повыше, бабы у меня наняты — сѣно косятъ. Около этого мѣста и случилось. Тамъ нѣсколько деревьевъ небольшихъ есть. Солдаты сами наладились сюда пристать. Вотъ вышла партія на берегъ, стала около деревца, солдаты цѣпью окружили политическихъ. Заговорщики и говорятъ студенту: „ну-ка, покажи намъ свою молодецкую удалъ! Вырви-ка съ корнями это деревцо, которое поменьше“. Подошелъ студентъ къ дереву, взялся за него, побряхтѣлъ, побряхтѣлъ, ничего не выходитъ. — Надо, — говорить, — на руки поплевать! Поплевалъ, этакъ, съ разстановкой, и взялся снова за дерево. — Ничего. Всѣ громко хохочуть, потѣшаются! Солдаты потѣснѣе подошли, никуда не глядятъ по сторонамъ, на носки даже поднялись, чтобъ виднѣе было. А студентъ уже пиджакъ снимаетъ, — говорить, что подъ мышками жметъ, мѣшаетъ. Снова поплевалъ на руки и за дерево взялся... Смѣхъ отчаянный стоитъ! Въ это самое время тотъ политическій, что бѣжать собрался, — присѣлъ около самага конвойнаго и на землю легъ.

Итак жинка из Житавской лодки, полны
 —

— Это же ты! — спрашивает я.

— Не знаю, зачем на войну везут, — от-
 —

— Не могу тебе так всегда шкуру вы-
 —

— Да не будь тебе вноска и бивовъ жи-
 —

— Сидела жинка у себя тут, около станка
 —

— Тут же жинка, кудъ я проѣзжавшій...
 —

— Жинка жинка у себя здѣсь какая-то бес-
 —

Здесь были люди своей партіи политических.
 —

Между конвойными-то разстоянія всего не больше аршина — двухъ, да только не смотрятъ они на землю, глаза въ дерево вперили! А студентъ уже жилетъ снимаетъ, говорить, — очень тѣсенъ ему, оттого и дерева вырвать не можетъ! — Веселье общее всѣхъ захватило. Каждый остроуту свою спѣшить выпалить. А тѣмъ временемъ политическій за цѣпъ между самыхъ ногъ солдатскихъ проползъ, добрался до кустика, шагахъ въ десяти отъ нихъ и залегъ. Лежитъ себѣ, кругомъ вѣточки, траву щиплетъ, покрываетъ себя, чтобъ не такъ замѣтно его было. Мѣсто голое, деревьевъ мало, скрыться или уйти некуда, ну и съ паузка увидѣть могутъ. Тутъ рожокъ съ паузка раздался — пора ѣхать! Всѣ на паузокъ повалили, а что нѣтъ его и не замѣтили. А студентъ дерева такъ и не вырвалъ!

Вотъ, двинулся паузокъ, солдаты на повѣрку пошли. А товарищи его — не промахъ! На нарахъ, гдѣ его койка, положили разную одежду, чучело человѣческое сдѣлали, одѣяломъ съ головой накрыли. По бокамъ легли товарищи. Входятъ солдаты. Старшой выкликаетъ. Вотъ тотъ, что рядомъ съ чучеломъ — шкурой, сказать, за мѣсто живого, — поднимается на окликъ и чучело будить начинаетъ. Сосѣдъ же другой изъ-подъ одѣяла стонетъ — „не могу“, говоритъ, „встать, голова болить!“... Какъ дошла очередь до этого сосѣда, онъ всталъ, откликнулся. Такъ солдаты и ушли, ничего не замѣтили. А на завтра снова то же устроили. Только, вмѣсто бѣжавшаго, живой легъ,

а на его койку чучело положили. Какъ вошли солдаты, стали перекличку дѣлать—живое-то чучело подъ одѣяломъ и заворочалось, руками задвигало. Солдаты и успокоились. Ушли. Такъ двалцать дней тянулось. Всѣ повѣрки благополучно сходили. Да какъ-то зазѣвались. Старшой чучело самъ за плечо взялъ!

— Чуть не упалъ на мѣстѣ отъ испугу! Видить побѣгъ! — Тутъ политическіе его обступили и говорятъ: нашъ бѣжалъ уже двѣ недѣли назадъ. Теперь не поймать все равно, а если сразу скажете, быть вамъ конвойнымъ въ большомъ отвѣтѣ, давайте покроемъ, устроимъ такъ, будто утонулъ. Ничего старшому не оставалось дѣлать,—пришлось согласиться!—Самъ мнѣ бѣдняга все это рассказывалъ, ему политическіе въ чистую дѣло открыли... Тоже въ заговорщики попалъ!...—Набрали они на берегу побольше гальки, завязали съ концовъ штаны, наклали каменьевъ. Одинъ ночью вынесъ эти штаны да шапку бѣжавинаго на верхъ (старшой его незамѣтно пропустилъ), бросилъ съ размаху все въ воду, закричалъ отчаянно—„тону, тону“! и скорѣе внизъ спустился. Поднялась тревога, бросились всѣ на верхнюю палубу, прибѣжалъ офицеръ. Кричатъ: „утонулъ, утонулъ, товарищъ утонулъ!“ Спустили лодку. А тутъ съ плотовъ тоже подѣхали, вытащили изъ воды его фуражку и подаютъ.—Видали, говорятъ, какъ человекъ въ воду бросился. Офицеръ приказалъ обыскъ сдѣлать, не спрятался ли кто-нибудь—можетъ, такъ только продѣлали для

виду. Но тутъ старшой поддержаль:— „самъ видалъ, какъ въ воду бросался!“ Сдѣлали переключку. Видятъ нѣтъ того, бѣжавшаго. Въ женскомъ отдѣленіи, да и на мужскомъ многіе ничего не знали. Услыхали, что товарищъ утонулъ, плачь подняли, настоящій плачь!— Конвойный офицеръ видитъ плачуть и успокоился, повѣрилъ!... Ну, а политическій-то этотъ благополучно себѣ и бѣжалъ. Нигдѣ у насъ не было слышно, чтобы поймали... Никто „утопленника“ не искалъ... Да что этотъ побѣгъ!... Забѣжайте-ка въ Усть-Кутъ на каторгу. Все равно придется ждать пароходъ, будетъ время на извозчикѣ съѣздить. Интересно посмотрѣть. Вотъ гдѣ побѣговъ-то наслышитесь!...

III.

Политическіе въ тюрьмѣ. — Побѣги. — «Американскій» бракъ политическихъ. — Еще побѣгъ. — Конвойный офицеръ. — Политическіе на паузкѣ. — Побѣгъ Ф. — Преданія береговъ Лены. — Приленскій попъ. — Нечаевскій солдатикъ. — Усть-Кутъ. — Около каторги.

Какъ-то въ одномъ глухомъ городѣ Восточной Сибири, когда мы оба, товарищъ и я, были всецѣло поглощены защитой по политическому дѣлу, къ намъ на квартиру пришелъ незнакомый ссыльный и сообщалъ, что, по точнымъ свѣдѣніямъ, полиція собирается ночью сдѣлать обыскъ у всѣхъ

политическихъ, забравшихся въ городъ или живущихъ въ его окрестностяхъ; онъ спрашивалъ, разрѣшаемъ-ли мы ссыльнымъ принести къ намъ на сохраненіе ихъ вещи, книги.

Мы согласились. И, вотъ, ссыльные начали „приносить“. Ничего подобнаго ни товарищъ, ни я не ожидали. Я не говорю о кучахъ запрещенныхъ книгъ и періодическихъ изданій! Они принесли къ намъ кучу фальшивыхъ паспортовъ! Одинъ паспортъ былъ еще мокрый, издавалъ сильный химическій запахъ и лежалъ между двумя листами промокательной бумаги. Когда все это было разложено на стульяхъ и столахъ, а политическіе ушли, чтобы не мѣшать намъ заниматься работой, товарищъ отправился къ себѣ въ кабинетъ. Какъ нѣкоторые вдумчивые люди, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большимъ юмористомъ, отчаянно любилъ всякій комизмъ... Я былъ увѣренъ, что онъ уже готовится къ рѣчи... И, вдругъ, услышалъ отчаянный хохотъ товарища. Онъ звалъ меня. Горя любопытствомъ, я побѣжалъ къ нему и засталъ его съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ въ рукахъ!

— Полюбуйтесь-ка, — сказалъ онъ, смѣясь, — что насъ ожидаетъ, если все это найдутъ на нашихъ столахъ и припишутъ намъ! Вѣдь каторгою пахнетъ! Вотъ уже подлинно пріѣхали защищать, нечего сказать!..

Въ другой разъ мы какъ-то поздно засидѣлись въ тюрьмѣ у нашихъ подсудимыхъ. По городу ходить вечеромъ безъ оружія было чрезвычайно опасно. Много поселенцевъ. Грабежи казались на-

столько естественными, что никого не удивляли. На этотъ разъ мы рассчитывали пробить въ тюрьмѣ не долго и вернуться домой засвѣтло; револьверовъ и палокъ съ собой не взяли и потому, когда увидели, что уже позже 12-ти часовъ ночи, спросили подсудимыхъ, нельзя ли раздобыть гдѣнибудь хотя палки.

— Зачѣмъ вамъ палки? — сказалъ кто-то изъ нихъ. — Мы дадимъ вамъ хорошіе заряженные револьверы!

Они обвинялись въ вооруженномъ возстаніи, ихъ буквально сотни разъ обыскивали, оружіе имѣтъ въ тюрьмѣ, конечно, было невозможно, начальнигъ же тюрьмы славился пронциательностью и формализмомъ, и, тѣмъ не менѣе, какъ ни въ чемъ ни бывало, они предлагали намъ заряженные револьверы!

Помню, тогда меня это поразило. Но потомъ такіе факты перестали поражать.

При мнѣ обыскивали партію отправляемыхъ политическихъ. Солдатъ, въ присутствіи владѣльца вещей — политическаго Б. и караульнаго офицера, осматривалъ мѣшокъ съ тюфякомъ.

— Брось, — сказалъ Б., — чего тамъ рыться, видишь самъ — тюфякъ!

— Ну, понятно, брось, тюфякъ, чего тамъ! — замѣтилъ офицеръ.

И солдатъ, поднимаясь отъ мѣшка, проворчалъ: — Да-а, тюфякъ! А потомъ этотъ тюфякъ и выстрѣлить!

Онъ былъ правъ, хотя самъ и не вѣдалъ того. Въ тюфякъ дѣйствительно хранилось нѣсколько револьверовъ!..

Побѣгъ — это завѣтное желаніе всякаго политическаго, ибо вынужденное бездѣліе, конечно, томить ихъ несравненно болѣе, чѣмъ уголовныхъ ссыльныхъ. Они рвутся къ брошенному дѣлу, за которое готовы погибнуть, но не прозябать. Въ основѣ всякой революціонной дѣятельности лежитъ недовольство окружающею жизнью, стремленіе къ борьбѣ, активность, а не пассивность... Цѣль же всякой ссылки воспитать пассивность, убить живой, „преступный“ духъ!

И потому, несмотря на всѣ мѣры строгости, на безошадный сыскъ, на перлюстрацію писемъ, на залеживаніе конвертовъ съ письмами въ карманахъ исправниковъ и засѣдателей, въ самыхъ далекихъ мѣстахъ ссылки можно неожиданно найти и готовые бланки паспортовъ для побѣговъ, и нелегальную литературу, и хорошую карту края, т.-е. не столько хорошую, сколько лучшую изъ существующихъ. Изобрѣтательность въ этой области у ссыльныхъ изумительная. Никакой юристъ не выкопаетъ такихъ блестящихъ обходовъ закона, какъ они.

При мнѣ, напримѣръ, состоялся чисто „американскій“ бракъ на два мѣсяца съ цѣлью побѣга. Она была административно-ссыльная. Ее отправляли на пять лѣтъ въ Верхоянскъ — эту могилу заживо погребенныхъ. Но, за отсутствіемъ пути, она задержалась въ Якутскѣ. Ею только что осудили на каторгу за участіе въ возстаніи и пересылали въ Иркутскъ — на югъ.

Каторжная тюрьма находилась въ Александровскѣ, т.-е. еще южнѣе и западнѣе, а слѣдовательно и

ближе къ Россіи. У желѣзной дороги!.. Верхоянскъ отъ Якутска — мѣсяць тяжелаго пути. Побѣгъ отъ туда невозможенъ!..

Однажды утромъ товарищъ будить его.

— Кузьма, хочешь жениться?

— Нѣтъ.

— Будеть приданое — бутылка водки и фунтъ колбасы, — шутить товарищъ. — Знаешь, жена по закону слѣдуетъ за мужемъ. Женись. Все равно ты отказался подать апелляціонный отзывъ на приговоръ. Черезъ двѣ недѣли онъ вступаетъ въ законную силу. Женись. Ее отправятъ за тобой обратно до Иркутска. На казенный счетъ. А, затѣмъ, когда ее довезутъ до Александровска, она подастъ заявленіе, что такъ какъ ты осужденъ на каторгу съ лишеніемъ всѣхъ правъ, она проситъ развести ее съ тобою. И ее сразу же разведутъ, безъ всякихъ консисторій. Женись. Я буду у тебя посаженнымъ отцомъ. Вмѣстѣ съ тобой и кутнемъ.

Кузьма далъ согласіе.

Уже наканунѣ свадьбы при мнѣ зовутъ Кузьму на свиданіе.

— Вы къ невѣстѣ?

— Нѣтъ, къ земляку.

— А отчего не къ ней?

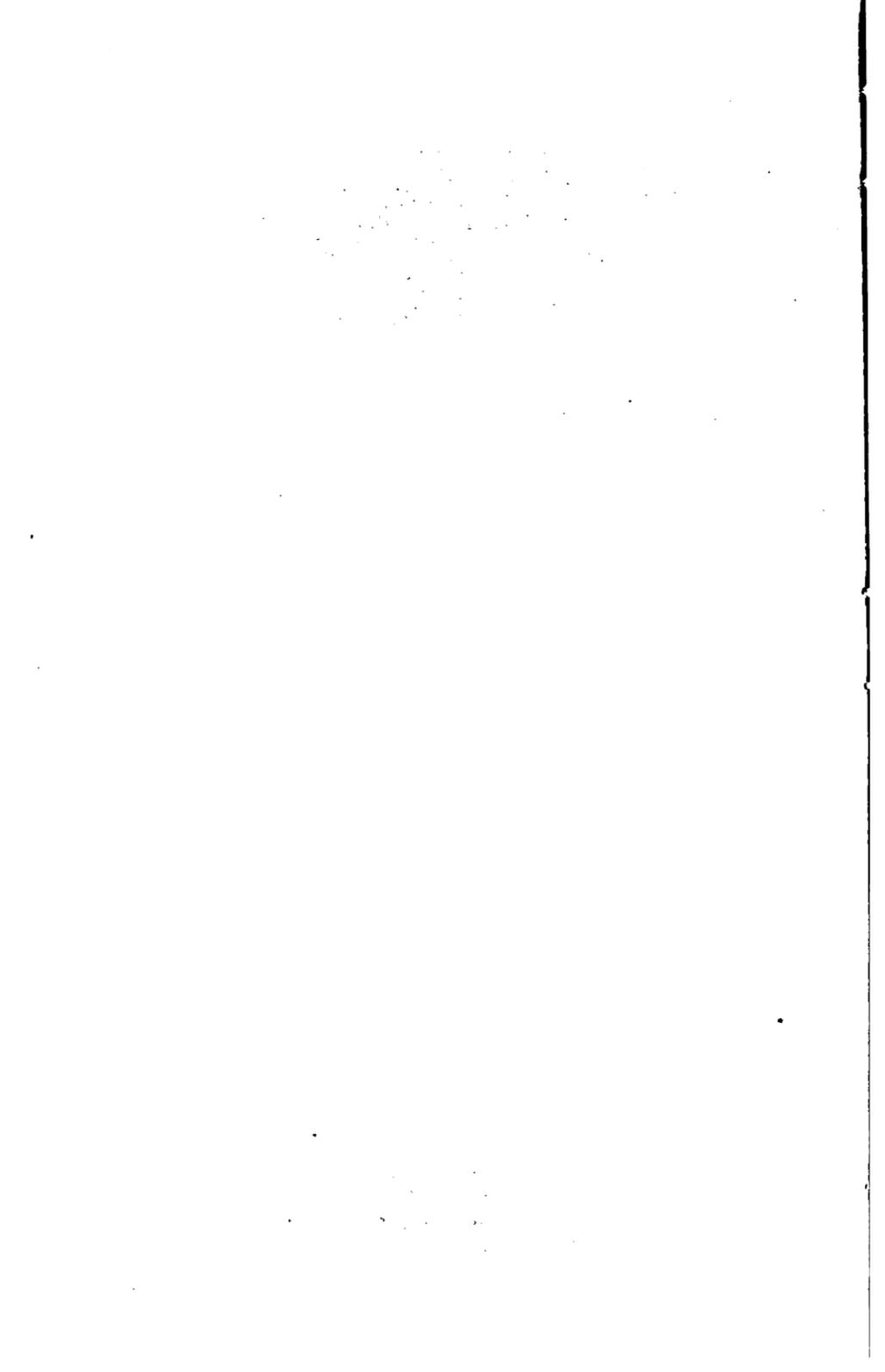
— Да намъ съ ней долго говорить не о чемъ!

Они повѣнчались, и „жена“ послѣдовала за мужемъ.

Понятно, что при такомъ отношеніи къ побѣгу, для успѣшности его, необходимо лишь усыпить бдительность надзора непосредственныхъ стражей, раз-

Политические сельские («Романовцы») из Якутской торговли.

добыть деньги на дорогу. А за паспортъ и помощью товарищей дѣло не станеть.

Но побѣгъ изъ Якутской области почти немислимъ, благодаря отсутствію дороги по берегу, необходимости ѣхать въ теченіе 12 — 14 сутокъ только на пароходѣ по Ленѣ, полной возможности для администраціи „догнать“ по телеграфу и, наконецъ, бѣшеной дороговизнѣ пути. Менѣе, чѣмъ за 500 рублей, отъ Якутска до Петербурга не добраться!

И побѣговъ изъ Якутской области почти никогда не бываетъ, а если и бываютъ, то являются настоящимъ событіемъ...

Для того, чтобы уйти отъ стражи, прибѣгаютъ къ разнымъ приемамъ.

Одинъ знакомый ссыльный Z. бѣжалъ, благодаря тому, что его сожитель умѣлъ хорошо передавать чужой голосъ.

Всѣ — ссыльные этого „городишки“ пріютились въ одномъ большомъ домѣ съ мезониномъ, выстроенномъ еще декабристами. Такіе „двухъ-этажные“ дома, хотя-бы и въ Киренскѣ, попадаются.

Z. занялъ мезонинъ. Товарищи поселились въ нижнемъ этажѣ.

Сначала исправникъ требовалъ, чтобы они каждое утро являлись въ полицейское управленіе „показаться“. Они всѣ наотрѣзъ отказались исполнять это „приглашеніе“. И каждое утро къ нимъ началъ приходиться „политическій надзиратель“. Первое время Z. спускался внизъ росписаться на листѣ бумаги, а затѣмъ сталъ кричать сверху —

„дайте мнѣ сюда листъ, я вчера весь вечеръ работалъ, не хочу сходить“. Ему стали подавать. Надзиратель или товарищи выкликали его „сверху“, онъ показывался въ люкъ лѣстницы, соединяющей мезонинъ съ передней нижняго этажа, никогда не спускался и только просилъ дать бумагу. Товарищъ поднималъ и передавалъ. За то, расписавшись или вовсе не показавшись надзирателю, Z., спустя нѣкоторое время, выходилъ на улицу погулять. Каждый вечеръ исправно онъ зажигалъ у себя на мезонинѣ огонь и ходилъ взадъ и впередъ, громко стуча каблуками. И надзиратель, вѣчно торчашій у ихъ дома, наблюдалъ его тѣнь на потолкѣ. Въ это время всѣ остальные товарищи иногда уходили пройтись по городу. Скоро вся полиція „гордишки“ знала, что о томъ, дома ли Z., занимается или бродить взадъ и впередъ, можно доподлинно узнать по его тѣни. Одинъ изъ товарищей научился подписываться почеркомъ Z. и началъ иногда замѣнять его, крича сверху— „дайте сюда листъ“.

Когда все было приготовлено, Z. благополучно исчезъ, а вмѣсто него принялся расписываться и томительно шагать по вечерамъ товарищъ. Бѣдняга шагаль 20 вечеровъ, пока Z. благополучно выбрался на широкую дорогу... Паспортъ у него былъ заранѣе приготовленъ.

— Если кто хочетъ бѣжать, — говорила мнѣ одна бывшая политическая ссыльная, бывшая каторжанка, нѣсколько разъ совершавшая побѣги, — тотъ обязательно долженъ помнить одно важное

правило: хочешь бѣжать, никогда не бѣги, а всегда *иди* медленнымъ шагомъ и тогда убѣжишь!..

Рѣка Лена полна преданій и воспоминаній о побѣгахъ. Это — одна изъ любимыхъ темъ ссыльныхъ. За то, въ свою очередь, встрѣчные конвойные офицеры очень не прочь поразсказать, какъ они были „на волоскѣ“ отъ жестокаго отвѣта за побѣгъ конвоируемыхъ и какъ имъ удалось въ время „накрыть“, изловить, или какъ политическіе оказались настолько „корректными“, что не бѣжали, хотя къ тому была полная возможность.

На одномъ изъ станковъ, пока припрягали лошадей — тащить лодку бичевой, я разговорился съ съ возвращающимся конвойнымъ офицеромъ. Онъ немедленно же перешелъ на эту тему.

— Знаете, — говорилъ онъ, — разъ пришлось мнѣ плыть черезъ Байкальское озеро съ тремя политическими. На Байкалѣ бываютъ страшныя качки. Коньякъ — единственное средство противъ отвратительной морской болѣзни. Какъ на зло поднялась буря. Мы и взялись за коньякъ! Государственныхъ было трое, а насъ пятеро: я — офицеръ и четыре конвойныхъ. Ну, мы, конечно, начали угощать и политическихъ, для равновѣсія сторонъ, чтобы какъ-нибудь не убѣжали. Но, чертъ возьми, на нихъ коньякъ не дѣйствовалъ, а насъ это средство довело до сумбура! Когда, наконецъ, нашъ пароходъ перебрался на ту сторону, мы — конвоиры — ни съ мѣста! Ноги, какъ деревянные колодки, ничего не подѣлаешь! Такъ мы и остались на пароходѣ. А они, — хоть бы что: веселые ушли въ

деревню. Утромъ вскинулись мы и ахнули! Меня лихорадка трусил! Вижу—погибъ. Бросились въ деревню. И, представьте себѣ, къ взаимной радости разыскали другъ друга! Имъ уже надоѣло бродить по деревнѣ, а о побѣгѣ они и не подумали! До сихъ поръ, какъ вспомню, — изу-ми-тельно!..

— Пожалуй и коньякъ послѣ этого перестали употреблять?—спросилъ я, хотя синова обширнаго носа капитана предсказывала иной отвѣтъ.

— Ну, зачѣмъ бросать?—отвѣтилъ онъ недоумѣвающе, — какъ же черезъ Байкаль ѣздить и не пить?! Вѣдь онъ — подлець иногда такъ разбуянится, что пристать къ берегу невозможно: дня два—три въ полуверстѣ болтаешься, ждешь, пока успокоится! Что же тутъ дѣлать, какъ не пить?

Мнѣ извѣстенъ вмѣстѣ съ тѣмъ случай, когда конвоиры „способствовали“ побѣгу, сами того, правда, не подозревая.

Отъ Жигаловой до Усть-Кута политическихъ тоже везутъ на почтовыхъ лодкахъ съ будкой, а затѣмъ уже отправляютъ на паузкахъ. Но этотъ случай былъ весною.

На паузкѣ — пятиугольномъ плоту, съ невысокими прямыми, какъ заборчикъ, бортами и съ четырехугольнымъ большимъ ящикомъ — сараемъ посреди, везли партію политическихъ. Среди нихъ была юная дѣвушка Ф., какъ-то нелѣпо арестованная, нелѣпо сосланная. Всѣмъ было жаль ее. Она совершенно не знала жизни, не извѣдала ея, а жизнь впереди — была разбита! Она такъ рвалась на волю! И товарищи рѣшили ее осво-

бодить. Условія перевозки скоро указали планъ побѣга.

На станкахъ нигдѣ нельзя пообѣдать. Когда какъ-то я спросилъ писаря: „можно ли здѣсь закусить?“ Онъ засмѣялся и отвѣтилъ: „ягода бруслика есть, соленый огурецъ достанете, если побѣгаете, ну, а насчетъ хлѣба — теперь мужики неохотно продаютъ“. За то, если гдѣ-нибудь на станкѣ есть лавочка, въ ней всегда найдется оружіе, самые разнообразныя патроны!

Но когда къ берегу станка пристають паузокъ или баржа съ ссыльными, все мѣстное населеніе обыкновенно высыпаетъ на берегъ и всякій несетъ, что можетъ, продавать.—Ссылные не жалѣютъ денегъ!—Бруслики, твердыхъ, какъ кирпичъ, баранокъ, голубицы, молока.

Всѣ эти бабы, дѣвушки несутъ свой товаръ на тарелочкахъ, мисочкахъ, наполняютъ палубу паузка или баржи. Политическихъ выводятъ на палубу, конвойные окружаютъ ихъ непрерывнымъ кольцомъ надзора. И торгъ идетъ! Правда, теперь иногда начальники партій—конвойные офицеры отбиваютъ у мѣстнаго приленскаго населенія этотъ рынокъ. Они сами устраиваютъ на паузкахъ собственныя лавочки, гдѣ продаютъ съ большимъ „доходомъ“ разную залежавшуюся дрянъ; для того, чтобы ссыльные не могли покупать необходимыя продукты по сноснымъ цѣнамъ, они не пристають къ станкамъ, а къ глухимъ безлюднымъ берегамъ, гдѣ ничего нельзя достать. И ссылаемые вынуждены покупать все втридорога у торгашей офицеровъ.

На этотъ разъ офицеръ лавочки не устроилъ, ссылаемыхъ не обиралъ, предпочитая развлекаться „впечатлѣніями бурныхъ погодъ на Байкалѣ“.

Ссылаемые воспользовались платьемъ одной работницы, добровольно слѣдующей за мужемъ, живо перешли его на мѣстный фасонъ, на одномъ изъ станковъ купили баранки съ тарелочкой. Было рѣшено, что, когда паузокъ будетъ уже приставать къ берегу, Ф. переодѣнется мѣстной крестьянкой, возьметъ въ руки тарелочку съ баранками и присѣдая выйдетъ на палубу, окруженная сначала тѣснымъ кольцомъ политическихъ, а затѣмъ разсыпанной толпой остальныхъ.

Главное затрудненіе представлялъ одинъ старшій — унтеръ-офицеръ, жестокій формалистъ, необыкновенно зоркій человѣкъ. Чтобы отвлечь его вниманіе, придумали натравить на него наибольшаго задиру изъ политическихъ. Отъ ссоры и ругани унтеръ не былъ въ силахъ воздержаться ни при какихъ обстоятельствахъ! Остальные часовые были заранѣе распредѣлены между наиболѣе ловко умѣющими занять салоннымъ разговоромъ. Все вышло, какъ нельзя лучше.

Когда паузокъ присталъ къ берегу, политическіе вышли на палубу. Ихъ окружали часовые. Явились бабы. Задира около самаго унтера сунулся за цѣпь, а когда тотъ осадилъ, руганулся. Ссора загорѣлась. Унтеръ съ налитыми кровью глазами уже грозилъ заковать его въ кандалы! Въ это время Ф. со своей тарелочкой спокойно подошла къ самой цѣпи солдатъ. Увидя ее, унтеръ при-

шелъ въ бѣшенство. — „Ты чего, проклятая баба, затесалась сюда!“ — закричалъ онъ внѣ себя отъ негодованія за такое нарушеніе распорядка, и, схвативъ Ф. за шиворотъ, собственноручно вытолкнулъ ее за цѣпь солдатъ. Раздался свистокъ. Вмѣстѣ съ мѣстными дѣвушками медленно и все такъ же спокойно сошла Ф. на берегъ... Вотъ мелькнулъ на косогорѣ ея бѣлый платочекъ, вотъ она завернула къ избѣ... Паузокъ отплылъ. И политическими овладѣлъ дикій восторгъ! Удержать его не было силъ! Нужно было сорвать. И грянула пѣснь — „будетъ буря, мы поспоримъ и поборемся мы съ ней“. Всѣ подхватили ее и пѣли съ такимъ захватывающимъ воодушевленіемъ, что и часовые пришли въ восторгъ. Самъ строжайшій унтеръ слушалъ, забывъ о своей ссорѣ... И пѣснь побѣднымъ кличемъ неслась по Ленѣ...

— Сколько страданья, горя и сколько побѣдъ духа, мысли надъ ненужнымъ гнетомъ и насиліемъ видѣли эти угрюмые берега! — думалъ я иногда, глядя на нихъ... Вотъ знаменитыя эхомъ и красотой, точно живыя, каменные громады — „Щеки“... Всѣ, кого везли мимо нихъ, подавали имъ свой голосъ... Чернышевскій, шлиссельбуржцы — Яновичъ, Панкратовъ, Шебалинъ, юный, благородный Минскій... И сколько *илъ*, — никому невѣдомо ушедшихъ туда — въ страшныя тундры далекой Сибири, за мѣтили только эти говорящіе камни!..

Двѣ обнаженныя глыбы гранита, круто спускающіяся прямо къ водѣ. Свѣтложелтыя съ рудыми

и красными, точно кровавыми, пятнами по щекамъ. На торчащей съ боку скалѣ — узкія зеленныя террасы, покрытыя не то мохомъ, не то травой. А на верху каменной громады все та же жидкая тайга... Этотъ изгибъ — „Кумовья вода“. Здѣсь сильный водоворотъ. Въ весеннюю воду паузки тутъ крутятся и толкутся на мѣстѣ, какъ подвыпившіе кумовья, и выбраться отсюда никакъ не могутъ... А то — „Пьяные быки“. Сначала около нихъ разбилаеь баржа со спиртомъ. И онъ пролился въ воду, бочки затонули... И долго послѣ того тянулись сюда поселенцы, увы, въ тщетной надеждѣ даромъ хлебнуть пьяной водицы... Быстрое теченье Лены давно унесло и разбѣяло всякіе остатки спирта, когда около этихъ же камней разбился паузокъ съ быками, плившими въ Бодайбо... И быки пошли на дно, туда, гдѣ въ глубинѣ лежали завѣтныя бочки со спиртомъ... Спиртъ достался быкамъ. И съ тѣхъ поръ этотъ закутокъ Лены сталъ поворотомъ — „Пьяныхъ быковъ“...

Видъ рѣки мѣняется. Нѣсколько голыхъ горъ съ вершинами, густо покрытыми елями. Мѣстами ели спускаются до середины и, наконецъ, попадаютъ горы сверху до низу покрытыя густой мохнатой зеленью. И тогда только у берега торчатъ къ верху, точно жерди, сѣрые стволы молодыхъ усопшихъ елей съ приютившимися между ними пенками свалившихся деревь, тутъ же валяющихся другъ на другъ въ громоздящемъ беспорядкѣ... Это опять — непролазная тайга. Теперь воду отъ густой, непроходимой заросли отдѣляетъ лишь узкая

лента мелкаго, сѣраго, круглаго щебня, разглаженнаго водой, словно умѣлыми граблями. Иногда горы уходятъ далеко и непроходимая тайга, густо поросшая у ногъ мелкимъ кустарникомъ, тянется по пологому берегу, забираясь на горы своими тонкими стволами постепенно, не спѣша, точно ее несутъ туда школьники, идя на маевку съ вѣтвями обновленія жизни...

Вечерѣтъ. Берегъ становится темно-сумрачнымъ. Весь гористый склонъ густо покрытъ соснами безпросвѣтно непроглядными, точно кипарисы... Лѣсъ сползаетъ по склонамъ горъ, нависаетъ надъ громадными сѣдыми камнями, смотрится въ темную и блестящую рѣку. Камни всѣ въ трещинахъ и морщинахъ, тонкихъ и глубокихъ, точно лицо дряхлой, много пережившей старухи.

— Вотъ, — говоритъ рулевой, — осенній трактъ. Почту верхомъ тутъ возять. И онъ показываетъ отвѣсную тропинку, вьющуюся по утесамъ...

— А мѣшки съ письмами, посылками какъ же? — спрашиваю я, полный недоумѣнія...

— Да ихъ везутъ на качалкахъ. Къ стременамъ двухъ коней подвязываютъ носилки и кони несутъ ихъ, точно люди.

Узенькая тропинка сбѣгаетъ на берегъ Лены, жметя у самаго утеса по набросаннымъ водой камнямъ и галькамъ. По этимъ камнямъ — пѣшкомъ не пройти: нужны хорошія желѣзныя подковы... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ширина тропинки около аршина. Жутко глядѣть. Правда, въ опасныхъ, головокружительныхъ мѣстахъ она „ограждена“

жиденькими перильцами, скорѣе для того, чтобъ знать, куда ѣхать...

— Однако, — говорю я, — если конь спотыкнется и свалится, живымъ не останешься!

— Ничего, господинъ! У насъ теперь на округу попъ веселый — живо, ласково отпоеть... Навѣдывается таки къ намъ...

— Чѣмъ такъ веселый?

— А такъ что, если выпьетъ, начинать, по своему, весело служить. — „Благословенъ Богъ нашъ, я нынѣ попъ вашъ. И нынѣ и присно — изъ Якутска присланъ. Во вѣки вѣковъ — учить васъ и — скихъ дураковъ!“ — Хоть похороны, а всякій засмѣется! А все-таки обидно...

— Что-жъ на него жаловались?

— Говорять, жаловались, да только ему — ничего: изъ грязи сухой вылезетъ! Нашъ станокъ все равно, что „Покойная коса“...

— Какая такая?

— Очень просто: покойной она зовется, такъ какъ ямщика тутъ бичевой убило... Мертвое мѣсто у насъ, значить, никому нѣтъ охоты сюда ѣхать, ну, а люди зовутъ все-таки „веселое мѣсто“.

— Отчего?

— Берегъ у станка плоскій, горы далеко уходятъ... Тутъ такъ всегда говорятъ: если горъ и тайги нѣтъ, веселое мѣсто...

— А мѣ ваши горы и тайга очень нравятся...

— Не понимаю этого: съ пятнадцати лѣтъ хожу по тайгѣ, много видалъ ее, ничего хорошаго не нашель...

Мы приближаемся къ Усть-Куту. На всемъ перегонѣ отъ Жигаловой до Усть-Кута нигдѣ нѣтъ поселенныхъ политическихъ. Лишь, начиная съ Усть-Кута, попадаются ихъ „колоніи“. Только разъ за весь конецъ въ 400 верстъ я узналъ, что въ станкѣ многіе годы живетъ „государственный“. Его самого я не засталъ и не видалъ: онъ уѣхалъ въ это время куда-то далеко на рыбную ловлю. Но судьба его очень заинтересовала меня. Изъ бѣглаго разсказа писаря я освѣдомился, что это бывший солдатикъ, сторожившій вмѣстѣ съ другими въ Петропавловской крѣпости Нечаева — „номеръ пятый“. Какъ Нечаевъ ихъ „обошелъ“, онъ и до сихъ поръ понять не можетъ. Сила у него въ глазахъ была необыкновенная. Какъ взглянетъ, такъ человѣка насквозь видитъ, черезъ одежду пронизываетъ! Слушаться хочется. Они и таскали отъ него письма къ Перовской — той, что государя съ другими убила. Освободить хотѣли даже, но самъ Нечаевъ не пожелалъ: помѣшаетъ это, говоритъ, нашему дѣлу, кинутся меня искать, весь Петербургъ перероютъ — нельзя. Такъ письмами изъ крѣпости всемъ дѣломъ и руководилъ! — Ъхала Перовская на извозчикѣ, ее схватили, въ карманѣ адреса прачекъ солдатскихъ нашли, а по прачкамъ до солдатъ крѣпостныхъ добрались! Судили ихъ. Спрашиваетъ генералъ: — какъ же вы этого Нечаева такъ слушались? — Не можемъ знать, отвѣчаютъ! — Да развѣ вы не знаете, что нужно распоряженій начальства слушаться? — Знаемъ. — Ну, такъ кого же вамъ нужнѣе было слушаться: начальства или но-

мера пятаго? — Номера пятаго, ваше превосходительство! — отвѣчаютъ. Генераль даже плюнулъ съ досады!...

По берегу Лены, медленно пробираясь по чащѣ между камнями, идетъ крестьянинъ, ведя за собой коня съ двумя мѣшками на сѣдлѣ.

— На мельницу хлѣбъ молоть везеть, — объявляетъ мнѣ ящикъ, — Усть-Куть уже близко!

Все говорить объ этомъ.

Мы проѣзжаемъ мимо лодки съ двумя бабами, толкающимися противъ воды шестами. По берегу плетутся еще нѣсколько бабъ. Онѣ въ темныхъ и бѣлыхъ ситцевыхъ кофтахъ, короткихъ, шерстяныхъ, темныхъ платьяхъ, бѣлыхъ платкахъ. На ногахъ у нихъ тяжелыя башмаки и длинные бѣлые чулки. Лодка ихъ пристаетъ къ берегу и бабы — гребцы смѣняются.

— За ягодами ходили, хорошо бы пристать теперь къ берегу, можно бы у нихъ голубицей разжиться, — замѣчаетъ ящикъ...

— Некогда, — отвѣчаю я, — лучше наляжьте на весла!

Теперь уже попадаются заборы изъ шестовъ, за ними — небольшія полоски зеленаго хлѣба... По берегу лѣниво бредутъ коровы. Пастуха не видно.

— Неужто у васъ тутъ коровы такъ и пасутся безъ присмотра? — спрашиваю я.

— А какъ же иначе? Телятъ оставляютъ дома, вотъ онѣ и тянутся сами домой. Ну, а бываетъ и такъ, что по три дня не возвращаются!... Ну, баринъ, радуйся, вотъ тутъ за островкомъ и Усть-Куть!

Я спокойно обращаиваюсь.

— Батюшки, — говоритъ вдругъ тревожно ямщикъ, — смотрите, дымить! Вѣдь, сегодня почтовый пароходъ отходить. Глядите, уже пары разводять!

Надъ островкомъ виденъ дымъ.

— Наляжьте на весла, хорошо дамъ на водку, — говорю я, все еще почему-то увѣренный, что поспѣю.

Ямщики налегаютъ. Лодка быстро бѣжитъ. Теперь уже совершенно отчетливо выступаетъ Усть-Куть. Все мое вниманіе сосредоточено на пароходѣ. Изъ трубы валить дымъ. Я вынимаю бинокль. На вышкѣ стоитъ капитанъ. Около колеса руля — два рослыхъ боцмана. Точно тутъ — рядомъ. Капитанъ протягиваетъ руку къ шнуру свистка. Валить бѣлый паръ, раздается рѣзкій свистъ.

— Ямщики, гребите, — кричу я внѣ себя отъ отчаянія, — десять рублей на водку, если поспѣете!

Я вспоминаю, что у меня есть револьверъ, достаю его и начинаю стрѣлять на воздухъ!

Всѣ патроны выпущены.

Капитанъ обернулся на выстрѣлы, но спокойно даетъ два свистка!

— Наляжьте, наляжьте, — кричу я моимъ несчастнымъ ямщикамъ!

— Я дамъ четвертной, если мы поспѣемъ!

Они буквально изнемогаютъ. Лодка бѣшено разсѣкаетъ воду!

Я отчетливо вижу всѣхъ пассажировъ на палубѣ парохода, будто уже съ ними!

Капитанъ даетъ третій свистокъ, и пароходъ отчаливаетъ...

Ямщики нѣкоторое время какъ-то безнадежно гребутъ.

— Наляжьте, наляжьте, — кричу я, совершенно растерявшись отъ величайшаго отчаянія, — можетъ пароходъ станеть на мель, и тогда мы нагонимъ!

— Тамъ мели нѣтъ! — угрюмо говоритъ ямщикъ, — ты, баринъ, должно не послалъ телеграммы?

— Какой?

— Да со станка Омолоевского или Тарасовскаго, чтобы подождать! Поль-дня тебя ждалъ бы пароходъ. До Якутска 100 рублей билетъ господамъ стоитъ, можно и подождать! А такъ капитанъ тебя за прискателя принялъ... Ждать изъ-за рублевки не стоитъ!

Пароходъ скрывается отъ глазъ...

Я подъѣзжаю къ Усть-Куту.

— Слѣдующій почтовый пароходъ пойдетъ черезъ четыре дня, — сообщаетъ ямщикъ!...

У берега стоитъ какой-то товарный пароходъ. Мы проѣзжаемъ мимо.

— Когда пойдете? — кричу я матросу.

— Неизвѣстно. Капитана нѣтъ, денька черезъ два пойдёмъ!

Другихъ пароходовъ не видать...

Уныло бреду по Усть-Куту. — Это городишка, напоминающій наши мѣстечки. Жалкія лавченки на берегу, рундуки съ таранью, есть даже колбаса и бѣ-

лый хлѣбъ... Есть и деревянная тюрьма, окруженная заостреннымъ сверху частоколомъ... Дѣваться некуда. Оставляю вещи въ почтовой избѣ и отправляюсь на извозчикѣ, добытомъ ямщикомъ, осмотрѣть Усть-Кутскую каторгу.

Мы ѣдемъ въ бричкѣ по зеленой лужайкѣ берега рѣки Кута. На той сторонѣ Кута тянутся прежнія горы Лены съ густой тайгой.

— Что-же это за каторга?—спрашиваю извозчика, — давно ли она открыта?

— Не знаю, баринъ, — сказываютъ, будто давно, еще при царицѣ Екатеринѣ... Шли тутъ тайгой два бѣглыхъ каторжника. Видятъ озеро. Рѣшили отдохнуть, кашу сварить. Зачерпнули воды. Поставили на огонь котелокъ. А сами легли и заснули. Просыпаются, а въ котелкѣ бѣлая, какъ снѣгъ, соль! Въ тѣ времена всѣ здѣсь рыбой одной питались, большая нужда въ соли была, на зиму солить. Они и заявили. За это ихъ отъ каторги освободили и деньгами отъ казны еще наградили... Тогда и соляную вареницу отъ казны устроили, каторгой сдѣлали. Съ тѣхъ поръ каторга здѣсь и оказалась...

— Ну, а сейчасъ на каторгѣ этой политическіе — „государственные“ есть?

— А кто-жъ ихъ знаетъ! Хоть до каторги всего верстъ десять-пятнадцать не больше отъ Усть-Кута, а я тамъ, почитай, лѣтъ шесть уже не былъ. Отъ отца еще слышалъ, какъ ее бродяжки открыли...

— Ну, а въ самомъ Усть-Кутѣ политическіе теперь есть?

— Были, недавно еще были, да только съ полъ-года назадъ ихъ отсюда разослали въ другіе станки. Не то что бунтъ былъ, а просто партію ихнихъ мимо везли, они что-то воспротивились, свиданій что ли со здѣшними добивались, ихъ солдаты отчаянно избили и увезли. Наши, значить, тоже поднялись, какую-то бумагу послали, ихъ и засадили... Плохо я объ этомъ, баринъ, знаю... Слышалъ только объ одномъ... Не помню сейчасъ или раньше дѣло было—мудрено, значить, рассказываютъ. Сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ. Вышелъ тутъ манифестъ. Приходитъ къ нему начальство и объявляетъ, что онъ свободенъ, можетъ домой ѣхать... А онъ въ отвѣтъ: — „не хочу я манифеста, не пойду изъ тюрьмы!“ Да... — „Ну, нѣтъ“, — отвѣчаетъ начальство, — „это не казенная богадѣльня, мы не можемъ васъ здѣсь содержать“. — Тогда, — говоритъ, — покажите, что другихъ освободили. — Показали ему. Онъ и вышелъ на волю. Ишь ты: молодой, а не хотѣлъ! — Смѣется извозчикъ.

Зеленая лужайка смѣняется лѣсомъ. Мы снова выѣзжаемъ на такую же открытую, „веселую“ поляну...

— Ну, баринъ, вотъ и каторга, смотри, видишь надъ тайгой куполь церковный? Это — каторга. Теперь недалеко!...

Мы, дѣйствительно, подѣзжаемъ къ каторгѣ.

IV.

Каторга.—Пароходъ.—«Развлеченія».—Разсказъ о Н. Г. Чернышевскомъ.—Встрѣча съ политическимъ-докторомъ.—Недоразумѣніе.—Встрѣча съ колоніей политическихъ.

— Неужто это—каторга?!—спрашиваю я извозчика.

На той сторонѣ рѣки Кута, по зеленому, пологому берегу, кромя церкви, разбросано нѣсколько домовъ, избенокъ, какихъ-то построекъ, но—ни забора, ни полосатыхъ будокъ, ни часовыхъ... Все точно погружено въ сонъ. Не видно даже людей. Мертвая тишина...

— Каторга, баринъ, пріѣхали, —отвѣчаетъ извозчикъ. — Только понять не могу, куда перевозчикъ дѣвался. Надо бы покричать...—Э-эй! Давай перевозу! Да-вай! перевозу!..

Никто не показывается на томъ берегу. И двѣ лодки заманчиво—тихо покачиваются тамъ около „пристани“...

— А нельзя ли тутъ переѣхать черезъ рѣку на лошадахъ,—спрашиваю я. — Какъ будто рѣка хоть и широкая, а не глубокая.

— Кто его знаетъ, вотъ здѣсь слѣдъ отъ колесъ до воды остался, должно, кто-нибудь переѣзжалъ...

— Можетъ переѣзжалъ, да не переѣхалъ? Утопуть...

— Слышно было бы. Значить, переѣхалъ. И дно видно, — кажись, не глубоко. Только вода быстрая, не снесла бы.

— Ничего, ѣдемъ! Бричка на желѣзъ.

— Ну, поѣдемъ.

И мы „на ура“ переправляемся черезъ рѣку въ бричку. Два раза вода, наполняя ее, доходитъ до сидѣній. Тогда мы становимся на нихъ ногами. Лошадей все время держимъ противъ теченія.

— А ты, баринъ, посматривай кругомъ, гдѣ помельче, — говоритъ извозчикъ, стоя на козлахъ. — Лошади воду замутили... Оглядимся лучше...

Мы благополучно перебираемся на ту сторону и въ это время встрѣчаемъ подходящаго перевозчика...

— Можно ли осмотрѣть каторгу? — спрашиваю я его.

— А что тутъ смотрѣть? — вяло отвѣчаетъ онъ. — Проѣзжайте туда прямо къ дому смотрителя. Онъ вамъ все покажетъ.

— Проводите насъ. Садитесь на бричку, а то, пожалуй, не найдемъ.

Онъ охотно соглашается и ѣдетъ проводить, хотя кто-то уже кричитъ съ той стороны — безконечно длинное, безнадежное — „давай перевозу“!

Громадная площадь заросла хорошей зеленой травой. Налѣво зеленая же церковь съ невѣроятно большими окнами. Направо виднѣется домикъ съ крылечкомъ...

— Ишь, квасокъ кушаютъ! — завистливо произноситъ перевозчикъ.

— Кто?

— Да, самъ смотритель. — Вонъ, на крылечкѣ сидитъ.

На крылечкѣ, залитомъ солнцемъ, дѣйстви- тельно сидитъ рослый, коренастый человекъ въ синей ситцевой рубахѣ. Около него на широкихъ перилахъ рѣшетки крылечка стоятъ бутылка и стаканъ. А на всей громадной площади, кромѣ смотрителя, попрежнему — ни души!

— Ну, я пойду назадъ, — говорить перевоз- чикъ. — Тамъ меня зовутъ.

Извозчикъ лихо подѣзжаетъ къ домику.

Смотритель оказывается очень любезнымъ чело- вѣкомъ. Я объясняю ему, что ѣду изъ Петербурга въ Якутскъ на защиту (о томъ, что по полити- ческому дѣлу — благоразумно умалчиваю) и, какъ адвокатъ, интересуюсь каторгой... Онъ угощаетъ меня квасомъ, громко зоветъ кого-то изъ-за дома, приноситъ ключи, и мы отправляемся.

— Что же вамъ, собственно, показать? — спра- шиваетъ онъ искренне — недоумѣвающимъ голосомъ.

— Каторжныя работы, каторжниковъ...

— У насъ каторжниковъ сейчасъ нѣтъ! А ра- боты показать можно, — „отрѣзываетъ“ онъ.

— Какъ нѣтъ каторжниковъ?!

— Очень просто: уже два года сюда не при- сылаютъ ни одного каторжника. Очень они отсюда бѣжали, ихъ и перестали присылать... Двадцать перваго іюля 1903 года отсюда ушелъ послѣдній ка- торжникъ — Василій Суровцевъ... Вышелъ на по- селеніе... Есть еще поселенецъ — татарченокъ, тутъ

околачивается, воду намъ возить... А то никого, только служащіе...

— А вы что же тутъ дѣлаете?

— Да ничего, такъ, живемъ...

— И кромѣ васъ еще кто-нибудь?

— А какъ же! Весь штатъ на мѣстахъ. Такъ безъ дѣла служимъ ..

— Что же васъ куда-нибудь нѣ переведутъ?

— Должно быть, о насъ забыли... Знаете, въ канцеляріи дѣла много, легко и забыть...

— А жалованіе вамъ платятъ?

— Ничего, Слава Богу! Исправно...

— Не забыли?

— Нѣтъ, ничего...

— Кто же тутъ еще кромѣ васъ этакъ служить?

— А вотъ управитель каторги тоже есть, только онъ сейчасъ въ отпускъ уѣхалъ... А зачѣмъ уѣзжать? У насъ здѣсь хорошо. Вонъ, въ томъ большомъ баракѣ — общей каторжной казармѣ крестьянскій начальникъ теперь живетъ, сюда, какъ на дачу, съ семействомъ переѣхалъ... Очень это пріятно. Вѣдь, тутъ — безлюдье, каждый живой человѣкъ уже гость желанный...

— Ну, а палачъ каторги тоже остался?

— Нѣтъ, у насъ палача и въ заведеніи не было. Тутъ арестанты даже безъ кандаловъ ходили. Такъ, на день, на два въ наказаніе надѣвали...

— А пороли?

— Какъ же можно иначе? Но только у насъ это было по домашнему — дули прямо на землѣ

розгами, — безъ затѣй! — смѣется онъ. Ну, вотъ вамъ и варница. Хотите посмотрѣть?

— Хочу...

Онъ пробуетъ открыть замокъ принесеннымъ ключемъ и не можетъ.

— Замокъ совершенно заржавѣлъ, — говорить смотритель, — никакъ не отворить! За два года всякій замокъ заржавѣеть, а тутъ еще соленая пыль въ воздухѣ... Нѣтъ, никакъ не отворить! Что вамъ очень хочется посмотрѣть? Если очень, то мы сломаемъ замокъ, все равно, онъ уже не годится.

— Ну, сломайте.

Татарченко, слѣдующій за нами на почти-тельномъ разстояніи, уходитъ за варницу, возвращается съ камнемъ и легко разбиваетъ совершенно проржавѣвшій замокъ. Запустѣніе внутри — страшное... Громадный желѣзный бассейнъ, въ которомъ выпаривалась соль, стоявшій казнѣ многія тысячи рублей, совершенно проржавѣлъ и безвозвратно погибъ... Безпомощно валяются такіе же проржавѣвшіе „гребни“ — длинныя лопаты для сгребанія соли....

За варницей находится небольшое соляное озеро. Оно — очень оригинально. У плоскихъ береговъ, озеро высохло, вода на нихъ испарилась, и берега кажутся покрытыми снѣгомъ. По бокамъ озера растутъ красная травка „солянка“, несмотря на жаркій день, совершенно холодная. Да и около озера на солнцѣ холоднѣе, чѣмъ въ тѣни, даже по ту сѣверную сторону варницы. Мы осматриваемъ ко-

лодезь, насось съ проржавѣвшимъ, уже совершенно погибшимъ, неподвижнымъ коннымъ приводомъ... Желоба деревянные, но всѣ гвозди на нихъ тоже проржавѣли...

Осматриваемъ кузницу, столярную, слесарную... Все брошено, все желѣзное безвозвратно негодно...

Осматриваемъ печи, устроенныя подъ бассейномъ варницы, дрова. Они еще сохранились. Это громадные, толстые, двухаршинные стояны подъ домъ. Такое двѣнадцатипудовое полѣно одному человѣку не поднять. А такихъ дровъ выходило въ сутки по 11 сажень. Ихъ рубили въ окружающей тайгѣ. И за день успѣвали нарубить 30 сажень. Женщины только пилили дрова. Самая тяжелая, настоящая каторжная работа была — бросать дрова въ нечи и мѣшать гребнями соль... Отъ нея больше всего и бѣжали...

— У насъ здѣсь бывало до 90 человѣкъ каторжниковъ, — говорилъ смотритель, — а казаковъ всего двое! Во время оно ихъ было пять. Сами видите, забора нѣтъ... Не бѣжали только тѣ, кому не хотѣлось, или у кого сроки были короткіе...

— И много бѣжало?

— Ого!.. Хотите посмотрѣть еще „Никольскую варницу?“ — Она такая же, — спрашиваетъ смотритель, указывая на громадный сарай съ этой надписью надъ дверьми.

— Нѣтъ, лучше покажите кандалы, я никогда не видалъ...

— Они въ амбарѣ. Идемъ!

И я вижу грязную кучу проржавѣлыхъ цѣпей. Слава Богу, ихъ никто никогда не будетъ носить. Они окончательно съѣдены ржавчиной!..

— „Скованы цѣпи... Кто же ихъ будетъ носить?.. Взятый ли въ степи бѣглый, уставшій бродить? Воръ ли, грабитель, схваченный ночью глухой, или служитель братства идеи святой?..“ *)

Подлые цѣпи, — символъ безчеловѣчнаго издѣвательства надъ людьми, символъ рабства, лежатъ предо мной, поднимая въ душѣ негодованіе!

Но смотрителю это старое, ржавое желѣзо, очевидно, говорить иное. Онъ беретъ изъ кучи первые попавшіеся кандалы.

— Ахъ, проклятый!—неожиданно произносить смотритель.

— Чего вы?—изумляюсь я.

— Видите, на нихъ заклепки цѣлья... Былъ тутъ у насъ одинъ подлець. Замѣчательно умѣлъ снимать кандалы. Какъ туго ни закуй, все равно сниметъ. Вотъ, обратите вниманіе, какъ хорошо были заклепаны, вѣдь, такъ и остались... Точно руки изъ мыла... Снял и убѣжалъ. Безъ всякихъ хлопотъ. А сколько намъ было отъ этого безпокойства, отписки!.. Бѣжалъ и бросился не къ Иркутску, какъ всѣ, а къ Якутску. Этимъ и ввелъ въ заблужденіе... Мы погону туда за нимъ послали. А онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ обратномъ направленіи ѣдетъ. Только, знаете, подъ Витимомъ одинъ конвойный офицеръ его на паро-

*) Николай Морозовъ «Изъ стѣнъ неволи».

ходѣ узналъ. Этотъ подлець сразу замѣтилъ. Вотъ пристаесть пароходъ къ Витиму, спустили на берегъ сходни — двѣ доски, не успѣли связать ихъ вилками, какъ онъ бросился съ парохода. Офицеръ—за нимъ! Да не тутъ-то было: онъ распаталъ доски и сбѣжалъ. Нѣсколькими прыжками такъ распаталъ, что связать сразу никакъ нельзя было... А стрѣлять офицеръ не рѣшился, — можетъ, думаетъ, я ошибаюсь, что вель его когда-то въ партіи... Кинулись его по городу искать. А онъ — не промахъ: заскочилъ въ кабакъ, съ татарининомъ стакнулся, тотъ ему свою одежду уступилъ. Накинулъ онъ на руку свою же прежнюю одежду, выходитъ и прямо на погоню наталкивается. И, представьте, прохвость не оробѣлъ: претъ прямо на офицера. — „Шурумъ-бурумъ, купи, баринъ, халать новый!“ Такъ и прилипаетъ. Офицеръ его къ чорту послалъ, а онъ за нимъ въ свитѣ погони полъ-дня ходилъ... Его же ищутъ, а онъ съ ними ходитъ. Кому въ голову такое прійдетъ! Такъ и не поймали... А вотъ кандалы еще! — Видите, тоже заклепки цѣлы, только сплющены. Артистъ! Приискатель былъ. Золото носилъ. Оно у него въ разныхъ мѣстахъ по тайгѣ было зарыто... Его къ намъ въ первый разъ раненаго привезли. Шель онъ въ партіи на „Борцѣ“. Вотъ четверо арестантовъ ночью подтянули къ борту парохода веревку пароходной лодки, спустились на ходу въ лодку и спокойно поплыли на берегъ. Капитанъ замѣтилъ, далъ тревожный свистокъ. Лодка не оставилась. Солдаты начали стрѣлять. Все — про-

махи. На пароходѣ ѣхалъ почтальонъ съ почтой. Началъ и онъ стрѣлять изъ револьвера и, представьте себѣ, попалъ въ спину сидѣвшаго на кормѣ. Арестанты доплыли до берега, взяли раненаго и увели въ лѣсъ. Завязали ему полотенцемъ рану и оставили подъ деревомъ, а сами, вѣроятно, залегли гдѣ-нибудь тутъ же. Пошли по тайгѣ съ фонарями и нашли раненаго. А тѣ все-таки скрылись... Пробылъ онъ у насъ не долго и снова бѣжалъ... Осенью дѣло было... Везли его два казака... Онъ попросился въ уборную, раздѣлся до гола и—въ воду! Доплылъ до берега, такъ голый въ тайгу и убѣжалъ... Когда замѣтили на берегу голаго человѣка, тогда только хватились. Ну, а поймать, не поймали!.. Только, куда онъ голый дѣвался?!

— А вотъ эти кандалы, видите, подпилены...

— Позвольте, да вѣдь вы сказали, что у васъ не носили кандаловъ...

— Да, конечно, которые были хорошаго поведения, а вообще, какая же каторга мыслима безъ кандаловъ!..

Мы вышли изъ амбара, осмотрѣли избенку поселенца... Я наскоро попрощался и поторопился уѣхать. Мнѣ хотѣлось поскорѣе вырваться изъ этого душнаго простора...

Въ Усть-Кутѣ первымъ дѣломъ иду къ пароходу. На него грузятъ ящики казенной монополии. Самъ капитанъ энергично руководитъ работой. Подхожу къ нему посоветоваться, какъ быть.

— А вы поскорѣе перебирайтесь къ намъ на пароходъ, — говоритъ капитанъ, — у насъ вамъ будетъ лучше...

— Нѣтъ, я переберусь въ какой-нибудь постоянный дворъ, въ гостиницу, этакъ будетъ надежнѣе.

— Вѣрнѣе, что двинется съ мѣста пароходъ, а не гостиница, да и гостиницъ здѣсь нѣтъ, — резонно отвѣчаетъ капитанъ.

— А когда вы поѣдете?

— Я и самъ не знаю, утрошъ думали, что дня черезъ два, а теперь получили телеграмму, можетъ и сегодня вечеромъ....

— Далеко?

— Нѣтъ, дальше Киренска не пойдѣмъ.

— Ну, такъ мнѣ нѣтъ смысла забираться на вашъ пароходъ.

— Отчего? Если торопишься, лучше ѣхать, чѣмъ спокойно стоять на мѣстѣ! — философствуетъ капитанъ.

Все это кажется мнѣ достаточно убѣдительнымъ, и я изъ почтовой избы перебираюсь на пароходъ.

Въ этотъ же вечеръ пароходъ дѣйствительно трогается въ путь...

Пароходы по Ленѣ ходятъ небольшіе. Самый лучший почтовый — „Графъ Игнатьевъ“ — не крупнѣе самаго меньшаго изъ пассажирскихъ на Днѣпрѣ. Но зато онъ освѣщается электричествомъ... Изъ товарныхъ пароходовъ „Громовъ“ тоже освѣщается электричествомъ. Остальные — свѣчами. И по вечерамъ на пароходѣ темно и уныло. Днемъ

жизнь протекает на верхней палубѣ. Ходить по ней назадъ и впередъ одновременно могутъ только три человѣка. Каюты, — каждая на два человѣка, — темны и тѣсны. У окна моей каюты первого класса у колеса виситъ туша мяса. Третій классъ помѣщается на нижней палубѣ. Ночью пассажиры его нестерпимо мерзнуть и обыкновенно таскаютъ дрова за право погрѣться внизу въ машинномъ отдѣленіи... На пароходахъ кормятъ хорошо. Утромъ, днемъ и вечеромъ — чай, обѣдъ и ужинъ. Полный пансіонъ стоитъ два рубля... Пассажировъ не только на товарныхъ, но и на почтовыхъ пароходахъ ѣдетъ очень мало. Отъ Усть-Кута до Якутска по теченію Лены 6 — 7 сутокъ ѣзды на почтовомъ пароходѣ, а отъ Якутска до Усть-Кута 12 — 14 сутокъ.

Будь пароходъ побольше да поудобнѣе, эта поѣздка могла-бы явиться лучшей прогулкой. Впрочемъ, неизбалованные приленскіе жители такъ и смотрятъ на нее. Очень многіе ѣздятъ изъ Киренска, до встрѣчи обратнаго парохода (около Макарова), „выпить пива и закусить“.

— А что, деньги за проѣздъ съ такихъ пассажировъ берете? — спросилъ я капитана.

Онъ даже засмѣялся отъ изумленія. — За что же тутъ брать?! Вѣдь, тамъ всего 70 — 80 верстъ! Какъ же брать за такое маленькое разстояніе?!..

По берегу Лены въ разныхъ мѣстахъ, иногда совершенно глухихъ и безлюдныхъ, заготовлены „вольныя“ дрова для пароходовъ. Около дровъ на столбикѣ обыкновенно имѣется надпись, чьи

дрова. Пароходъ пристаеъ, забираеъ дрова, оставляя на штабели подъ полѣномъ записку или выдаетъ ее „довѣренному“ на ближайшемъ станкѣ. Сторожей около дровъ нѣтъ. Всякій можетъ рубить въ тайгѣ, сколько угодно, и потому цѣнится только трудъ заготовки дровъ. А чужой *трудъ* въ Сибири уважается... Осенью все станки обѣзжаютъ почтовые и частные пароходы и сразу расплачиваются по „квитанціямъ“.

Остановка для нагрузки дровъ — одно изъ лучшихъ удовольствій путешествія. Я не говорю уже о томъ неудержимомъ смѣхѣ, какой обыкновенно вызываютъ „обстоятельныя“ надписи, взвѣщающія, кому принадлежать дрова. Такъ на одной доскѣ я прочелъ: „Большой дрова на 2-й гильдіи Олекминска беременна купца Никола Черемныхъ“. Понизе этой надписи, значившей — *Вольныя* дрова 2-й гильдіи Олекминскаго *временнаго* купца Николая Черемныхъ“, какой-то остроумный путешественникъ приписалъ синимъ карандашемъ: „А въ переводѣ съ Якутскаго — потерялась больная ко́рова изъ Китая“...

Когда пароходъ пристаеъ за дровами днемъ, вся публика отправляется въ тайгу по ягоды. Осенью тайга полна брусники. Она стелется густымъ ковромъ по землѣ, точно барвинокъ надъ могилами въ Малороссіи. Лѣтомъ много смородины, голубицы, колосняки, костеники, вродѣ глода... Кругомъ — береза, лиственница, сосна, шиповникъ... Трава зеленая съ голубыми колокольчиками... Только нѣтъ того веселаго птичьяго щелета, которымъ

шуменъ всякій лѣсъ Малороссіи... А все-таки хорошо!.. Всѣ разбредаются въ разныя стороны, и капитанъ начинаетъ собирать публику свистками. Отчаянный „третій“ свистокъ реветъ на всю округу! Не помогаетъ. И снова нѣсколько разъ безнадежно подаетъ свистки капитанъ. Наконецъ, онъ бѣжитъ самъ на берегъ и, увидѣвъ кусты черной смородины, отъ которой не могутъ оторваться пассажиры, самъ припадаетъ къ нимъ. Тогда публика начинаетъ звать капитана. Онъ неумолимъ и показываетъ всю силу своего невѣроятнаго аппетита. И роли мѣняются. Публика съ вышки парохода даетъ „третьи“ свистки капитану... Наконецъ, бѣгутъ за нимъ... Шутки, смѣхъ...

Хорошо нагружать дрова и ночью. Пустынный берегъ. Узкая полоска „песку“ изъ мелкой круглой гальки, покатыя косогорья и дальше кругомъ — дикая, непроходимая тайга... Дрова носятъ по двое на двухъ длинныхъ палкахъ, точно на носилкахъ. Пассажиры-же раскладываютъ „костеръ“, чтобъ освѣщать дорогу носильщикамъ. Нѣкоторые съ трудомъ волочатъ цѣлыя деревья.

— Господа, тамъ лиственница большая, вывороченная съ корнями, лежитъ, давайте принесемъ сюда.

Нѣсколько человѣкъ привлекаютъ и лиственницу... Уже — цѣлая груда деревьевъ. Зажигаютъ „костеръ“. Это настоящій пожаръ. Весь берегъ освѣщенъ. Вѣтеръ дуетъ на рѣку и снопы искръ летать въ воду... Всѣ располагаются кругомъ, подальше, такъ какъ близко стоять невозможно.

Пассажирка третьяго класса въ платочкѣ нагѣваетъ...

— О чемъ вы, барышня, разговариваете съ огнемъ?—шутить рулевой въ великолѣпной бобровой шапкѣ, купленной у присковаго за 6 рублей...

Тихо, спокойно... Мирно...

Когда мы уѣзжаемъ, я говорю, что слѣдуетъ потушить костеръ. Всѣ смѣются.—Зачѣмъ?! Вѣдь тайгу нарочно выжигаютъ. Жители только рады были-бы, если-бъ подпалили, да трудно это сдѣлать...

И долго, точно маякъ, освѣщаетъ пылающій костеръ широкій просторъ рѣки.

А мы снова двигаемся въ далекій путь...

Иногда, вмѣсто того, чтобы раскладывать костеръ, ѣдутъ „лучить“. На носу пароходной лодки стоитъ охотникъ съ острогой, другой—на руль, третій разводитъ огонь, для чего кладетъ на желѣзный листъ, прилаженный къ палкѣ, сухія, жаровья дрова. Но эту охоту возможно устраивать только, когда пароходъ идетъ внизъ по рѣкѣ и когда погрузка дровъ—очень продолжительна...

Виды рѣки все тѣ-же. Горы, тайга, галька, сопки... Но, послѣ каждой впадающей рѣки, Лена замѣтно растетъ...

На пароходѣ я познакомился съ Александрой Ларионовной Могиловой *)—женой капитана парохода „Почтара“. Какъ выяснилось изъ ея разсказовъ, за капитана она вышла замужъ вторымъ

*) Упомянутая въ этомъ отрывкѣ фамилія—настоящія.

бракомъ; первымъ же мужемъ ея былъ жандармскій унтеръ-офицеръ—Герасимъ Степановичъ Щепинъ. Конечно, такое званіе ея мужа вызвало во мнѣ усиленный интересъ къ его былой дѣятельности...

И совершенно неожиданно я узналъ, что первый мужъ ея состоялъ послѣднимъ начальникомъ тюрьмы въ Вилюйскѣ, гдѣ многіе годы томился великій страдалецъ Н. Г. Чернышевскій.

Нашъ разговоръ я тогда же дословно записалъ *).

Я жила съ мужемъ въ Вилюйскѣ въ 1883 г.,—начала свой рассказъ А. Л. Могилева.—Пріѣхали мы въ Вилюйскъ на Рождество, а выѣхали обратно 30-го августа. Въ Вилюйскѣ жандармы и казаки—вся команда мѣнялась каждый годъ. Такое было распоряженіе начальства. Команда же состояла изъ 7 человекъ казаковъ, 2 урядниковъ и 1 жандарма. Жандармъ (въ данномъ случаѣ мой мужъ—Щепинъ) былъ самымъ старшимъ надъ тюрьмой. Исправникъ и его помощникъ не имѣли никакой власти надъ Чернышевскимъ. Мужу при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи платили 26 р. 50 к. въ мѣсяць. И все-таки жить было очень трудно!..

*) Нѣкоторыя данныя объ этомъ періодѣ жизни Н. Г. Чернышевскаго были оглашены въ «Русск. Богатствѣ» В. Г. Короленко (іюньская кн. за 1905 г.) по краткимъ записямъ г. Михалевича со словъ покойнаго Щепина. У меня свѣдѣнія болѣе подробно записаны, сравнительно съ тѣмъ, какъ то сдѣлалъ г. Михалевичъ, и сообщаютъ нѣкоторые новые факты.

На содержаніе же Ник. Гавриловича Чернышевскаго давалось по 12 или 13 руб. въ мѣсяцъ. Онъ не ѣлъ ни мяса, ни бѣлаго хлѣба, а только черный, употреблялъ крупу, рыбу и молоко. Онъ все готовилъ себѣ самъ. Молоко процеживалъ черезъ березовый уголь.

Больше всего Чернышевскій питался кашей, ржанымъ хлѣбомъ, чаемъ, грибами (лѣтомъ) и молокомъ, рѣдко—рыбой. Птица дикая въ Вилюйскѣ тоже была, но онъ ея и масла не ѣлъ. Онъ ни у кого и въ гостяхъ ничего не ѣлъ; какъ бывало ни просили. Разъ только на именинахъ моихъ немного съѣлъ пирога съ рыбою. Вина тоже терпѣть не могъ; если, бывало, увидить, сейчасъ говорить: „это уберите, уберите“!

Тюрьма была расположена на самомъ берегу рѣки, за городомъ верстахъ въ двухъ. Въ городѣ было не болѣе 15-ти одноэтажныхъ домовъ, церковь, крытый домъ исправника, доктора, засѣдателя... Рѣка—не широкая. Александра Лар. показала подходящее разстояніе на Ленѣ (какъ Десна, впадающая въ Днѣпръ... замѣтилъ я). Берега—песчаные... Отъ тюрьмы открывался красивый видъ, и она была около самаго лѣса. Но уйти или уѣхать отсюда не было никакой возможности... Не оттого, что тюрьма была окружена палиями, а оттого, что не было дороги... И кто ея не зналъ, безъ хорошаго провожатаго не нашелъ бы и самую дорогу.

Ходить изъ тюрьмы Чернышевскій могъ сколько угодно и ходилъ съ утра до ночи всегда одинъ.

Собирали грибы, которые затѣмъ самъ себѣ готовилъ въ своей же камерѣ...

— А слѣдомъ за нимъ все-таки ходили?

— Нѣтъ, за нимъ слѣдомъ и потихоньку никто не ходилъ. Только на ночь запирали ворота, и былъ ночной караулъ. Ему очень вѣрили, вѣдь, онъ сидѣлъ тамъ 12 лѣтъ. Кромѣ того, Чернышевскій былъ очень хорошій человѣкъ! Это былъ и очень веселый, очень разговорчивый старикъ. Много смѣялся. Часто пѣлъ пѣсни, не унывалъ, какъ будто былъ доволенъ своей судьбой. Къ женщинамъ относился ко всѣмъ хорошо, но безразлично, ни въ кого не влюблялся. Вставалъ рано, часовъ въ шесть, а ложился позже всѣхъ. Дѣтей очень любилъ. Во всемъ Вилюйскѣ, кромѣ Чернышевскаго, не было ни одного арестанта или ссыльнаго; только послѣ его отъѣзда стали туда ссылать.

— Какъ же тамъ жить въ Вилюйскѣ?

— Плохо, очень тяжело!..

Въ Вилюйскѣ морозы еще страшнѣе, чѣмъ въ Якутскѣ. Да и вообще въ Вилюйскѣ хуже жить, чѣмъ въ Якутскѣ. Была прямо погибель. Овощей никакихъ. Картофель теперь привозятъ издалека скошцы по 3 рубля пудъ. А тогда было дороже. Но Чернышевскій не покупалъ его совсѣмъ, потому что дорого. Зимой тамъ все больше ночь, а лѣтомъ все больше день. Зима тамъ такая, что если плюнуть, то плевокъ, не долетая до земли, замерзаетъ. Даже Якуты ѣздятъ въ мѣховыхъ маскахъ. Только глаза видны!

— Сохранилось ли тамъ что-нибудь послѣ Чернышевскаго?

— Какъ-же, подлѣ тюрьмы, противъ оконъ Чернышевскаго, было небольшое озеро. Чернышевскій осушилъ это озеро, сдѣлалъ канаву. Самъ ее копалъ. Якуты прозвали эту канаву „Николаевскимъ прокопомъ“ въ его честь.

— Говорилъ Чернышевскій по Якутски?

— Не знаю.

— А какова была его тюрьма?

— Въ тюрьмѣ у Чернышевскаго была одна громадная комната въ 2 окна, съ некрашенными стѣнами. На стѣнахъ были подѣланы полки для книгъ. Книгъ было очень много. Ему ихъ присылали съ каждой почтой, въ 2 мѣсяца, кажется, 1 разъ. Онъ потомъ ихъ пожертвовалъ въ Якутскую библіотеку — 5-ть большихъ ящиковъ. Мужъ ихъ туда отправилъ уже послѣ его отъѣзда. Кромѣ большой комнаты, было еще 5 камеръ и корридоръ. Тюрьма была деревянная, одноэтажная, окружена заостренными палиями. Въ окнахъ были рѣшетки. Тюрьму, говорили, построили для Огрызко и еще кого-то (кажется польскаго министра), когда-же строили, не знаю. Въ томъ-же зданіи тюрьмы, на одномъ корридорѣ съ Чернышевскимъ, жили я съ мужемъ, тутъ же помѣщались и урядники (а казаки, кажется, жили около). У Чернышевскаго былъ свой самоваръ, который онъ самъ и ставилъ. Готовилъ въ обыкновенной печи — голландскѣ...

— Какъ Чернышевскій проводилъ день?

— Лѣтомъ въ комнатѣ стоялъ „дымокуръ“ — горшокъ со всякимъ тлѣющимъ хламомъ: коровьимъ каломъ и листьями (тамъ лѣтомъ ставятъ и по улицамъ „дымокуры“, т. к. страшнѣйшее комарье—скоть заѣдаетъ!). Днемъ и ночью дымокуры въ домахъ: смрадъ дыма отгоняетъ комаровъ. Если взять бѣлый хлѣбъ, то сразу мошка такъ обсадетъ густо, что, подумаешь, будто икрой вымазанъ. Чернышевскій, взявъ полотенце и завернувъ голову, уходилъ въ лѣсъ на цѣлый день; собираетъ грибы, прійдетъ, поѣсть, и опять уходитъ. Въ домѣ нельзя было высидѣть! Если, бывало, положишь на столъ кусокъ свѣжаго мяса и не закроешь, то оно черезъ $\frac{1}{2}$ часа будетъ совсѣмъ бѣлое, какъ бумага: комары высосутъ всю кровь изъ него. Когда темнѣло или было ненастье, то Чернышевскій сидѣлъ и читалъ. Но гулять ходилъ каждый день. Иногда читалъ цѣлую ночь напролетъ или что-то писалъ, приче́мъ все, что писалъ, жегъ.

— Бывали-ли у него гости?

— Да, въ гостяхъ у него иногда бывали барыни—жена исправника, Третьякова, жена помощника исправника, фамиліи не помню. Да вѣдь тамъ и некому было бывать! Но жену акцизнаго чиновника—Ж. онъ не принималъ за легкомысленное поведеніе и мнѣ совѣтовалъ съ нею дружбы не водить. Ко мнѣ тоже приходилъ въ гости, и мы къ нему ходили. Спросишь, бывало, его: къ Вамъ можно, Николай Гавриловичъ, барыньки хотятъ прійти къ вамъ, можно зайти?—Онъ и

отвѣтить — „можно“. Какъ придуть, чаемъ угостить и говорить, говорить — безъ умолку. Иной разъ придешь взять книгу, онъ и заговорится...

— Читали вы его сочиненія? — Знаменитый былъ у него романъ „Что дѣлать“...

— Нѣтъ, его сочиненій не читала и про „Что дѣлать“ никогда не слыхала... Тогда я о немъ и понятія не имѣла — преступникъ и преступникъ; говорили, что сосланъ за книги.

— При васъ за нимъ пріѣзжалъ одинъ политическій?

— Нѣтъ, но я слыхала, что, когда ему сказали, что за нимъ раньше пріѣзжалъ какой-то жандармскій полковникъ — уворовать его, то онъ отвѣтилъ: почему мнѣ не показали его, я бы ему наплевалъ въ глаза. Только ему тогда правды о немъ, конечно, не рассказали... Можетъ думать, что украсть и убить пріѣзжалъ...

— Ну, а какъ проводилъ время Чернышевскій зимою?

— Да зимою онъ тоже выходилъ, хотя много тогда читалъ и писалъ... Шуба у него была теплая, бѣлая, песцовая; женѣ своей онъ выслалъ лисій мѣхъ, за который выплачивалъ изъ своего содержанія, отказывая себѣ во всемъ. — Изъ 13-ти рублей въ мѣсяцъ.

— А что Чернышевскій охотился?

Александра Ларионовна смѣется.

— Нѣтъ, онъ и ружья боялся.

— А верхомъ ѣздилъ?

— Нѣтъ, верхомъ тоже не ѣздилъ.

— Ну, а на лыжахъ ходилъ?

— Нѣтъ, не ходилъ, да ихъ тамъ я и не видала. Тамъ есть олени—онъ и на нихъ никогда не ѣздилъ. Жилъ, какъ монахъ. Въ одеждѣ ходилъ простой—холщевой рубахѣ съ отложнымъ воротникомъ и съ завязками вмѣсто пуговокъ, какъ на больничномъ халатѣ, въ холщевыхъ штанахъ, а зимою еще въ шубѣ.

— А бѣлье себѣ онъ самъ стиралъ?

— Нѣтъ, полотенца, простыни мыла ему какая то женщина. Она же пекла и хлѣбъ... Спаль Чернышевскій на перинѣ, которую, уѣзжая, подарилъ вмѣстѣ съ самоваромъ служителю тюрьмы (былъ одинъ для топки печей и уборки).

— Пріѣзжалъ-ли кто-нибудь изъ начальства провѣдать его?

— Да... Чернышевскій не позволялъ мыть у себя полъ, боялся сырости. Полъ былъ очень грязный. Потому и не принялъ преосвященнаго, когда тотъ хотѣлъ его навѣстить. А только была у насъ мысль, что онъ нарочно для такого случая не позволялъ мыть полъ. Губернатора Чернышевскій тоже не принялъ, когда тотъ пріѣхалъ и хотѣлъ его навѣстить. Чернышевскій былъ на него недоволенъ, что онъ задерживалъ его корреспонденцію.

— Ну, а съ кѣмъ изъ мѣстныхъ жителей онъ былъ особенно близокъ?

— Онъ очень любилъ мѣстнаго священника о. Іоанна Попова, часто ходилъ къ нему въ гости, но батюшка къ нему не ходилъ. Священникъ былъ семейный, имѣлъ 3-хъ дѣтей (дѣво-

чекъ лѣтъ 10, 11 и 9), я ихъ учила, какъ и другихъ дѣтей Виллойска, грамотѣ...

— А Вы то сами очень грамотны?

Александра Ларионовна засмѣялась. — Какое! Но учительницы тогда въ городѣ другой не было. Священникъ былъ переведенъ съ Ледовитаго океана... А, кромѣ него, образованныхъ людей не было...

— Рассказываль-ли онъ вамъ что нибудь интересное?

— Нѣтъ, не помню...

— А какъ относился къ Вашему мужу?

Съ мужемъ Чернышевскій тоже былъ друженъ, потому даже съ другими жандармами, которые за нимъ пріѣхали, не хотѣлъ ѣхать изъ Виллойска. Все просилъ мужа ѣхать съ нимъ...

— А какъ освободили Чернышевскаго?

— Освободили такъ: изъ Иркутска пріѣхали два жандармскихъ унтеръ-офицера, привезли съ собой бумагу мужу и сказали пароль. Хотя они были знакомы и бумаги всѣ были, но безъ пароля мужъ не допустилъ бы ихъ къ Чернышевскому. Когда пріѣхали жандармы, они пришли пѣшкомъ къ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ исправникомъ и его помощникомъ. Увидавъ идущихъ, мужъ немедленно заперъ тюрьму и поставилъ караулъ. Караулъ не допустилъ жандармовъ и исправника къ тюрьмѣ. Когда сказали пароль, то допустилъ. Пароль у мужа былъ записанъ, и онъ его помнилъ. Вошли въ комнату мужа, подали бумагу отъ Иркутскаго жандармскаго полковника объ освобожденіи. Кромѣ нея было запечатанное письмо на

имя Чернышевскаго. Мужъ думаль, что лично отъ государя, самъ Чернышевскій такъ и говорилъ, что Высочайшее повелѣніе. Какъ только ему подали лисьмо, Чернышевскій началъ плакать! То захохочеть, то снова плачетъ! И началъ онъ просить, чтобъ его сейчасъ же везли. Мужъ сталъ уговаривать его уложиться, приготовиться къ дорогѣ и дать жандармамъ отдохнуть. Онъ согласился. Чернышевскій пошелъ со всѣми попрощаться...

— Что-жъ былъ кто-нибудь огорченъ, что онъ уѣзжаетъ?

— Нѣтъ, никто по нему не плакалъ, за него всѣ радовались.

— Ну, а какъ поѣхаль?

— Дѣло было въ августѣ мѣсяцѣ. Дороги проѣзжей изъ Вилюйска нѣтъ, только верховая. Кругомъ страшнѣйшія болота, мостовъ тоже не было, рѣчки необходимо было переплывать вплавъ на лошади. Для него вѣрно дѣлали плоты. До Якутска отъ Вилюйска верстъ 700. Дорога—только узкая тропа среди тайги, верхомъ ѣдешь, вѣтвями все время бьетъ въ лицо. Вхать верхомъ онъ отказался. Говорить—не умѣю и боюсь. Хотѣли сдѣлать на быкахъ качалку, какъ носилки къ стремянамъ подвязать. Онъ отказался. И его повезли на санихъ по землѣ. Мужъ кое-какъ уговорилъ почто-содержателя, такъ какъ въ контрактѣ не было условія возить по землѣ на санихъ. Якуты шли впереди саней и расчищали дорогу, гдѣ была тайга, а по болотамъ не было нужды расчищать. Везли инкогнито подъ номеромъ первымъ. Въ

Якутскѣ Чернышевскому былъ приготовленъ губернаторскій шитикъ, закрытая такая лодка. Были тогда на Ленѣ пароходъ, я не помню. Губернаторъ приготовилъ Чернышевскому обѣдъ, но онъ отказался принять, такъ намъ рассказывали, когда мы ѣхали обратно. Больше я ничего о немъ не помню... Одно могу сказать — хорошій, крѣпкій былъ человѣкъ!

Во время одной изъ короткихъ остановокъ у глухого станка, пока выгружали съ парохода ящики, я вышелъ на берегъ. Мое вниманіе сразу же привлекъ скромно одѣтый пожилой человѣкъ въ очкахъ, съ интеллигентнымъ лицомъ. У него на головѣ былъ черный картузь, а сидѣлъ онъ на выгруженномъ товарѣ. — Какой странный купецъ, вродѣ политическаго, — подумалъ я, — но вѣдь онъ черезчуръ старъ, возрастъ его не подходящій для ссыльнаго... А этотъ картузь?..

И я равнодушно вернулся на пароходъ... Раздались свистки. Сняли сходни. Тронулись.

— Что это за странный купецъ? — спросилъ я капитана, указывая на продолжающаго сидѣть человѣка въ картузѣ...

— Это — государственный! Можетъ слышали, — извѣстный докторъ П.; онъ здѣсь единственный политическій на станокъ. Другихъ сюда не селятъ... Скучаетъ...

Я обернулся. Докторъ П. попрежнему сидѣлъ на ящикѣ. И его придавленная, согбенная фигура долго вырисовывалась на фонѣ сѣраго, сумрачнаго

неба... Я глядѣлъ на него съ глубокой тоской. Быть можетъ, онъ пришелъ на берегъ для того, чтобъ услышать привѣтливое слово, и я не далъ его. А онъ такъ жаждалъ бодрости, свѣжей струи жизни... И теперь онъ остался попрежнему одинъ на этомъ страшно одинокомъ пустынномъ берегу... — Крикнуть ему? Но онъ весь ушелъ въ свои думы... Да и что закричишь?..

И я давалъ себѣ слово дальше аккуратно выходить при каждой остановкѣ парохода...

— Слушайте, капитанъ, отчего же этотъ политическій докторъ одѣтъ въ черный приказничій картузь?

— А какую-же здѣсь другую шапку достанешь? Одинъ разъ за весь годъ проходятъ сплавомъ мимо станковъ торговые паузки. Сразу на весь годъ надо и запастись... Выбирать не приходится... Бери, что есть... Надо и съ деньгами считаться. Подальше будетъ деревня Крестовая. Въ ней дворовъ восемь—двѣнадцать. Какъ-то приплылъ къ деревнѣ торговый паузокъ. Стали крестьяне закупать, а цѣны просто недоступныя. Они собрались всей деревней, обсудили свое положеніе и рѣшили, что лучше приобрести товаръ безъ денегъ. Попросили хозяина переночевать; завтра, молъ, будемъ покупать. Ночью собралась вся деревня, убили всѣхъ на паузкѣ, кажется человекъ шесть... Разобрали товаръ, а паузокъ спалили. Осенью сталъ хозяинъ паузковъ ихъ собирать и замѣтилъ, что одного не достаетъ. Сдѣлали разслѣдованіе. Видать, паузокъ пропалъ въ Кресто-

вой... Приѣхалъ засѣдатель... Заварилось дѣло... Военному суду предали... Былъ среди Крестовцевъ поселенецъ черкесь — Иванъ Ивановичъ Кузановъ — его отвезли въ Иркутскъ и повѣсили... За всю деревню онъ одинъ отвѣтилъ. Впрочемъ и Крестовцамъ досталось: всѣхъ въ безрочную каторгу отправили... Вотъ оно, что значать цѣны дорогія... Приходится и картузь брать... Да что картузь?! Сами увидите.—Національный флагъ и то приходится шить, сообразуясь съ цѣнами на кумачъ. Тутъ, когда почта есть, на берегу выставляютъ національный флагъ. Вы и увидите, какіе эти флаги по Ленѣ.—Весь бѣлый, а посреди узенькая красная полоска.—Больше красного кумача не нашлось въ ближнихъ лавкахъ, а синяго и со-всѣмъ не разыскали!. А то бываетъ — вмѣсто синяго просто черную полосу придѣлаютъ и вмѣсто національнаго получается какой-то траурный, печальный флагъ, точно флагъ бѣдности и заброшенности этого края...

На первой же остановкѣ вижу на берегу молодую дѣвушку съ хорошимъ интеллигентнымъ лицомъ, въ платочкѣ. Она стоитъ одиноко въ сторонкѣ и глядитъ кругомъ. Во взглядѣ что-то задумчиво глубокое...

— Политическая! — рѣшаю я, быстро схожу съ парохода и направляюсь къ ней. Она смотритъ на меня съ изумленіемъ...

— Вы сюда сосланы? — спрашиваю я.

— Съ какой стати?—отвѣчаетъ она негодующимъ голосомъ.—Что я преступница, что ли?!

— Нѣтъ, конечно... Я подумалъ, что вы—политическая... теряюсь я.

— Нѣтъ, я жена здѣшнему купцу...

Извиняюсь. Ретируюсь. Рассказываю объ этомъ злоключеніи капитану.

— Не пейте изъ колодезя, придется плюнуть!—замѣчаетъ онъ.

Нашъ пароходъ пристааетъ къ станку. На берегу въ песчаную отмель воткнуть шесть; на немъ „національный флагъ“—бѣлый съ двумя лоскутками—краснымъ и синимъ...

— А, вѣдь, здѣсь есть телеграфная станція,—сообщаетъ капитанъ.—Вы все такъ интересуетесь, какъ идетъ война. Пройдите на телеграфъ, пароходъ будетъ стоять, мы васъ подождемъ... Можетъ, что-нибудь узнаете. Телеграфисты расскажутъ—агентскія телеграммы проходятъ черезъ ихъ руки въ Якутскъ.

Я отправляюсь въ деревню. Меня подвозятъ на лодкѣ къ отмели. Мимо проѣзжаетъ на саняхъ по землѣ почтальонъ. Онъ везетъ брезентовые мѣшки съ кладью, очевидно, посылками... Добираюсь до деревни. Захожу на телеграфъ. Любезны. Узнаю объ „отступленіяхъ въ порядкѣ“.

— А объ убійствѣ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве слышали уже?—вдругъ неожиданно спрашиваетъ телеграфистъ.

— Вотъ посмотрите телеграмму! Мы только что записали...

Впечатлѣніе!...

Нашъ пароходъ снова пристаеъ на нѣсколько минутъ къ небольшому станку. У этого станка почтовые пароходы не останавливаются, онъ черзчуръ глухой и заброшенный, и потому здѣсь устроена „колонія“ политическихъ—поселено нѣсколько административно-ссылныхъ. Заслышавъ пароходный свистокъ, все населеніе станка отъ мала до велика бѣжитъ къ берегу. Очевидно—событіе большой важности. Бѣгутъ и трое—въ пиджакахъ. Одинъ въ студенческой фуражкѣ.

— Вонъ, государственные, видите,—говорить капитанъ.

Я, конечно, вижу и смотрю на нихъ.

Пароходъ причаливаетъ. Трое молодыхъ людей, стоя сплоченной группой, напряженно разсматриваютъ публику... Глаза наши встрѣчаются...

Я схожу къ нимъ. Они кидаются. Называюсь...

— Ну что, какія новости, какія извѣстія, что дѣлается на родинѣ, какъ война!?. Говорите, говорите поскорѣе,—возбужденно-радостно ерничать они всѣ разомъ.—Мы ничего не знаемъ! Мы знаемъ только то, что было мѣсяць назадъ... Скорѣе говорите!

— Бомбой убить Плеве... Едва успѣваю я сказать...

Волненіе страшное! Крики, восклицанія. Они такъ возбуждены!

— Хотя я—соціалъ-демократъ и убѣжденный врагъ террора...—говорить поблѣднѣвшій студентъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, точно въ лихорадкѣ...

„Нѣтъ, нельзя сообщать *сразу* изстрадавшимся людямъ, что умеръ или воскресъ человекъ, судьба котораго близко задѣваетъ“,—думаю я. .

Третій свистокъ. Мы прощаемся. Пароходъ отчаливаетъ, а они снова стоятъ на берегу сплоченной группой со счастливыми, радостными лицами и машутъ шляпами... И, вмѣсто „ура“, они кричатъ „извѣстную русскую поговорку“!..

— Вудете ѣхать обратно, не забудьте насъ!..

— Ну, при слѣдующихъ встрѣчахъ съ политическими, я не стану говорить имъ сразу о Плеве, — думаю я, — вѣдь, этакъ и до Якутска не доберешься...

V.

Политическіе кавказцы.—Политическій «Мальчикъ безъ штановъ».—Въ гостяхъ у политическихъ.—Въ объятіяхъ полиціи.—Бодайбо.—Киренскъ.—Въ гостяхъ у знакомаго политическаго.—Побѣгъ Скоробогача.—Разсказъ политическаго о своей жизни.

— Знаете, — говоритъ мнѣ пассажирь-почтовый чиновникъ, — самые политическіе среди политическихъ ссыльныхъ—это кавказцы! Ихъ всѣ администраторы боятся.—А они, ей богу, никого!..

Представьте себѣ, губернаторъ передъ ними пятится, какъ ракъ! Былъ въ Якутскѣ одинъ грузинъ Камерики или Хѣмерики, не помню. Пошелъ онъ къ губернатору просить оставить его въ городѣ, работать на водочномъ заводѣ. Тогда нужда большая была въ опытныхъ мастеровыхъ, некому было строить, а изъ Петербурга шли телеграммы, чтобы выросъ винный складъ, какъ грибокъ послѣ дождя! Губернаторъ и обрадовался Камерику, разрѣшилъ ему временно остаться и при этомъ случайно спросилъ — „почему такъ много пришло Камерики въ Якутскую область, кажется шесть человекъ?“

— Камерики, — отвѣчалъ грузинъ, — хорошій народъ, любить борьбу, не любить — буржуа!

— Я тоже не люблю буржуа, — едва сказалъ только губернаторъ и немедля растерянно ушелъ изъ кабинета.

Камерики потомъ рассказывалъ, что онъ сдѣлалъ губернатору „горячіе глаза“ — а тотъ сразу же замолчалъ и попятился прочь!..

И, представьте себѣ, только за „горячіе глаза“ губернаторъ переслалъ Камерики подальше въ наслегъ...

А то, взять другого кавказца... Сослали его въ глухой приленскій станокъ Z. Кругомъ тайга, горы, скалы, да галька... Будемъ ѣхать мимо, сами увидите... Онъ немедля же себѣ саклю смастерилъ. Тамъ берегъ — какъ-бы двухъэтажный; нижній — плоская съ покатою косою, покрытая круглымъ щебнемъ гальки, по которой пройти трудно, а верх-

ній этажъ—такая же терраса повыше, по которой тянется осенній трактъ въ сосѣдній большой станокъ. Грузинъ и устроилъ себѣ домишко, прилѣпивъ его къ обрыву тракта, какъ ласточкино гнѣздо, по кавказски, чтобъ не дѣлать четвертую стѣну; крышу онъ устроилъ земляную, а для красоты посѣялъ на ней какую то хлѣбную траву; зерна досталъ у проѣзжаго поселенца. Крыша у него и зазеленѣла. Вотъ тутъ-то и началась трагедія. Кругомъ ни клочка ровной поверхности, галька и галька—ноги ломай, да и баста, куда ни глянь—темная, нависшая, мрачная тайга! Одна только крыша и радуется взоръ. Она и сдѣлалась любимымъ мѣстомъ прогулки... Въ особенности для свиданій мѣстной молодежи. Но это онъ еще кое-какъ терпѣлъ... Началось съ засѣдателя. Пріѣхаль онъ сюда по какимъ-то дѣламъ, кончилъ ихъ и немедля же расположился съ разными тамъ понятными пикникомъ на крышѣ... Какъ на балконѣ—удобно это,—свернуть только съ дороги направо... Пока выпивали, грузинъ не слышалъ, что они у него на крышѣ хозяйничаютъ—сидѣлъ, книжки читалъ. Но какъ начали они у него на крышѣ съ пьяныхъ глазъ танцовать и патриотическія пѣсни пѣть, грузинъ выскочилъ въ двери и прямо ахнулъ.—Видитъ у него на крышѣ полиція гуляетъ! Крикъ поднялъ отчаянный. Никогда никто такъ на засѣдателя не кричалъ, самъ губернаторъ обошелся-бы деликатнѣе... Но и засѣдатель былъ старая полицейская крыса, которую не легко спугнуть.— „Кричи“,—говорить,—„кричи, а вотъ я тебя за-

протоколю и тогда узнаешь, какъ на начальство, при исполненіи служебныхъ обязанностей, кричать“. Всякій бы на его мѣстѣ усмирился, понялъ бы, что до точки дошелъ, а въ немъ политика кавказца закипѣла. Сталъ онъ уже что-то по грузински кричать, до потери голоса кричалъ... Полиція распотѣшилась—хохочуть уже всѣ. А другіе и вниманія не стали обращать, между собой говорятъ, что отсюда на охоту поѣдутъ. Тамъ всѣ охотятся. А у грузина и голоса нѣтъ. Вотъ побѣжалъ онъ къ рѣкѣ, напился воды, вернулся и пошелъ въ свою саклю. Будто успокоился. Видятъ,—угрюмый идетъ, рѣшительный и молчитъ. Только, знаете, выносить онъ въ одной рукѣ жестянку пороховую фунтовую, а въ другой уже зазженную лучину.

Не могу я—политическій,—говорить, — снести такого позора, чтобъ у меня на крышѣ, надъ моими хорошими книгами, поганая полиція ликовала. рѣшилъ я мою саклю взорвать и васъ вмѣстѣ съ нею... Однимъ словомъ, по кавказски! Не успѣлъ онъ и договорить, какъ они всѣ съ крыши этой кубаремъ свалились, удирать—кто куда попало! Засѣдатель отбѣжалъ къ сторонѣ и кричитъ уряднику:—ступай обратно на крышу за ружьемъ. А тотъ въ отвѣтъ: „никакъ не могу, ваше благородіе, пока господинъ политическій позволитъ!“ Ну, тотъ позволилъ... Такъ онъ за своихъ марксовъ постоялъ. Одинъ противъ столькихъ полицейскихъ. Неслыханное здѣсь дѣло!.. Но только его сакля и до сихъ поръ отравляетъ ему существованіе. Все ему кажется, что у него на крышѣ—полиція. Чуть

какая-нибудь парочка заберется вечером поворковать да зашумять, онъ съ дубиной въ рукахъ и выскакиваетъ. Особую сучковатую дубину даже завелъ! Натерглся такъ онъ не мало... Что подѣлаешь, не годится для здѣшнихъ нѣсть кавказская сакля!..

На одномъ изъ станковъ я снова увидалъ нѣсколькихъ политическихъ. Они, попрежнему, стояли сплоченной группой. Среди нихъ была молодая дѣвушка. Они озабоченно смотрѣли на пароходъ... Я сошелъ на берегъ. Мы поздоровались. Они, какъ всегда, засыпали вопросами.

— Отойдемъ, господа, въ сторону, подальше, пожалуйста заранее общайте мнѣ ничего не кричать, когда я сообщу вамъ одно извѣстiе... Оно васъ поразитъ...

— Говорите, говорите, поскорѣе!

Мы отошли въ сторону, и я сообщилъ имъ о томъ, что убить Плеве.

Увы, мое предупрежденiе не помогло... Раздались прежнiе крики, восклицанiя...

— Знаете, Плеве былъ личнымъ врагомъ нашего мальчика безъ штановъ,—говорила радостно молоденькая дѣвушка, указывая на молодого студента съ хорошимъ, яснымъ лицомъ, совершенно не похожаго ни на мальчика, ни тѣмъ болѣе на мальчика безъ штановъ...

— Ничего не понимаю, въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Очень просто. Когда на жандармскихъ до-

знаніяхъ уже при Сипягинѣ политическіе поголовно начали отказываться давать какія-либо показанія и, благодаря этому, даже жандармы не могли стряпать дѣла, Плеве придумалъ передать политическія дѣла въ суды и тѣмъ заставить политическихъ заговорить... На это и пошелъ нашъ мальчикъ безъ штановъ... Противъ него не было никакихъ уликъ, но онъ произнесъ рѣчь о своихъ убѣжденіяхъ. Судъ оправдалъ его, а Плеве сослалъ сюда.

— А почему у васъ такое странное прозвище?

— Его долго держали въ тюрьмѣ до суда, онъ не называлъ своего имени, ему не дѣлали передачъ, и нашъ мальчикъ настолько обносился, что когда ему нужно было итти въ судъ, то онъ съ тревогой воскликнулъ:

— „Какъ же я пойду на судъ безъ штановъ?“
За это онъ и получилъ свое прозвище...

— Что-жъ,—промолвилъ, мило улыбаясь, студентъ,—въ борьбѣ потеряешь ты право свое, а не только штаны... Пожалуй теперь меня вернуть? А? Какъ вы думаете?..

Когда я выѣзжалъ изъ Москвы, одинъ мой пріятель—„человѣкъ большого политическаго такта“ С. настойчиво совѣтовалъ мнѣ купить котелокъ, вмѣсто обычной—мягкой шляпы.

— Я бывалъ въ Сибири,—говорилъ онъ,—и хорошо знаю, что значить тамъ котелокъ.—Вамъ откроютъ двери самыхъ сокровенныхъ темнотъ.

Вась будутъ вездѣ принимать за важную столичную штучку.

— Да, вѣдь, мнѣ этого и не нужно!..

— Но вамъ придется хлопотать за ссыльныхъ, и тогда котелокъ будетъ незамѣнимъ, не забудьте, что вы ѣдете на отвѣтственную защиту по политическому дѣлу. Надо принимать во вниманіе все.

И, побѣжденный этими доводами, на всякій случай, я купилъ хорошій англійскій котелокъ и везъ его со всѣми предосторожностями въ специальной деревянной коробкѣ. Я жаждалъ хоть разъ пустить въ ходъ эту драгоценность и вообще испробовать ея обѣщанныя магическія свойства. Случая не было, и я рѣшилъ развлечься котелкомъ, — подурить отъ скуки длиннаго пути, устройвъ „маскерадъ“ при первой-же встрѣчѣ съ политическими...

Когда, подплывая къ станку, гдѣ предстояла продолжительная остановка для ночлега, я замѣтилъ на берегу нѣсколько политическихъ, то быстро спустился въ каюту, одѣлъ новенькій котелокъ и вышелъ на палубу. Я постарался принять видъ столичнаго франта, заложилъ кренделями руки въ карманы и очень пожалѣлъ, что для пущей важности не запасся и шикарной сигарой, хотя, правда, никогда не курю, и С. не давалъ мнѣ этого совѣта...

Политическіе жадно оглядывали пароходъ, разыскивая на немъ пассажира, своимъ видомъ напоминающаго „политическаго защитника“. И не находили! Нѣсколько разъ они нерѣшительно оста-

навливали свой взглядъ на мнѣ и снова блуждали глазами по пароходу.

Наконецъ, глаза ихъ упорно остановились на мнѣ. Я былъ неумолимъ. Руки мои были по прежнему заложены выборгскими кренделями.

— Сойдите къ намъ! — вдругъ крикнула дѣвушка, стоящая среди нихъ. Она кивнула мнѣ угловатымъ движеніемъ руки.

Я спокойно и солидно сошелъ на берегъ.

— Вы по какому дѣлу ѣдете? — кинулись ко мнѣ всѣ политическіе, испытующе оглядывая мой великолѣпный котелокъ...

— По купецкому, — важно отвѣтилъ я.

Они ринули отъ меня и уже снова начали осматривать пароходъ, но я не могъ болѣе выдержать своей роли и расхохотался,

— Не адвоката-ли вы ищете?

— Да, да! Гдѣ онъ?

— Да передъ вами!

— А, вѣдь мы такъ и думали, но... но...

— Я имъ объяснилъ мой „маскерадъ“...

Смѣхъ, веселье...

По прежнему, принявъ всѣ мѣры „предосторожности“ и отведя ихъ въ сторону подальше отъ парохода, я сообщилъ послѣднюю сенсационную новость...

И опять повторились прежнія радостныя восклицанія!.. Они были „эсъ-эрами“.

— На долго-ли остановился пароходъ?

— На всю ночь!

— Ну, такъ идемъ къ намъ, вы намъ много

разскажете! Мы трое нарочно прїѣхали сюда, чтобъ повидаться съ вами, поразспросить васъ обо всемъ! Видите, — вонъ моя лодка! Ну, идемъ же поскорѣе!

— А гдѣ вы, здѣшніе, живете?

— Да вонъ на берегу, избенка съ воротами, видите на скамейкѣ сидитъ урядникъ, это тамъ и есть нашъ домишка!..

Нельзя сказать, чтобы видъ урядника привелъ меня въ патриотическій восторгъ

Конечно, онъ ничего не могъ мнѣ лично сдѣлать. Но онъ могъ по телеграфу сообщить отсюда въ Якутскъ о моихъ „сношеніяхъ“ съ этими ссыльными и тогда, конечно, весь мой авторитетъ не только „столичной штучки“, но и просто адвоката въ заброшенной окраинѣ терялъ всякое значеніе. Я давно уже замѣтилъ, что судьи по политическимъ дѣламъ лишь тогда внимательно и съ „уваженіемъ“ слушаютъ защитника, когда не видятъ въ немъ союзника подсудимаго, или, вѣрнѣе говоря, такого же подсудимаго по духу, какъ и тотъ, котораго за распространеніе нѣсколькихъ брошюръ они совершенно равнодушно готовы лишить не только правъ состоянія, но и выбросить за бортъ жизни, какъ отбросъ челоуѣчества, на свалку людской нечисти... И чѣмъ менѣе „стороной въ дѣлѣ“ кажется адвокатъ такимъ судьямъ, тѣмъ охотнѣе соглашаются съ нимъ даже судьи-палачи. А на мнѣ лежала черезчуръ большая отвѣтственность, я долженъ былъ принести въ жертву всѣ мои интересы, которые могли помѣшать этой защитѣ. Поэтому я

предложилъ ссыльнымъ „стратегическій“ планъ. Для того, чтобы не возбудить подозрѣнія урядника въ моей неблагонадежности, мы рѣшили, что они пойдутъ къ себѣ домой, а я съ кѣмъ-нибудь отправлюсь осматривать станокъ, затѣмъ мы подойдемъ къ ихъ дому, онъ начнетъ меня приглашать, я отказываться, спрошу — да кто-же собственно они и, узнавъ, что ссыльные, скажу: „ахъ, какъ это интересно, я никогда не видалъ ссыльныхъ, какое-же преступленіе сдѣлали вы?“ Съ запасомъ этихъ словъ я успѣю пройти мимо урядника, и всѣ правила „конспиртаціи“ будутъ соблюдены!

Сказано—сдѣлано. Мы описали по ничтожному станку два-три круга, причемъ мое появленіе въ котелкѣ вызвало невѣроятную сенсацію среди ребятшекъ, усиленно показывавшихъ на него пальцами... Я „осматривалъ“ деревню... И, говоря правду, не пожалѣлъ, что это входило въ стратегическій планъ. Я увидѣлъ не только великую нужду и заброшенность, общія почти всѣмъ русскимъ деревнямъ, но и ужасъ оторванности отъ примитивно культурнаго центра...

Все населеніе уже вернулось съ берега отъ парохода, и въ поселкѣ началась обычная жизнь...

Мимо на саняхъ провезли сѣно... И я вспомнилъ, какъ, изучая „Слово о полку Игоревѣ“, мы—дѣти съ изумленіемъ узнали, что было далекое, забытое время, когда наши предки и лѣтомъ ѣздили на саняхъ... Я увидѣлъ почти полное отсутствіе *воздя*, кучи мусора, апатичныя лица взрослыхъ... Но, главное, страшна была эта мертвая

тишина мертвого поселка... Появлялись и вылазили откуда-то люди... Точно тѣни... И если бы не маленькія дѣти, я подумалъ бы, что нахожусь въ Буссанѣ Веккіа — микроскопической италіанской деревушкѣ на берегу Средиземнаго моря, двадцать лѣтъ назадъ разрушенной грознымъ землетрясеніемъ и навсегда покинутой жителями... Но страшнѣе всего было за интеллигентныхъ, полныхъ жизни и энергіи, мыслящихъ людей, обреченныхъ коротать здѣсь свое время. Во всемъ станѣ не было даже лавченки или будочки для продажи печенаго хлѣба или зацвѣтшей „московской“ колбасы, не то что нѣсколькихъ листовъ писчей бумаги... Не было ничего общественнаго, не было даже „часовни“ — деревяннаго помоста и крыши сверху на четырехъ столбикахъ... Ничего... Избенки темно-сѣрыя, старыя... Ни одного крашеннаго окна или крашенной ставни, на которыхъ успокоился бы утомленный сѣрымъ однообразіемъ глазъ...

Не слышно было родной украинской пѣсни, которой начинается и кончается у насъ въ Хаткахъ ярко-солнечный, красочный день...

— Край дороги гне тополю до самаго долу!... Никакихъ деревьевъ, кромѣ лиственницъ и елей въ обступившей кругомъ угрюмой и тяжелой тайгѣ...

О, какъ невыносима ты, ссылка! — думалъ я...

Около воротъ квартиры политическихъ между мною и спутникомъ въ присутствіи насторожившагося, точно барбось, урядника произошел условленный разговоръ, затѣмъ мы продѣлали галантерейность обхожденія, уступая другъ другу честь

войти первому въ ворота, не менѣе продолжительно, чѣмъ сами Чичиковъ и Собакевичъ... И, наконецъ, я очутился во дворѣ...

Они всѣ собрались въ своемъ „флигель“ — жалкой прокопченной лачугѣ, менѣе всего напоминающей комнату или даже нашу дачную кухню... На стѣнахъ не было фотографій, гравюръ, обычно украшающихъ стѣны учащейся молодежи... Ихъ всѣхъ арестовали совершенно неожиданно. Такъ же неожиданно, прямо изъ тюрьмы, сослали сюда. И они не успѣли захватить не только гравюръ, но даже карточекъ самыхъ близкихъ людей!

За то на стѣнахъ у нихъ висѣли три большія желѣзныя, четырехугольныя сковороды.

— Однако, господа, у васъ здѣсь удивительно уютно. — Какія чудныя гравюры на стѣнахъ, — сказала я, указывая на сковороды, — все темныя, мрачныя острова смерти Беклина!...

— А что вы думаете, — отвѣтилъ кто-то изъ нихъ, — вамъ кажется, что это, — такъ, — пустяки, а между тѣмъ это — дѣйствительно артистическое произведеніе одного парходнаго машиниста, благодѣтельствовавшаго нашу священную обитель такими удобными сковородами! Купите-ка ихъ здѣсь!...

Мы усѣлись вокругъ стола, и завязалась длинная, безконечная бесѣда...

Мнѣ такъ хотѣлось знать, какъ живутъ они, какъ проходитъ ихъ день, съ кѣмъ встрѣчаются, кого видятъ...

Но они не имѣли ни малѣйшаго желанія раз-

сказывать о себѣ и рвались вывѣдать побольше отъ меня.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ слушалось известное дѣло Гершуни и другихъ. Ихъ интересовали подробности этого дѣла, мучилъ вопросъ, чѣмъ объяснить предательство Кочуры, приведеннаго на судъ изъ Шлиссельбургской крѣпости. Я рассказывалъ все, что зналъ, а зналъ очень подробно, такъ какъ, хотя самъ и не защищалъ въ этомъ процессѣ, но защищалъ братъ Михаилъ (тоже прис. повѣр.) и близкіе товарищи, которые каждый день, по мѣрѣ слушанія дѣла, подробно дѣлились впечатлѣніями...

— Не смотря на ужасъ того, что дѣлалъ Кочура, на всѣхъ защищавшихъ онъ произвелъ впечатлѣніе необыкновенно чистаго человѣка, но совершенно сумасшедшаго или заблудившагося лунатика, не сознающаго, по какому пути онъ идетъ.

Лицо же у него было удивительно хорошее, изумительной духовной красоты, лицо—святого... Для видѣвшихъ его такъ и осталось загадкою, что же произошло съ Кочурой, тѣмъ Кочурой, который, выслушавъ смертный приговоръ, категорически отказался подать прошеніе о помилованіи...

Я замѣтилъ, что это впечатлѣніе защитниковъ непріятно моимъ собесѣдникамъ. Они не могли допустить мысли, что у предающаго могло быть при этомъ „хорошее“ лицо...

И точно тучка набѣжала на нашъ оживленный разговоръ... Мы примолкли... Нужно было разсѣять это настроеніе...

Къ счастью, я вспомнилъ одну анекдотическую подробность — черточку процесса Гершуни. Защитникъ офицера Григорьева, — отчаянно предававшего всёхъ и безпощадно воздвигавшаго своими оговорками эшафотъ для Гершуни, — Бобрищевъ-Пушкинъ, желая выставить Григорьева необыкновенно добрымъ человѣкомъ, сталъ допрашивать его жену о томъ, какъ однажды, увидѣвъ поздней осенью въ замерзающей полыньѣ Невы дикаго гуся, Григорьевъ хотѣлъ спасти его; защитникъ „устанавливалъ“, что Григорьевъ едва не бросился на тонкій лёдъ, и только жена отговорила этого великодушнаго рыцаря свершить столь исключительно геройскій подвигъ... Бобрищевъ-Пушкинъ выбивался изъ силъ, чтобъ картина великодушія была полнѣе и ярче, а несчастный страдалецъ-гусь такъ и плавалъ передъ глазами слушателей... Всѣ терпѣли... Въ это время уважаемый А. Н. Турчаниновъ, тоже защищавшій по этому дѣлу, наклонился къ сосѣдямъ-товарищамъ и, очевидно, воспринявъ достождное впечатлѣнiе, произнесъ настолько громко, что многіе услышали:

— „Мнѣ кажется это — не гусь, а — утка!..“
Торжественная картина получила должную оцѣнку!..

Смыслыные весело расхохотались, и нашъ разговоръ живо перешелъ на разныя другія темы...

Изъ ихъ жизни я могъ уловить только отдѣльные штрихи...

Во всемъ станкѣ, кромѣ политическихъ и писаря, не было никого грамотнаго, не то, что хотя бы такъ-называемой интеллигенціи; никто, кромѣ

нихъ, не выписывалъ газетъ, обо всѣхъ новостяхъ узнавали отъ рѣдкихъ проѣзжающихъ, такъ какъ почтовые пароходы у ихъ станка не останавливались... Была ли тягостна жизнь?... Но зачѣмъ говорить о томъ, что и безъ словъ очевидно...

Уже свѣтало, когда я вышелъ изъ ихъ „флигелька“. Я отказался отъ провожатаго. Лена была окутана густымъ туманомъ, но пароходъ легко было найти, такъ какъ на берегу тумана не было. Стояла мертвая тишина... Хотѣлось думать, а не спать... Прошелъ черезъ пустырь покатаго двора и спустился къ воротамъ... Едва только я переступилъ ихъ порогъ, какъ попалъ въ чьи-то желѣзныя объятія!

— Стой! — грозно раздался повелительный голосъ.

Я поднялъ голову и увидѣлъ передъ собой двѣ полицейскія фигуры.— Меня держалъ какой-то чинъ съ серебряными погонами, сбоку стоялъ — урядникъ. Очевидно, они ждали меня и подслушивали нашъ разговоръ... Окно было открыто!...

Чинъ тоже поднялъ голову и устремилъ глаза на мой котелокъ...

— Кто вы такой?—спросилъ онъ уже гораздо мягче, по-прежнему не выпуская мою талию изъ цѣпкихъ объятій.

— Присяжный повѣренный,—тихо отвѣтилъ я и, сильно повышая голосъ, прибавилъ: — округа санктъ-петербургской судебной палаты!...

Чинъ моментально опустилъ руки.

Казалось, онъ ощутилъ въ нихъ весь высокій

авторитетъ цѣлаго округа с.-петербургской судебной палаты!...

— Куда вы сейчасъ идете? — деликатно спросилъ чинъ.

— Къ себѣ на пароходъ, въ каюту перваго класса...

— Вы позволите мнѣ проводить васъ? — окончательно тая спросилъ онъ, точно я былъ дамой, проводить которую онъ почиталъ за особенное удовольствие...

— Сдѣлайте одолженіе! — корректно отвѣчалъ я.

Мы отправились. Урядникъ слѣдовалъ сзади на почтительномъ разстояніи... Я видѣлъ, что чинъ горитъ желаніемъ задать рядъ „любезныхъ“ вопросовъ, кто я, откуда и куда ѣду, и потому, подѣлившись впечатлѣніями погоды, предпочелъ задать рядъ вопросовъ ему...

— Какъ вы сюда, въ такую глушь попали? — спросилъ я.

— Случайно пріѣхалъ на охоту! — угрожно отвѣчалъ онъ и уже открылъ ротъ, чтобы спросить меня о томъ же, но я не далъ ему проронить ни одного лишняго звука...

— И какъ сошла ваша охота?! — быстро произнесъ я.

— Лося убили! — нетерпѣливо замѣтилъ онъ и снова открылъ ротъ...

— Вы сами убили, или же были еще охотники? — полюбопытствовалъ я...

— Были и другіе!... Кстати...

— А гдѣ же они? — не унывалъ я.

— По домамъ разошлись!... Позвольте...

— Значить охотники мѣстные?...

— Да!... Видите ли...

— А гдѣ происходила охота?— Неужели тутъ рядомъ въ тайгѣ можно охотиться?...

— Нѣтъ, охотились верстахъ въ тридцати ..
Виновать...

— Неужто вы охотились ночью?

— Нѣтъ, только до поздняго вечера!... Я...

— Ну, до котораго часа?

— Часовъ до 10-ти... Мнѣ...

Онъ, повидимому, терялъ терпѣніе... Но я уже зналъ все самое необходимое. Если охота окончилась въ 10 часовъ, то съ потерей времени на дорогу—два-три часа, на переодѣваніе, на докладъ урядника, чинъ могъ попасть къ квартирѣ политическихъ не ранѣе двухъ часовъ ночи. Значить, онъ не слышалъ большей части нашего разговора! А это было утѣшительно!

— Неужто послѣ охоты, ничего не откушавъ, вы пошли гулять?!

— Позвольте...

— Вотъ и пароходъ! Милости просимъ!— прервалъ я его...

Мы поднялись по сходнямъ. Къ счастью капитанъ не спалъ! Онъ распоряжался приготовлениями къ отплытію...

— А, капитанъ, вы не спите, вотъ и прекрасно!— сказала я, отъ души радуясь встрѣчѣ съ нимъ.— А я привелъ съ собою гостя. Распорядитесь-ка дать мою бутылку вина, примите по-

любезнѣе гостя, а я, къ сожалѣнію, усталъ и пойду спать!...

— Что-же вы не останетесь съ нами? Оставайтесь!—воскликнулъ чинъ, очевидно, подъ вліяніемъ предстоящаго вина, дѣйствительно чувствуя себя гостемъ.

— Не могу, усталъ, — отвѣтилъ я и спокойно ушелъ къ себѣ. А они еще долго сидѣли на рубкѣ парохода и выпивали... Когда я всталъ съ койки, пароходъ полнымъ ходомъ разсѣкалъ воды Лены, чина же давно и слѣдъ простылъ...

Капитанъ стоялъ на вахтѣ и своимъ острымъ взглядомъ осматривалъ рѣку... Бессонная ночь не оставила на немъ слѣда...

— „Ну, батенька, — сказалъ онъ, завидя меня,—отъ большой бѣды ушли вы! Вѣдь, это—самъ Z.! Онъ хотѣлъ задержать васъ да такъ, чтобъ и политическіе не знали! Какъ увидѣлъ, что вы собираетесь отъ нихъ, начинаете прощаться, онъ къ воротамъ бросился и притаился...—Вотъ, говорить, какъ для меня благополучно сошло, могъ-бы нажить себѣ непріятности, арестовавъ такую высокую личность. Все интересовался узнать отъ меня, по какому дѣлу вы командированы... Я ему, чтобъ отдѣлаться, сказалъ будто по миллионному дѣлу барона Гинзбурга, а награды вамъ назначено пятьдесятъ тысячъ! Онъ даже крикнулъ! Только въ другой разъ будьте осторожнѣе... Онъ вашъ разговоръ подслушивалъ,—хорошо, говорить, что все насчетъ охоты разговаривали—про гусей да утокъ, а то бы я его и не такъ схватилъ, тогда безъ

скандалу не обошлось бы!.. Отписывайся-ка. На такую личность наскочил"!..

То было два года назадъ, но и до сихъ поръ мнѣ неприятно вспоминать эту ночь. „Котелокъ“ отравляетъ ея впечатлѣнія...

Только ложь и, какъ ни поворачивай, хлестковщина отвоевали мнѣ на этотъ разъ „дѣйствительную“ неприкосновенность личности...

Мы подплываемъ къ деревнѣ Подкаменной. Значитъ Киренскъ—недалеко.

— Надо бы послать къ отцу Ивану справиться, нѣтъ-ли уже дикихъ утокъ,—озабоченно говорить пароходный буфетчикъ...

— Какъ такъ, —изумляюсь я, —къ священнику? Да онъ что же охотникъ?

— Какъ же, охотится! — Хорошо, что здѣсь нѣтъ газетчиковъ, а то бы критику на духовенство сочинили,—замѣчаетъ онъ... Только охота у него особенная, неводомъ!

— Никогда про такую я не слышалъ!..

— А вотъ послушайте! Онъ обставляетъ озеро неводомъ на палочкахъ, подвязываетъ къ нимъ веревочки и кидаетъ въ воду овесь. Утки привываютъ, слетаются... Овса не жалѣетъ. Отецъ Иванъ садится въ засаду, дергаетъ веревочки, неводъ падаетъ и закрываетъ стаю. Тогда онъ свертываетъ уткамъ головки и продаетъ пару за 25 копѣекъ, а то и по гривеннику, а у другихъ штука стоитъ 30 копѣекъ... Подкаменная расположена подъ утесомъ въ небольшой пади, никого кромѣ неграмот-

ныхъ крестьянъ нѣтъ, можно отъ тоски помѣшаться, вотъ батюшка и придумалъ себѣ для лѣта такое развлеченіе... Ловить по озерамъ, пока не замерзнутъ... Другіе священники по Лѣтѣ тоже охотятся, но тѣ изъ ружей... Молоко у отца Ивана тоже можно достать, держать коровъ....

И буфетчикъ посылаетъ кухарку въ деревню...

Уже даны три свистка, время трогаться въ путь, а кухарки все нѣтъ... Наконецъ она показывается на песчаной отмели...

— Дайте-ка еще разъ три свистка, — говорю я капитану, — пусть поспѣшаетъ!..

— Нельзя, испугается, побѣжитъ и *сломаетъ* молоко!

— Какъ такъ сломаешь? Въ первый разъ слышу, что молоко можно сломать!

— Тутъ всѣ этакъ привыкли говорить: молоко замороженное кругами продаютъ. Зимую жидкаго и не достать, а длинное-ли здѣсь лѣто!..

Второй разъ мы обгоняемъ паузки съ лошадьми. Ихъ везутъ въ Бодайбо на золотые прииски для рудничныхъ работъ. Паузки — плоскіе неуклюжіе и лошади стоятъ на самомъ ихъ днѣ безъ настилки. По низкимъ бортамъ паузковъ укрѣплены столбики, на которыхъ устроенъ помостъ, заваленный сѣномъ, и помостъ нависаетъ надъ головами лошадей, точно тѣ потолоки рудниковъ, откуда ихъ поднимуть только мертвыми, такъ какъ спускъ и подъемъ лошади въ шахтѣ — очень затруднителенъ... Отъ Жигалова до Витима паузки плывутъ дней двадцать, отъ Ви-

тима-же до Бодайбо (тамъ всего 300 верстъ) паузки ведетъ противъ воды на бичевой пароходъ. На каждомъ паузкѣ до 30 лошадей. Труденъ ихъ путь, трудна доставка, но зато эти маленькія лошади, стоящія въ европейской Россіи по 25—30 рублей, въ Бодайбо продаются по 200—600 рублей—голова. Правда, эти лошади лучше бѣгають, чѣмъ „россійскія“. Но томская лошадка, стоящая 100 — 150 рублей, здѣсь продается за 300—500 рублей, а бѣговья, несмотря на ростъ, идутъ и по 1.500 рублей...

Выгодное дѣло, — замѣчаетъ капитанъ, сообщающій мнѣ всѣ эти свѣдѣнія, — наживаютъ на немъ десятки тысячъ въ годъ, а все почему? — Потому, что первые за это тутъ взялись и некому конкуренцію дѣлать. — Первый началъ на Лену доставлять керосинъ — миллионы нажилъ, тулупы барашковые изъ Москвы, да изъ Москвы сюда, въ царство мѣховъ, началъ первый возить — тысячи нажилъ... Только первому начать. Пріѣхать сюда умному человѣку, съ самымъ небольшимъ капиталомъ, присмотрѣться и первому новое дѣло начать. И всякій такой будетъ богачемъ, потому что этотъ край — совершенно непочатый край!.. Первыхъ дѣлъ тутъ сколько угодно! Пріѣхаль сюда какъ-то въ Витимъ политическій еврей изъ писарьковъ; привезъ съ собою первую пишущую машину... Что вы думаете? Большія деньги началъ наживать. Изъ Бодайбо для переписки бумаги присылали. Машину тамошнимъ богачамъ выписать — непочемъ, а кто писать на ней будетъ?! Знающаго не найти! Онъ

шибко и зарабатывалъ. Какъ окончился ему срокъ административной ссылки, говорятъ, — уѣзжай отсюда, такъ какъ евреямъ въ Сибири жить нельзя. А онъ все проситъ разрѣшить остаться, проситъ срокъ ссылки продолжить! Ему ссылка выгоднѣе свободы оказалась!...

— Ну, положимъ, въ томъ то и дѣло, что у евреевъ нѣтъ никакой свободы, если въ ссылкѣ они могутъ жить лучше!..

Вотъ и Киренскъ!

Маленькій захолустный, уѣздный городокъ съ однообразными, темными домишками, изрѣдка даже одноэтажными кирпичными, побѣленными или украшенными мезониномъ, изрѣдка съ выкрашенными краской окнами... Монастырь и его паркъ, нѣсколько бакалейныхъ и желѣзныхъ лавокъ — на берегу Лены. Женская прогимназія, складъ казенной монополіи — лучшее зданіе въ городѣ, больница, тюрьма, раскиданные въ центрѣ Киренска. Улицы — зыбучій песокъ. Кое-гдѣ попадаются деревянные тротуары-мостики... Но уличныхъ фонарей нѣтъ...

Лѣтъ тридцать назадъ весенняя вода Лены прорвала себѣ новый протокъ и, отдѣливъ горюдь отъ кладбища, сдѣлала Киренскій островокъ...

Спрашиваю перваго попавшагося прохожаго, что посмотрѣть въ городѣ. — Совѣтуетъ побывать въ монастырѣ и на кладбищѣ. — Больше здѣсь нечего смотрѣть, весной пріѣзжалъ циркъ — два клоуна, былъ еще балаганъ, да ужъ давно уѣхалъ, нечего здѣсь смотрѣть, — категорически утверждаетъ онъ...

Побродилъ съ часъ, обошелъ городъ, возвращаюсь на пароходъ. И вдругъ узнаю новость: капитану принесли телеграмму. Оказывается пароходъ пойдетъ до Якутска! Мы останемся только на ночлегъ!..

У меня нѣсколько часовъ свободнаго времени... Иду въ городъ.

— Есть здѣсь кто-нибудь изъ политическихъ? — спрашиваю я попрежнему перваго же встрѣчнаго прохожаго.

— А какъ же, на томъ берегу, — будете итти, спросите домъ Ивана, рядомъ съ домомъ черкеса — всякій покажетъ. На верху живетъ.

Рѣшаю завернуть сначала къ политическому и предложить ему вмѣстѣ побродить по Киренску или окрестностямъ.

По предшествующимъ встрѣчамъ я полонъ дерзкой самоувѣренности, что онъ съ удовольствіемъ приметъ участіе въ этой прогулкѣ...

Кое-какъ нахожу. Оказывается это Х., милый Х.! Встрѣча!..

Я видывалъ его въ университетѣ. Мы одновременно слушали лекціи. Тогда онъ прекрасно держалъ экзаменъ, получивъ за конкурсное сочиненіе золотую медаль, и ему прочили блестящее будущее блестящаго профессора уголовного права. Онъ окончилъ университетъ, получилъ превосходный дипломъ и уже собирался ѣхать домой къ роднымъ отдохнуть, когда его вдругъ схватили... У одной его знакомой нашли во время обыска *спрятанный* адресъ Х... Этого, конечно, было

достаточно, чтобы ночью въ квартиру Х. ворвалась ватага полиціи, а всѣ вещи его были безцеремонно перерыты, и самыя интимнѣйшія письма перечитаны совершенно „посторонними“ людьми. Сначала, во время обыска, ихъ читаль чиновникъ охраннаго отдѣленія; чиновникъ этотъ попалъ на службу въ охрану изъ полка, откуда былъ прогнанъ товарищескимъ судомъ, какъ подлець и дѣломъ и словомъ. И эти признанныя товарищами качества онъ обнаружилъ во время обыска, когда, перечитывая письма Х., безъ церемоніи, въ присутствіи понятыхъ, отпускалъ „милыя остроты“ по поводу нравящихся ему мѣсть.

Х. былъ арестованъ, посаженъ въ одиночную камеру.

Затѣмъ письма читали жандармскій офицеръ и товарищъ прокурора, считающіе себя призванными охранять права частной собственности, какъ „надежнѣйшую“ основу существующаго порядка. И именно потому, нарушая примитивнѣйшее право частной собственности, они копались своими грязными руками въ письмахъ Х. — его тайникахъ души. А все это время онъ сидѣлъ подѣ стражей „впредь до выясненія причины ареста“, какъ значилось въ „законномъ постановленіи“, на основаніи котораго его держали подѣ замкомъ, точно бѣшеннаго звѣря...

Наконецъ, причину ареста нашли. Среди его бумагъ оказалось одно письмо, три года назадъ полученное имъ изъ Чернигова отъ знакомой дѣвушки. Она увѣдомляла:— „въ моемъ письмѣ при-

лагаю запечатанное письмо для Анюты. Передайте его ей. Адресъ Анюты можете узнать у М.“.

Тогда Х. не могъ передать запечатаннаго конверта, такъ какъ М. не зналъ ея адреса. И письмо заваялось, Х. забылъ о немъ. Въ приложенномъ, попрежнему запечатанномъ, письмѣ оказалась просьба выслать нелегальную литературу по нѣскольکو экземпляровъ каждаго названія, причемъ имѣлся и самый списокъ книжекъ...

Жандармскій офицеръ и товарищъ прокурора потребовали отъ Х. назвать фамилію „Анюты“. Онъ отказался. И участь его была рѣшена. Его сослали на пять лѣтъ въ Восточную Сибирь.

Онъ никогда не былъ революционеромъ, всегда стоялъ внѣ партій... Его черезчуръ увлекла наука... Жилъ онъ одиноко, не посѣщаль даже студенческихъ вечеринокъ... Но онъ былъ очень добрый, застѣнчивый человекъ и не умѣлъ отказывать, когда его о чемъ-нибудь просили... И, тѣмъ не менѣе, его судьба сложилась много трагичнѣе судьбы товарищей, безусловно принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи...

Унылая квартира оказалась у Х... Маленькая, грязная, бѣдная комнатка, заваленная книгами, много фотографическихъ негативовъ... Мебели, кромѣ уродливой деревянной кровати, стола и двухъ стульевъ, никакой. За то на подоконникѣ стоялъ какой-то обломанный черепокъ съ какими-то сгустками, плавающими въ водѣ...

— Что это такое? — спросилъ я.

— А это у меня хозяйка уголовная поселенка,

нѣмка изъ Риги—удивительно аккуратная особа, — отвѣчалъ онъ. Когда я нанялъ у нея комнату, то много бродилъ взадъ и впередъ, какъ это дѣлаютъ арестанты въ тюрьмѣ... Меня давила ноющая тоска. Знаете, здѣсь страшное одиночество... Понимаете-ли вы, что значить одиночество?.. Когда страшно вернуться домой, страшно этихъ стѣнъ... Страшно за самого себя, за будущее... Выдержишь-ли? И бродишь по комнатѣ и плюешь, чортъ его знаетъ отчего, въ уголь... Даже на воздухъ выйти не хочется... Все равно — одно и то же... Вотъ моя нѣмка смотрѣла, смотрѣла и говорить — перестаньте плевать въ уголь, беспорядокъ заводите... Я и пробовалъ удержаться, да никакъ не могъ: забудешься и снова плюнешь, точно бездѣльникъ, плюющій въ потолокъ... А она все напоминаетъ... Только однажды, представьте себѣ, бродилъ, бродилъ и опаматовался. Гляжу и глазамъ не вѣрю, что надѣлалъ: проклятая нѣмка повыбирала изъ моихъ книгъ самыя любимыя, а слѣдовательно въ самыхъ лучшихъ переплетахъ и разложила ихъ по всѣмъ четыремъ угламъ. Я самыя лучшія книги и оплевалъ! Бросился я къ ней. — Что вы надѣлали, зачѣмъ разложили книги по угламъ? Посмотрите, въ какомъ онѣ видѣ! А она въ отвѣтъ: — „Это я нарочно! Ничто не помогаетъ, я вамъ черепокъ давно поставила, а вы его не замѣчаете, вотъ и придумала!“

И, представьте себѣ, эта нѣмецкая изобрѣтательность, какъ ушатомъ холодной воды подѣйствовала. — Что же я въ самомъ дѣлѣ дѣлаю, книги

свои забросилъ, оплевываю! Отрѣзвился. — Рѣшилъ чѣмъ-нибудь заняться, сталъ плевать въ черепокъ. Сначала сдѣлался фотографомъ. Кромѣ меня никого другого здѣсь не было. Снималъ разную мѣщанствующую публику, принимающую позы, гримасничающую передъ зеркаломъ... Скучно это было, но вѣдь на пятнадцать рублей казеннаго пособія было и немислимо существовать... — Цѣны тутъ страшныя... Потомъ сталъ писать письма даромъ и за деньги, а затѣмъ сдѣлался... подпольнымъ ходатаемъ! Да, друже, не думалъ я, что мнѣ—окончившему университетъ — придется заниматься „аблакатурой“. Но въ ней хоть нѣкоторое успокоеніе находишь! Строчишь прошенія, жалобы, дешево и сердито, иногда добиваешься правды на грошъ... на цѣлковый ея здѣсь не найдешь!.. Самъ господинъ присяжный повѣренный больше чѣмъ на двугривенный, какъ ни бейся, не достучится... А въ общемъ скверно живу, черезчуръ одиночество меня давить...

Мы пошли бродить по городу, переѣхали лодочкой на кладбище, раскинутое у самаго берега по плоскогорью тайги, осмотрѣли черные кресты могилъ политическихъ... Все было заброшено и уныло...

— „Государственный“ такой-то, — читалъ я надписи на черныхъ крестахъ... — „Дорогому нашему товарищу такому-то, уставшему жить, отъ крѣпко любившихъ друзей“ ...

— Ну, пойдемъ отсюда, — сказалъ Х., — я чувствую, что, оставшись въ своей комнатѣ, снова

начну плевать... Вѣдь, я здѣсь теперь совершенно одинъ, остальныхъ политическихъ перевели въ глухія деревни, по дикимъ циркулярамъ и предписаніямъ генералъ-губернатора... Не съ кѣмъ перекинуться словомъ... Я случайно, благодаря тяжелой болѣзни, уцѣлѣлъ въ этомъ райскомъ городѣ... Да! Уже темнѣетъ, пора по домамъ. Идите скорѣе на пароходъ!..

— А что такое?

— Здѣсь поздно вечеромъ нельзя ходить: стрѣляютъ. Напуганы грабежами. Чуть ночью залаетъ собака, кругомъ пальба начинается, цѣпныхъ собакъ спускаютъ... Можно подъ шальную пулю попасть... Пойдемъ, я васъ провожу, а то вы запутаетесь...

Мы братски распрощались...

— Не забудьте-же на возвратномъ пути, что я—здѣсь, загляните обязательно, — говорилъ онъ ласково и какъ то безнадежно улыбаясь... — Можетъ кто-нибудь изъ товарищей тоже подѣдетъ, хорошо будетъ!.. Ну, прощайте же! Прощайте!..

Мы еще разъ крѣпко пожали руки. Я пошелъ къ пароходу, а онъ остался на мѣстѣ и долго стоялъ посреди улицы, точно боясь вернуться въ свои четыре стѣны...

Мнѣ было невыносимо тяжело и стыдно, что я свободенъ, что я сейчасъ пойду въ каюту перваго класса, ярко освѣщенную электричествомъ, и, попивая кофе, буду болтать съ капитаномъ о пустякахъ... И я не рѣшился еще разъ оглянуться...

Товарищъ, мой бѣдный товарищъ, гдѣ вы, что съ вами?!

Отзовитесь!..

Пароходъ идетъ полнымъ ходомъ. Я поднимаюсь на рубку. Мы отъѣхали отъ Киренска версть восемь...

Это—первая массивная, вся обнаженная до голаго камня, скала. На ней ни одного деревца, ни одного кустика. Полукруглая громада изъ одного цѣлаго куска, точно нарочито приготовленная для колоссальнаго пьедестала подъ будущій памятникъ будущаго возрожденія этого края... Темныя тѣни падаютъ отъ ея великолѣпныхъ красныхъ и сѣрыхъ выступовъ, отчего она кажется покрытой черными пятнами...

Мы проѣзжаемъ мимо Никольской слободы, расхищенной на красномъ глиняномъ берегу, поросшемъ мелкимъ кустарникомъ.—Нѣсколько налѣпленныхъ домиковъ, бѣлая церковка, четыре ели, напоминающія украинскіе тополя... Здѣсь на Никольской рѣчкѣ жгутъ известь для всей Лены...

Двѣ мохнатяя горы, покрытыя густой тайгой, жмутъ эту рѣчку своими нависшими обрывами... На самомъ берегу Лены расположенъ кожевенный заводъ—единственный на три тысячи версть... Кругомъ завода—поля, засѣянные хлѣбомъ...

На Киренскѣ открывается красивый видъ.—Красная крыша монополю, темнѣющій паркъ монастыря и самъ монастырь, среди парка, ярко

выдѣляющійся двумя бѣлыми точками... А кругомъ могучій просторъ воды...

Берега снова мѣняются. Рѣка шириной—около двухсотъ сажень, точно Десна. Правый берегъ—сплошь заливной лугъ со сложенными стогами сѣна, огороженными заборами изъ жердей. За лугомъ далеко поднимаются пологія горы, покрытыя зеленой тайгой... Другой, лѣвый берегъ—сплошь невысокій темнокрасный глинистый обрывъ, заросшій все такой же неизмѣнной зеленой тайгой... За плоской гладью тайги вдали синѣеть вереница мощныхъ горъ...

Мы проѣзжаемъ мимо Кобелевой деревни. Она раскинулась на широкой долинѣ, испещренной узорами посѣвовъ...

А берегъ снова и снова мѣняется... Небольшая покатая полоса мелкой гальки серебрить берегъ; повыше поднимаются откосы красной глины, изрытые весеннимъ снѣгомъ и дождями. Кое-гдѣ они покрыты ярко-зеленымъ мохомъ, а то сверху густо заросли сосной... Мѣстами попадаются „мачтовые деревья“, сотни лѣтъ простоявшія на этомъ пустынномъ берегу...

Рулевые, дежуря у своего колеса, рассказываютъ мнѣ о побѣгахъ...

— Ъхаль съ нами на пароходѣ одинъ поселенецъ Скоробогачъ. Онъ убилъ въ тайгѣ „царь-бабу“, и его везли въ Иркутскъ на судъ... До Олекминска было 4 казака... На Скоробогачѣ болтались ручные и ножные кандалы... Коявойные о немъ заранѣе предупреждали, что онъ — бѣгать

мастеръ... А онъ самъ конвойныхъ ругаль... — „Не я“, — говорилъ, — бѣгать умѣю, а вы всѣ конвойные — измѣнщики и обманщики. Сунуть вамъ золотые часы, деньги, либо перстень и вы же первые дадите отойти шаговъ на пятнадцать, а тогда тревогу поднимете, стрѣлять начнете, будто и въ самомъ дѣлѣ поймать хотите! Знаю я васъ мошенниковъ... И захотѣлъ бы убѣжать, то давно убѣжалъ. Но только тутъ не убѣгу. Не знаю я здѣшняго якутскаго языка — ни тохъ (что надо?), ни сохъ (нѣтъ)... Тутъ все равно мнѣ пропадать! Убѣгу лучше на людномъ мѣстѣ“...

И, представьте, убѣжалъ. Съ Олекминска его везъ уже одинъ казакъ, да и тотъ всю дорогу пьянствовалъ... — Скоро, еще на пароходѣ, онъ снялъ ручные кандалы и началъ безъ нихъ показываться. Какъ-то разъ Скоробогачъ приходитъ сюда къ капитану и проситъ зайти въ арестантскую каюту. Она у насъ въ концѣ палубы третьяго класса, — можетъ замѣтили, — отгорожена, точно курятникъ, проволочной сѣткой...

Капитанъ пошелъ. Скоробогачъ приводитъ его и показываетъ пьянаго казака. — Посмотрите, какъ эта свинья нализалась, — говоритъ, — уймите его, онъ все время требуетъ отъ меня деньги на водку! У меня только четыре рубля. Откуда же я ихъ ему возьму. Казакъ началъ оправдываться, прошенія у своего же арестанта просить... Капитанъ обезпокоился и спрашиваетъ, почему одинъ конвойный, а раньше было четыре?... — Да не оказалось казаковъ! — отвѣчаетъ Скоробогачъ, а вы, капитанъ,

не волнуйтесь, я убѣгу не съ парохода, не здѣсь надѣну на него эти самые браслеты, чтобы не приставалъ за водкой. И Скоробогачъ побренчалъ кандалами... Доѣхали мы до Витима Скоробогачъ и казаки ушли въ городъ... На сходняхъ я спросилъ казака: „ты куда?“ — Въ волостное правленіе... Ну, сразу и не хватились. Видятъ, Скоробогачъ все смѣется да громко кричитъ, что убѣжить, значить убѣгать не собирается... Стали вечеромъ прибираться на пароходъ и нашли винтовку, вторгнутую между носилками... А казака все нѣтъ... Кинулись еще искать и нашли въ вещахъ Скоробогача двѣ пустыя бутылки водки, да одну непечатую съ дурманомъ... Это онъ-то конвойнаго поилъ и на него же жаловался! Вотъ оно, прости Господи, какой прохвостъ! И, представьте себѣ, бѣжалъ...

Меня часто въ пути интересовалъ вопросъ, какимъ образомъ тотъ или иной ссыльный сдѣлался „политическимъ“, какой жизненный нуть прошелъ онъ до этого... Уже два года лежатъ у меня автобіографическіе наброски многихъ ссыльныхъ, предоставившихъ право воспользоваться ими для освѣщенія положенія ссылки, но съ тѣмъ, чтобы имена остались никому неизвѣстными. Вотъ такой рассказъ Н. о самомъ себѣ.

„Родился я 4 ноября 1879 года въ г. Z... Отецъ былъ литейщикомъ въ государственномъ желѣзно-литейномъ заводѣ, гдѣ въ то время вела дѣятельную агитацію союзница „Народ. Воля“ —

„Польская Партія Пролетаріатъ“. Кое что изъ пропаганды дошло и до моего отца, но онъ, какъ человѣкъ семейный, не рѣшался заняться активной дѣятельностью. Воспитаніе шло подъ вліяніемъ матери, происходящей изъ стариннаго шляхетскаго рода и пропитанной его идеями, отца же я видѣлъ только по вечерамъ, когда сонный я долженъ былъ отвѣчать заученные уроки. Семи лѣтъ я поступилъ въ городское училище, гдѣ учился хорошо. Вскорѣ я узналъ уже нѣчто о социализмѣ и вотъ какимъ образомъ. Къ отцу приходилъ товарищъ юности его, приносилъ съ собою часто какія-то книги и газеты, которыя читалъ намъ, послѣ того, какъ двери запирались и замочная скважина затыкалась ватой. Хотя я слушалъ все, что читалось въ этихъ книгахъ и газетахъ, но содержанія ихъ я не понималъ. Вниманіе мое привлекали болѣе всего незнакомыя, но красивыя слова: социализмъ, пролетаріатъ, самодержавіе и т. п... Слова эти иногда съ цѣлыми предложеніями я заучивалъ наизусть и съ дѣтскимъ простодушіемъ повторялъ въ школѣ, на улицѣ и въ т. п. мѣстахъ. Книги и газеты, въ которыхъ были такія изумительныя слова, мнѣ въ руки, не давались, и онѣ тѣмъ болѣе меня интересовали. Однажды я подкараулилъ отца, когда онъ пряталъ интересовавшую меня книгу подъ шкафъ. Я вытащилъ ее оттуда и на обложкѣ прочиталъ слѣдующій девизъ: „Если бы конь сознавалъ свою силу, то ни одинъ ѣздокъ не усидѣлъ бы на немъ“. Истина этого девиза поразила меня и я началъ читать

книгу дальше. Восхищенный ея содержаніемъ, я понесъ ее въ училище и читалъ ее вмѣстѣ съ товарищами. Слѣдствіемъ чтенія и разсужденія былъ обыскъ, на слѣдующій день произведенный учителемъ въ моемъ ранцѣ. Книги онъ тамъ не нашель, такъ какъ она была дома на старомъ мѣстѣ, но спрашивалъ про нее, угрожая исключеніемъ изъ училища. Я не могъ сообразить, за что онъ угрожаетъ мнѣ исключеніемъ, и предположилъ, что ему хочется имѣть эту книгу. Поэтому я страшно лгалъ и онъ отсталъ. Спустя нѣкоторое время я нашель подъ шкапомъ газету, въ которой увлекъ меня стихъ революціоннаго марша. Я выучилъ этотъ стихъ, подобралъ какой-то дѣтскій мотивъ и распѣвалъ его на улицѣ. Однажды вечеромъ, когда я пѣлъ на улицѣ эту пѣсню, за мной погнался городовой. Я убѣждалъ отъ него въ лавку, но онъ пришелъ туда, взялъ меня за ухо и сказалъ, что онъ поведетъ меня въ участокъ, если я не скажу ему, кто меня выучилъ этой пѣснѣ. Я испугался, сталъ плакать и, поцѣловавъ его въ руку, просилъ отпустить меня, что онъ и сдѣлалъ, наставляя меня. Этотъ фактъ въ связи съ предыдущимъ далъ мнѣ понять, что социализмъ есть запрещенная вещь. Я началъ спрашивать отца о причинахъ этого, отецъ же посмотрѣлъ подъ шкафъ и, замѣтивъ, что книги кто-то трогалъ, не давая отвѣта, высѣкъ меня. Съ того момента я почувствовалъ глубокое отвращеніе къ социализму и пр... 11-ти лѣтъ послѣ нѣкоторой подготовки я поступилъ на 1-ый спеціальный курсъ частнаго

техническаго училища. Къ тому времени отецъ мой разбогатѣлъ и измѣнилъ свое общественное міровозрѣніе, сталъ буржуа, порвавъ всякія сношенія съ упоминавшимся товарищемъ. Хотя онъ потомъ опять обѣднѣлъ, но остался до сихъ поръ чело-вѣкомъ съ мѣщанскими взглядами, почему между нами произошелъ разрывъ, и отношенія наши стали натянутыми.

16-ти лѣтъ я кончилъ курсъ и поступилъ практикантомъ на фабрику. Черезъ 11 мѣсяцевъ мнѣ было предложено инженеромъ W. поступить на казенную службу на казенный винный складъ. Я принялъ предложеніе, сталъ карьеристомъ и по отношенію къ рабочимъ держался такъ, какъ диктовали мнѣ обязанности моей профессіи. Я видѣлъ, какъ всѣ вокругъ меня грабили рабочихъ и обкрадывали казну, и самъ дѣлалъ бы это, если бы не боялся уголовной отвѣтственности. Доходы свои я ограничивалъ невинными взятками, которыя я получалъ отъ разныхъ лицъ на складѣ. Мнѣ было всего 18 лѣтъ, денегъ у меня было много, и я жилъ безобразно, почему мнѣ было трудно исполнять свои обязанности. Ловкими приѣмами я все-таки сумѣлъ такъ повести дѣло въ глазахъ начальства, что ко мнѣ опредѣлили помощницу г-жу X. По отношенію къ ней я чувствовалъ нѣчто странное, и чѣмъ больше думалъ о ней, тѣмъ болѣе убѣждался въ томъ, что жизнь моя безобразная и что надо посвятить ее чему-то лучшему. Я рѣшилъ посвятить себя искусству и поступилъ въ 1897 году въ Z. Драматическое Учи-

лище, а на слѣдующій годъ, по окончаніи его, поступилъ на сцену. Благодаря хорошей школѣ и тому, что сразу поступилъ на первоклассную сцену, гдѣ передо мной были примѣры хорошей игры, я быстро подвигался впередъ и, можетъ быть, былъ бы теперь хорошимъ артистомъ, если бы не слѣдующія обстоятельства.

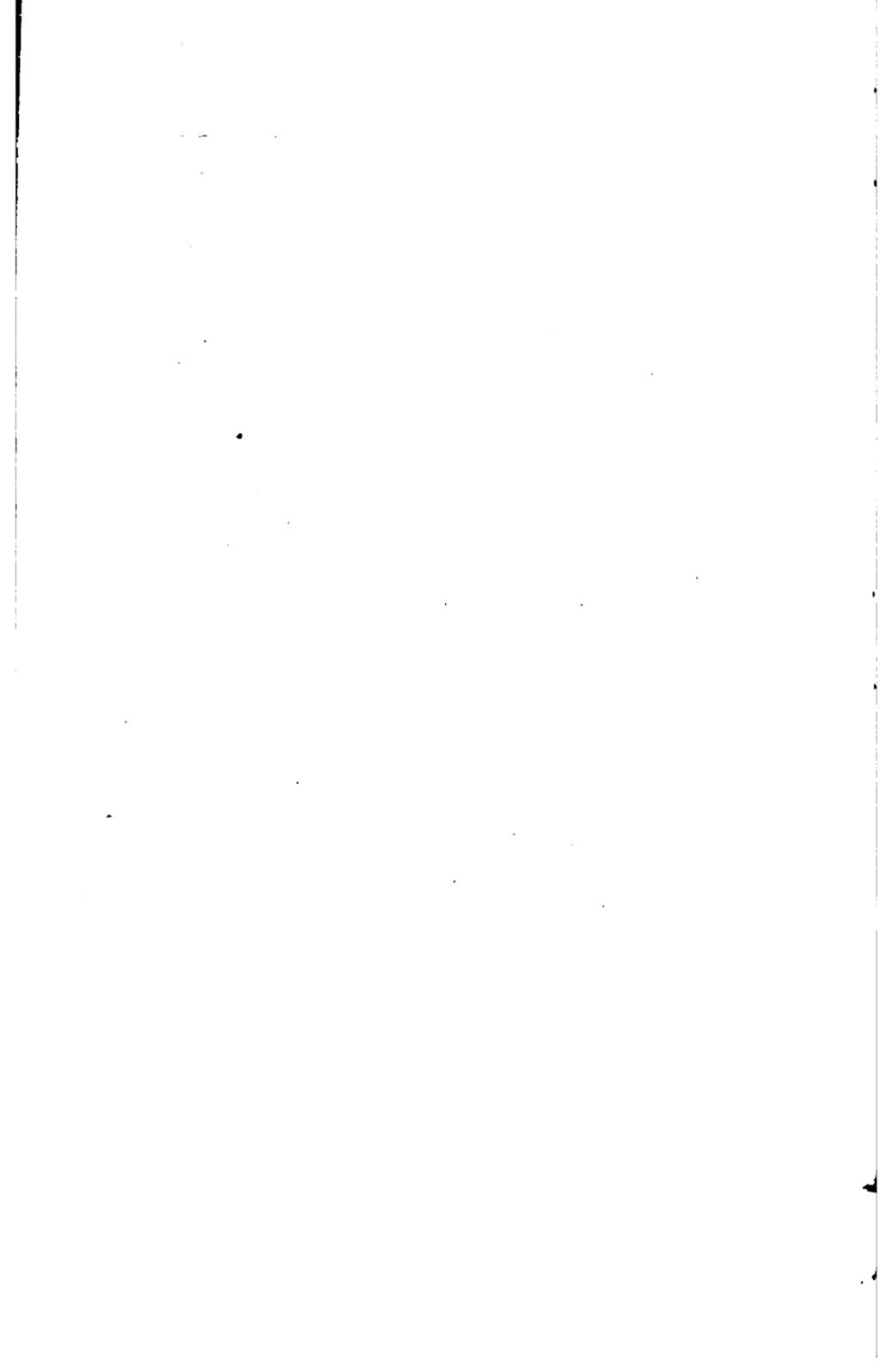
Въ 1899 г. городъ Лодзь переживалъ ужасный промышленный кризисъ. Десятки тысячъ рабочихъ голодали отъ безработицы. Полиція массами высылала ихъ на родину, чтобы они тамъ помирали отъ голода. Легальная пресса мѣстная и иногородняя выступала съ различными благотворительными проектами. Но все это не могло накормить, не могло заглушить стонъ несчастной массы. Я безстрастно наблюдалъ тысячи голодающихъ, но они интересовали меня только какъ артиста. У знакомаго фабриканта я спрашивалъ о причинѣ этихъ бѣдствій. Его отвѣты и разсужденія не удовлетворяли меня; тогда только, когда я съ нимъ посѣтилъ нѣсколько фабрикъ, поражающихъ своими ужасами, когда я увидѣлъ у входа ихъ тысячи исхудалыхъ и оборванныхъ, молящихъ о работѣ, когда я увидѣлъ рабочую демонстрацію и, наконецъ, когда вспомнилъ то, что когда-то читалъ въ нелегальной печати, я догадался, въ чемъ тутъ дѣло и рѣшилъ познакомиться съ нимъ ближе. „Ищите и найдете“.

Я нашелъ и вскорѣ началъ работать въ нѣсколькихъ кружкахъ партіи.

Такую дѣятельность я продолжалъ до весны

Изъ тюрьмы на судъ въ Якутскѣ.

1901 года, когда только рѣшилъ отдохнуть отъ сцены и посвятить лѣтній сезонъ пропагандѣ. Въ концѣ апрѣля я пріѣхалъ въ Z. и, познакомившись съ рабочими, принялъ участіе въ майской демонстраціи. Спустя нѣкоторое время, я попалъ въ массовое собраніе, гдѣ слышалъ рабочихъ ораторовъ. Я замѣтилъ, что они не соотвѣтствуютъ своему назначенію, и пришелъ къ заключенію, что я, какъ актеръ, могу принести въ подобныхъ случаяхъ кое-какую пользу и рѣшилъ сейчасъ попробовать. По окончаніи рѣчей я продекламировалъ одно стихотвореніе, которое произвело хорошее впечатлѣніе. Я убѣдился въ правдивости своего предположенія.

Вскорѣ я вступилъ въ организацію, но, не желая разбираться въ партійныхъ программахъ (хотя работалъ исключительно въ С. Д.), я сталъ массовымъ „агитаторомъ“; произнося рѣчи вездѣ, гдѣ были рабочіе, я говорилъ то, что диктовало мнѣ сердце и небольшія политическія познанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я исполнялъ все, что можно было исполнять въ организаціи.

Въ концѣ 1901 г. меня арестовали въ Z. и посадили въ крѣпость. Меня обвиняли по тремъ дѣламъ и слѣдствіе длилось 22¹/₂ мѣсяца. Въ августѣ 1903 г. я женился въ Z-кой тюрьмѣ на упоминавшейся X. X...

Затѣмъ я „уѣхалъ“ въ Сибирь...

Таковъ скромный рассказъ ссыльнаго о себѣ самомъ. Мнѣ пришлось много бесѣдовать съ нимъ,

пришлось видѣть его даже въ судѣ и потому хочется, хотя однимъ штрихомъ, дополнить его черзчуръ краткую повѣсть...

Это былъ высокій, красивый юноша съ сильнымъ взглядомъ... Онъ больше молчалъ; а если „въ жизни“ начиналъ говорить, то даже слегка заикался... И, глядя на него, я иногда думалъ, — да какъ же онъ могъ быть актеромъ!..

Но однажды я увидѣлъ его въ минуту вдохновенія, подъема, и тогда понялъ, на какую высоту красоты и силы человѣческаго слова могъ подняться онъ...

Еще съ товарищами судили по политическому дѣлу. Грозилъ каторга. Прокуроръ произносилъ уже рѣчь... Въ это время съ улицы чрезъ толстыя стѣны суда донеслось громкое, сотенъ голосовъ, пѣніе революціонной пѣсни...

— Вставай, подымайся рабочій народъ!.. Очевидно, на улицѣ происходила демонстрація...

Заканчивая свою рѣчь и указывая на единственно возможный для подсудимыхъ приговоръ, — каторжный приговоръ, — прокуроръ предложилъ суду, по собственной инициативѣ, возбудить ходатайство предъ Величествомъ о помилованіи обвиняемыхъ...

Тогда N поднялся и попросилъ разрѣшеніе сдѣлать заявленіе...

И онъ произнесъ только нѣсколько словъ.

— Намъ не надо помилованія, — говорилъ онъ, задыхаясь отъ волненія, твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ. — Намъ не нужно помилованія! Мы же-

лаемъ свободы! А свободу намъ дать тотъ народъ, который сейчасъ за стѣнами этого суда грозно кричить „долой самодержавіе!“ ... Въ залѣ поднялся страшный шумъ... Остальные подсудимые и вся присутствовавшая публика всеочили съ мѣстъ и подхватили возгласы N!..—Такова была сила его рѣчи. .

VI.

Въ шкурѣ еврея.—Черкесь—чухонецъ.—Витимъ.—Телеграфъ.—«Бывшій политическій».—Дворянская волость.—Разбойничій притонъ.—Повѣсила.—«Допущено». — Бодайбо — золотые прииска.—Кража золота.—Лена.—Охота.—Паузокъ политическихъ.

Когда пароходъ, послѣ кратковременной остановки, отплылъ отъ пустынного станка, я замѣтилъ на верхней палубѣ новаго пассажира. Онъ былъ одѣтъ чрезвычайно странно: голова парилась въ затасканной мѣховой шапкѣ прекрасной городской отдѣлки, а на худощавомъ тѣлѣ болталась легкая выцвѣтшая блуза. Но лицо „бывшаго студента“ выдѣлялось своей интеллигентностью. Онъ весело глянулъ на меня ясными, открытыми глазами и быстро подошелъ.

— Вы ѣдете въ Якутскъ?!

— Да.

— На защиту по дѣлу протеста ссыльныхъ?...

Мнѣ уже показали... Я политическій. Страшно радъ! Я нарочно сѣлъ на пароходъ, чтобъ проводить васъ. Буду цѣлый день!—Мы будемъ говорить, не торопясь, я узнаю все, что дѣлается на родинѣ!..

— Но вѣдь это — самовольная отлучка, за нее по циркулярамъ генераль-губернатора васъ могутъ сослать еще дальше!..

— Чортъ съ ними! Кроме того, послѣ протеста они ослабили гнетъ. Я не въ состояніи больше сидѣть и ничего не знать о Россіи. Тоска. Вѣдь иногда я молчу недѣлями. Буквально молчу, какъ сумасшедшій меланхоликъ. А я привыкъ къ обществу, къ товарищамъ, людямъ, я хочу жить! И мы потолкуемъ обо всемъ. Можетъ быть, вы знаете что-нибудь и о партійной жизни. Пospоримъ! Хорошо?

— Ладно!..

— Но какой самый крупный фактъ за послѣднее время?..

Я рассказалъ объ убійствѣ Плеве. И снова повторилось то, что происходило каждый разъ при сообщеніи этого извѣстія слыльнымъ... Но онъ живо пришелъ въ себя и засыпалъ вопросами...

— По какому дѣлу вы сюда сосланы, какъ ваша фамилія?—спросилъ я въ свою очередь.

Онъ назвался. Его фамилія звучала, какъ распостраненная еврейская, хотя лицо было типично русское.

— Развѣ вы еврей?—полюбопытствовалъ я.

Онъ засмѣялся..—Видите-ли... Я, собственно, и

русскій, и еврей, однимъ словомъ — путаная исторія, но сосланъ сюда какъ еврей...

— Что такъ?

— Я — чистокровнѣйшій русскій дворянинъ З. Былъ арестованъ, долго сидѣлъ, Богъ знаетъ почему... Наконецъ, благодаря связямъ, меня освободили изъ тюрьмы съ условіемъ, что я навсегда уѣду за границу. Ничего не подѣлаешь: пришлось испытать прелести этой милой выдумки Плева, какъ избавляться отъ русскихъ вѣрноподанныхъ...

Я побродилъ за границей, потолкался въ Мюнхенской колоніи, наболтался, начитался литературы, и „ле“, и „не“, а въ особенности „не“, но наконецъ Мюнхенъ надоѣлъ мнѣ, какъ каждодневное употребленіе честной кружки пива! Я рѣшилъ вернуться въ Россію. На этотъ разъ я зналъ, что дѣлать. Паспортъ, настоящій паспортъ, раздобылъ у одного студента политехника... съ моей нынѣшней фамиліей. Другого паспорта не оказалось. Студентъ этотъ, мѣщанинъ, голый бѣднякъ, рѣшилъ пробыть въ Германіи безвыѣздно всѣ пять лѣтъ ученія. Его, какъ еврея, въ Россіи не приняли, благодаря какой-то дроби процента. И, желая хотя чѣмъ нибудь „способствовать освобожденію Россіи“, онъ подарилъ мнѣ свой паспортъ и свое „незапятнанное“ имя. Я благополучно перебрался черезъ границу и началъ работать въ губернскомъ городѣ, Завѣдывалъ нелегальной типографіей. Вы бы посмотрѣли, какъ хорошо у меня было поставлено дѣло! Я проживалъ въ качествѣ коми-вожера. Въ спальнѣ находился станокъ, наборъ. Въ

первыхъ-же комнатахъ все имѣло самый пристойный видъ. Старшій дворникъ—отчаянный сыщикъ не давалъ мнѣ покоя, какъ еврею. И тогда я началъ приглашать его самъ: то посмотрѣть, нѣтъ ли сырости въ углу, который примачивалъ водой, то подъ другими предлогами. Очевидно онъ завѣрялъ полицію, что все у меня вполне благонадежно... Конечно, въ качествѣ еврея, я давалъ ему хорошо на чай...

— Я очень скоро понялъ, какъ тяжело живетъ евреямъ, какъ гнусно ихъ безправіе, какое оно издѣвательство надъ самыми примитивнѣйшими правами человѣка... Меня третировали всѣ младшіе дворники, каждый полицейскій крючекъ... И всякій изъ нихъ старался придумать, почему ненавидитъ или не любитъ евреевъ... А я, шкурой попавъ въ положеніе еврея, знакомился ближе съ этой безысходностью, приниженностью... Всякій гнетъ давить и душить только до извѣстнаго момента. Дальше онъ начинаетъ „воспитывать“. И часто, думая о положеніи евреевъ, я не могъ понять, почему не всѣ до одного евреи революціонеры!

— Помню, когда я былъ мальчикомъ, у насъ въ семьѣ не любили евреевъ и всячески высмѣивали ихъ забитость, ихъ трусость. Жидъ и трусъ—были синонимами. Теперь отношеніе къ евреямъ перемѣнилось. Ихъ перестали обвинять въ трусости. Ихъ стали обвинять „въ нахальствѣ“, точнѣе говоря, въ излишней храбрости—зачѣмъ лѣзуть вездѣ въ революцію! И, видя всю эту тупую несправедливость къ нимъ, эти гоненія, испытавъ на себѣ ихъ,

я часто думалъ о томъ, что не могу просто и легко уйти изъ среды гонимыхъ такъ евреевъ, часто пачиналъ чувствовать себя евреемъ...

— Ну, хорошо, но развѣ окружающіе не замѣчали, что вы русскій, ничѣмъ не похожій на еврея?..

— Какъ-же! Именно замѣчали! Оттого при мнѣ чаще завязывались отвратительные юдофобскіе разговоры и тѣмъ острѣе я чувствовалъ ихъ безобразіе, что видѣлъ скверныя перемѣны, когда назывался своей еврейской фамиліей. И мнѣ это доставляло удовольствіе. Точно дразнишь... Но каждый разъ мнѣ всѣ сразу-же, съ желаніемъ сказать пріятное, одобрительно замѣчали, что я не похожъ на еврея, и успокаивались, не заподозривая фальшивости моего паспорта! Кто-же, не будучи евреемъ, пожелаетъ назваться евреемъ?.. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи публика удивительно безпечна... У меня былъ пріятель — черкесъ. Онъ бѣжалъ съ Кавказа послѣ какой-то кровавой демонстраціи и долженъ былъ скрываться. Дикій человѣкъ! — Я ему говорю, что Нева замерзнетъ и по ней люди будутъ ходить; онъ не вѣритъ, обижается, думаетъ, что надъ нимъ смѣюсь, и раздраженно замѣчаетъ: „Терекъ не замерзаетъ, Нева не замерзаетъ, смѣешься, кинжалъ въ бокъ хочешь?!“ Такъ вотъ этого парня поселили съ паспортомъ чухонца — финляндскаго уроженца. Они всѣ — бѣлобрысые, а этотъ черный, какъ смола, смуглый, носъ двуглавымъ орломъ торчитъ, ноздри такъ раздуваются!

— Шляется онъ по городу цѣлый день, шляется, приходитъ домой поздно ночью, а ворота заперты. Звонить. Дворникъ долго не отворяетъ, онъ и кричитъ ему: — „Зачѣмъ ворота затворяешь, кинжалъ въ бокъ хочешь?!“ — И ничего! Представьте себѣ, всѣ — и дворники, и прислуги находили, что онъ на чухонца не похожъ, очень удивлялись, но никому не пришло въ голову именно на эту сторону обратить вниманіе... Преблагополучно паренъ таскалъ по городу прокламаціи...

— Что же было съ вами дальше?...

— Да, вотъ, жилъ я точно еврей... И не знаю, какъ дальше сложилась-бы моя жизнь, если-бы не настойчивая необходимость ѣздить съ литературой по городамъ, селиться и внѣ черты еврейской осѣдлости...

Неудобно мнѣ было для такихъ городовъ мѣнять паспортъ, да и для типографіи было полезно, чтобъ на паспортѣ появлялись прописки моего комивояжерства... Однимъ словомъ, я рѣшилъ „принять православіе!“ И, представьте себѣ, принявъ его по настоящему—съ раздѣваніемъ, окунаніемъ!.. Помню, когда я былъ мальчикомъ, гимназическій священникъ, рассказывая намъ о разныхъ таинствахъ и говоря о священномъ миропомазаніи, указывалъ на то, что православный можетъ удостоиться его только одинъ разъ въ жизни, что единственное исключеніе составляетъ Государь, приемиющій и второе миропомазаніе при коронованіи... Батюшка благоговѣйно объяснялъ, почему сіе важно... И оказалось, что я, простой смертный, нисколько

не желая богохульствовать, исключительно въ силу политическихъ условій, тоже удостоился второго міропомазанія... Но я расскажу вамъ, что произошло со мною дальше... Я полюбилъ еврейку. И она полюбила меня. Ея родные были старые ветхозавѣтные, родовитые евреи. Они желали, чтобъ она вышла замужъ, соблюдая всѣ установленные обряды. Для нихъ это былъ вопросъ всего содержанія жизни. Сказать же имъ, что я „еврей“, принявшій православіе, она и подавно не могла... Однимъ словомъ получалась цѣлая трагедія... Выручилъ арестъ обоихъ. Насъ сослали. Ее отправили во внутреннюю губернію, меня—сюда. Она просила о переводѣ. Конечно, подальше согласились. Такимъ образомъ мы и поженились. Тутъ и живемъ. Жаль мнѣ очень, что она не могла поѣхать съ вами на пароходъ, но какъ разъ кормить нашего новорожденнаго мальчика... Нельзя бросить... Теперь, когда жена — еврейка, мое „происхожденіе“ ни въ комъ не вызываетъ подозрѣнія... Но я все подумываю объявить свое настоящее званіе и объ этомъ хочу съ вами посоветоваться...

И у насъ завязывается длинный, немолчный разговоръ...

— Васъ интересуеть положеніе политическихъ ссыльныхъ, ихъ путешествіе этапнымъ порядкомъ? Объ этомъ подробно могла бы рассказать вамъ моя жена... Боже мой, чего она натерпѣлась, идя ко мнѣ сюда... Юная, неизвѣдавшая жизни, выросшая въ состоятельной семьѣ, дѣвушка „слѣдовала“ ко мнѣ „на казенный счетъ“ — изъ тюрьмы въ тюрьму... До этого дома ей всегда все подавали, а она си-

дѣла барышней... А въ пути?.. Въ Александровской пересыльной тюрьмѣ подѣ Иркутскомъ у ссылаемыхъ мужичинъ, главнымъ образомъ, товарищей-рабочихъ, было очень грязное бѣлье, а денегъ на мойку не имѣлось... И тогда жена вымыла имъ бѣлье... И у нея руки были въ крови... А потомъ передрага этаповъ на станкахъ Лены—эти черные деревянные ящики безъ оконъ, со щелями вмѣсто нихъ... Страшные клоповники съ „живой“ движущейся трухлявой соломой, вмѣсто матрацовъ... Походите, услышите еще, увидите... А это униженіе, это издѣвательство надъ интеллигентными людьми грубыхъ дикарей—коньейныхъ офицеровъ?!.. Боже мой!..

Вотъ и Витимъ! Это—самый крупный промышленный центръ на Ленѣ—теперь брошенная „резиденція“. Онъ пріютился въ пади между двумя горами, покрытыми тайгой. Много домовъ, настроенныхъ и покинутыхъ обитателями... Точно дачи подѣ Петербургомъ зимой... На плоскомъ и пока томъ берегу одинъ изъ одноэтажныхъ домовъ украшенъ настоящимъ палисадникомъ съ насаженными деревьями, окруженъ изгородью,—штaketомъ изъ сосновыхъ планочекъ,—выкрашенной настоящей масляной краской... Это -- единственный *бѣлый* заборъ, видѣнный мною среди исключительно грязныхъ, темно-сѣрыхъ заборовъ всего побережья безконечной Лены... И на паузкахъ-баркахъ, и на берегу, и по улицамъ—много разныхъ лавокъ; у нѣкоторыхъ, точно флаги, висятъ длинные шарфы съ

бахромой—это „галантерейные“ магазины!... На прибережныхъ рундукахъ продается балыкъ, привезенный съ Ледовитаго океана... Въ бакалейныхъ лавкахъ, подь видомъ кваса, охотно отпускають пиво по тридцати копѣекъ бутылка... Имѣются даже лимоны—всего по 20 копѣекъ за штуку!.. Однимъ словомъ, несомнѣнно здѣсь торговля не уступаетъ Якутской... Но улицы почти безлюдны. Зато Лена полна паузковъ и другихъ судовъ, какъ нигдѣ отъ Жигаловой до Ледовитаго океана! Пароходъ, загибая противъ воды, ведетъ баржи на Бодайбо... Но не только Лена кипитъ здѣсь работой: Витимскій телеграфъ стучитъ день и ночь непрерывно... Еще четыре года назадъ телеграфъ, соединяющій этотъ далекий приленскій край съ остальной Россіей, былъ проведенъ только до Витима, а отсюда сворачивалъ на Бодайбо къ золотымъ приискамъ... Тутъ гремѣли на всю Сибирь „резиденціи“ богатѣйшихъ золотопромышленниковъ, а рядомъ въ тайгѣ находились ихъ прииска. Въ Витимѣ были открыты разныя конторы. Здѣсь можно было встрѣтить много иностранцевъ, видныхъ купцовъ и опытнѣйшихъ инженеровъ... Теперь жизнь перешла въ Бодайбо за триста верстъ отсюда. Раньше въ Витимѣ бывало до шести тысячъ жителей, теперь-же не больше двухъ тысячъ. Да и то половина пришлыхъ. Раньше въ Витимѣ случалось, что приисковымъ рабочимъ негдѣ было переночевать, и они спали на улицахъ...

Политическихъ въ Витимѣ, какъ въ „очень на-

селенномъ“ пунктѣ, нѣтъ, но „бывшіе политическіе“ — встрѣчаются.

Капитанъ показалъ мнѣ пожилаго, европейски-одѣтаго господина, дѣловито толковавшаго съ его помощникомъ о какихъ-то нагрузкахъ.

— Вотъ бывшій политическій, — сказалъ капитанъ, — теперь онъ довѣренный большой фирмы Г... И не подумаешь, что побывалъ на каторгѣ... Обходительный господинъ!

— А много-ли тутъ такихъ довѣренныхъ?

— Изъ политическихъ-то? — Очень много. — Ими самыя крупныя фирмы дорожатъ за честность.. Гдѣ вы тутъ честныхъ людей найдете?! — Можеть слышали, были такіе государственные Дейчъ и Стефановичъ? Ихъ все почему-то называютъ вмѣстѣ. — Стефановичъ и сейчасъ довѣреннымъ состоитъ... Давнія дѣла... А хотите съ этимъ познакомлю?...

— А какъ его фамилія?

Капитанъ назвалъ имя, котораго я, къ сожалѣнію, раньше не слышалъ, почему и уклонился отъ знакомства. Да и „бывшій политическій“ былъ черезчуръ занятъ вопросами нагрузки...

О Витимѣ, по всей Ленѣ, до сихъ поръ идетъ слава, какъ о разбойничьемъ притонѣ. Спокойнѣе стало здѣсь всего лѣтъ пять назадъ... А то терлись тутъ прискатели, бѣглые „черкесы“, золотосы...

Витимъ и по сейчасъ называютъ „дворянской волостью“... Многіе въ немъ разжились...

— Хотите знать исторію жизни здѣшняго на-

значеннаго „почетнаго“ мирового судьи?—спросилъ меня витимскій докторъ Л., съ которымъ я разговаривался на берегу около парохода.

— Z. прїѣхалъ въ Витимъ почтальономъ. Затѣмъ онъ сдѣлался почтмейстеромъ. Тогда многіе ѣздили отсюда по частной надобности. Для проѣзда нужно было имѣть открытый подорожный листъ. Теперь они отмиѣнены... Выдача листовъ зависела отъ Z. Онъ обыкновенно и объявлялъ, что листовъ нѣтъ, вышли, что нужно ждать, пока получатся новыя. А ждать проѣзжающему—некогда. Ну, Z-у и давали отъ 10 до 25 рублей за листъ. Каждый разъ случайно онъ находилъ „последній листочекъ“... Потомъ Z. завелъ „кожевенный заводъ“,—сталъ дѣлать хомуты съ насѣчками и приказывалъ всѣмъ ямщикамъ покупать ихъ по 25—30 рублей за штуку, смотря по набору и „старанью“. Онъ находилъ, что обыкновенныя приленскіе хомуты не годятся... Если, бывало, ямщикъ явится съ простымъ хомутомъ, онъ его прогонитъ съ очереди или арестуетъ... Тогда самыя большіе люди по тракту были почтмейстеръ и засѣдатель... Приходилось подчиняться. Впрочемъ, ямщики на него не жаловались: они не были въ обидѣ. Отъ Z. зависило распредѣлять казенныя деньги на станки за гоньбу. Витимцы и получали около 6.000 рублей въ годъ отъ казны, тогда какъ другимъ станкамъ Z. прописывалъ по 1.200—1.300 рублей. И витимскимъ ямщикамъ было на что купить хомуты... Потомъ Z. сдѣлался комиссіонеромъ промышленной компаніи. Ему было поручено давать прїсковымъ

рабочимъ задатки. За наемъ рабочихъ ему высылали отъ каждаго паспорта по 5 рублей... Но у него что-то много было такихъ паспортовъ, по которымъ затѣмъ не являлись рабочіе... Не понравилось это промышленной компаніи... Перешелъ онъ въ акцизъ. На Витимѣ начался вѣчный праздникъ. Z. позволилъ открыть въ каждомъ домѣ кабакъ. Тогда въ Ленѣ вода была крѣпче, чѣмъ витимская водка... Тутъ-то онъ и приобрѣлъ пароходъ... На X—скихъ прискахъ довѣренный собралъ золото, а показать, что крадетъ по довѣренности, не хотѣлъ. Онъ и предложилъ Z-ту купить пароходъ на имя Z. Документовъ никакихъ, кромѣ росписки, не сдѣлали... Когда купили пароходъ, то довѣренный и говорить:

— Да вѣдь это *нашъ* пароходъ!

А Z. въ отвѣтъ:

— Какъ „нашъ?! Это мой!“

— Да я, говорить, далъ деньги.

— Какія деньги, — спрашиваетъ Z., — „откуда у тебя — довѣренного деньги могутъ быть?!“

Такъ пароходъ за Z. и остался. Съ тѣхъ поръ онъ и разбогатѣлъ... *).

*) Я не называю Z., т. к. нисколько не могу ручаться за фактическую достовѣрность разсказа доктора, съ которымъ, при томъ, моя встрѣча была черезъ чуръ случайна. Весьма возможно, что этотъ разсказъ — результатъ непровѣренныхъ слуховъ. Меня онъ заинтересовалъ исключительно своими бытовыми черточками, вырисовывающими жизнь далекаго оторваннаго отъ остальной Россіи уголка...

„Дворянская волость“ здѣсь была!...

— Болѣе всего прославилась въ Витимѣ „гостиница“ Жарова, — рассказывалъ мнѣ о Витимѣ пароходный лакей Иванъ Яковлевичъ изъ поселенцевъ, когда уже нашъ пароходъ отплылъ. — Домъ былъ громадный съ мезониномъ, оконъ до сорока. Кромѣ гостиницы, тутъ было и питейное заведеніе. День и ночь гремѣла музыка — скрипка, бубны и органъ... Раньше весь пріисковый и таежный народъ изъ Олекминской системы, изъ дальней тайги, проходилъ черезъ руки Жарова, но никто не могъ просто мимо проѣхать къ Усть-Куту.. Въ то время пріисковый и таежный народъ былъ денежный. Брала у Сибирякова и другихъ задатки по 400 рублей, а теперь и по пяти не даютъ... Случалось, что за лѣто пріисковныя зарабатывали по 1.500 рублей, а ужъ меньше 300 рублей не случалось... Жизнь здѣсь стояла дорого, но и тратить деньги умѣли... Сапоги покупали по 25 рублей, за шапки бобровыя платили по 12 рублей, а шаровары плисовые изъ 15 аршинъ шили такія широкія, что ходить можно было, только растопыривъ ноги... Имѣли по двое часовъ и носили ихъ за каждымъ голенищемъ... Бутылка спирта шла по 25 рублей, а разведенной водой водки — по 8 и 10 рублей. Баба зарабатывала въ день по 10 рублей. Стирка бѣлья отъ штуки обходилась по 20 копѣекъ... Придетъ пріисковый въ кабакъ и обращается къ сидѣлицѣ. — „Мать, выпить есть?“ — „Есть.“ — „Дай-ка стаканчикъ!“ Подаетъ. Выпьеть, и, если баба изъ себя ничего, — онъ ей золотомъ

стаканчикъ и насыплеть... Тогда, бывало, заходятъ въ лавку. — „Ситець есть?“ — Есть. — „Почемъ?“ — По 15 копѣекъ и по рублю. — „Ну, такъ давай по рублю“. А ему достоинство одно и то-же. И стелеть прискатель себѣ дорожку по грязи изъ ситца... Тогда для прискателей была *отъчная каторга*. Работа въ рудникахъ тяжелая, сырая... Заработаетъ, принесетъ въ Витимъ, у Жарова деньги прокутить, а то оберутъ, и идетъ опять въ тайгу и снова то-же самое, снова каторга!... — Вѣчная, безъ конца! Деньги дальше Киренска никто, бывало, не выносилъ... Вотъ этимъ и воспользовался Жаровъ. У него закусывали по комнатамъ, а прилавокъ съ буфетомъ находился отдѣльно. Онъ и устроилъ около буфета люкъ въ подполье. А оно все внутри въ большихъ острыхъ гвоздяхъ. Вотъ подходит прискатель къ прилавку, вынимаетъ деньги расплачиваться, видятъ — денегъ много, его сейчасъ и толкаютъ въ люкъ. Самъ себя и закалываетъ. Были у Жарова особые „толкалы“ — дѣлились съ нимъ... Какъ упадетъ прискатель въ люкъ, Жаровъ и кричитъ: — Ну, что, капуста готова? — „Готова“, — отвѣчаютъ „толкалы“, — „изрубили капусту“. Тогда тащутъ они мертвого въ Лену по подземному ходу. Эта вылазка была прямо въ рѣку... „Толкалы“ на Жарова и добазали. Жарова повѣсили. Домъ долгое время стоялъ пустой. Потомъ его сожгли. А лазейка подземная существуетъ и до сихъ поръ, начинается тамъ — около часовни и пивного завода...

— Какъ-же ихъ накрыли?

— Съ водки началось... Когда кто-нибудь у Жарова пилъ водку и напивался, ему, вмѣсто одной бутылки, наставляли пустыхъ бутылокъ... За наливку въ 65 копѣекъ брали 25 рублей... Былъ тогда горнымъ исправникомъ Купенко... Онъ наслышался про это и пріѣхалъ въ Витимъ посмотреть, какъ здѣсь съ тасжными обращаются. Одѣлся самъ пріискателемъ — въ большіе сапоги, бобровую шапку, съ сумкой черезъ плечо и краснымъ шарфомъ на шеѣ, съ черной широкой опояской — „альпакой“ въ „рѣшменгѣ“ — одежѣ, вродѣ татарскаго халата... Взялъ съ собой такого-же казака и пошелъ по кабакамъ. Приходитъ къ Жарову и говоритъ цѣловальнику: — Дайте мнѣ наливки въ 25 рублей. — Тотъ и отвѣчаетъ: — „есть у меня на верхней полкѣ такая“. — И подноситъ. Купенко сѣлъ пить и даетъ 100 рублей. Выпилъ и проситъ сдачу. А цѣловальникъ въ отвѣтъ: „я тебѣ отдалъ“. Купенко посмотрѣлъ на него и смѣется: — „Ага, значить, отдалъ, тѣмъ дѣло и кончено!“ Поднялся онъ, вышелъ, записалъ себѣ домъ. А въ это время изъ кабака человекъ выходитъ. На ногахъ крѣпко держится, а путь къ рѣкѣ на берегъ направляетъ. На берегу ничего нѣтъ, вода въ Ленѣ уже замерзаетъ. Купенко за нимъ слѣдомъ и пошелъ. Только видитъ — человекъ этотъ спокойно раздѣвается, точно дома на печкѣ, вынимаетъ деньги и кладетъ рядомъ на землю, укладывается. А день былъ ненастный, холодный. Значить, у Жарова водкой съ дурманомъ отравили... Тутъ только Купенко замѣтилъ, что слѣ-

домъ за прискателемъ двое „толкаль“ идутъ, подходятъ обобратъ. Купенко тоже подходитъ и говорить: „это мой товарищъ“ и отнялъ его отъ нихъ, подобралъ деньги... А „толкалы“ — ничего. — Мы, — моль, — сами видѣли, что съ нимъ товарищи есть, они и сейчасъ остались у Жарова, выпиваютъ; онъ вышелъ на воздухъ, будто за нуждой, и пошелъ на берегъ, мы и погнались слѣдомъ — спасать!... Все честь честью... Сошло... Не приди онъ съ товарищами въ кабакъ и его бросили бы въ подземелье, ну, а разъ съ товарищами — опасно, начнутъ искать!...

На другой день Купенко приходитъ къ Жарову въ формѣ и спрашиваетъ сидѣльца: — Гдѣ у тебя въ 25 рублей наливка? — Тотъ и отвѣчаетъ: — „Ваше благородіе, у насъ такой нѣтъ“.

— Какъ нѣтъ, а вчера вы мнѣ продали за 25 рублей, вотъ и не допитая!

Сидѣлецъ отказывается, а Купенко его въ морду и требуетъ сдачи 75 рублей. Сидѣлецъ 100 рублей подаетъ... — Ну, — говоритъ Купенко, — ты мнѣ все-таки покажи, гдѣ у тебя наливка за 25 рублей!... Тотъ божится, что больше не будетъ обирать... Купенко ушелъ и рѣшилъ поселиться въ Витимѣ, пожить, посмотреть за порядкомъ. Не нагрѣли бы его самого на той наливкѣ, никогда не остался бы, и до сихъ поръ все по старому шло бы... Вотъ однажды пришли къ Жарову два крестьянина, приплавившіе для продажи сѣно. Продали его и захотѣли выпить... Много ли у нихъ было денегъ? А на нихъ тоже польстились. Тутъ

какъ разъ къ одному „толкаль“ жена его пришла, ихъ живыми видѣла, говорила съ ними... Стала она мужу совѣтовать:— „что ты дѣлаешь?! Долго ли ты будешь еще людей убивать?“— Тотъ въ отвѣтъ — „не твое дѣло!...“ Ночью пришелъ онъ домой. Легъ спать. Она взяла топоръ, отрубилла ему голову и побѣжала заявить.— Ты, говорятъ, пьяна!— Вы сами пьяные,— отвѣчаетъ,— „я говорю правду: голову отрубилла!“ Не будь здѣсь Купенко, такъ все и покрыли бы. А то пошли за нимъ.— Какъ сказали, что у Жарова грабятъ — сразу повѣрилъ, пошелъ посмотрѣть... Она и подполье показала... Все тогда открылось, а ей ничего не сдѣлали... У „толкаль“ языки развязались...

И милый Иванъ Яковлевичъ, когда-то пришедшій на каторгу за убійство, по жребію солдатъ, жестокаго звѣря—ротнаго командира, со страхомъ и озабоченностью начинаетъ разсказывать мнѣ о другихъ отчаянныхъ грабителяхъ Витима... Еще одна жена не выдержала злодѣйствъ мужа. Она повѣсила его соннаго, а сама побѣжала за людьми. Сосѣди прибѣжали, пока онъ еще дрыгалъ ногами, т. к. касался ими пола. Жена прибѣжала съ людьми, видитъ живъ! Она бросилась къ мужу, обняла, охватила, повисла на немъ и кричитъ: „милый мой мужъ!..“ Такъ она его своей тяжестью и придушила... И она тоже по сейчасъ спокойно въ Витимѣ живетъ... Всѣ это знаютъ... Не тронули, какъ узнали, какихъ бѣдъ ея мужъ натворилъ... Дворянская волость!...

— Въ тайгѣ, въ Бодайбо, значить, было „допущено“...—убѣжденно и серьезно, безъ малѣйшаго желанія пошличать, говоритъ Иванъ Яковлевичъ.

— Что это? Не понимаю,—спрашиваю я.

— А такъ что было допущено — брать для пользованія чужую жену, если она отойдетъ въ тайгу на двадцать сажень отъ своего дома...

— Что—вы?

— Очень просто: напрымѣрь, одна пойдетъ за грибами...

— И давно это было?

— Лѣтъ 15 назадъ... Не дальше... Конечно, не вездѣ въ Сибири, а только въ тайгѣ, на золотыхъ пріискахъ... — На то—Бодайбо!.. Если,—значить,—отошла отъ дому въ тайгу, то всякій и могъ повалить! И ничего за это не было... Поэтому, что было допущено... Иногда цѣлою толпою мужики наваливались!.. Вотъ взять-бы хотя и мою жену... Я ничего не могъ за это сдѣлать...

— Неужели?—изумляюсь я...

— Что-жъ, мѣсто было дикое, бабъ не было, мужиковъ много, жаловаться некому, ну и было допущено... Чтобъ никто не обижался... Была въ тайгѣ тогда жена одного пріисковаго. Звали ее— „царь-баба“... Сорокъ душъ могла выносить! Бывало такъ: одинъ какой-нибудь волокита добьется своего, заманитъ въ тайгу большими деньгами, дастъ, напрымѣрь, сто рублей, она и пойдетъ... А ужъ тамъ десять человѣкъ ждуть... Они и сложились на всѣ эти деньги... Въ складчину, значить... Ну,

конечно, чужая жена молчить... Да оно и все равно: вѣдь было допущено... Въ Бодайбо и сейчасъ про это наслышитесь случаевъ не мало...

— А что такое Бодайбо?

— Какъ, вы не знаете Бодайбо? Развѣ вы никогда не были въ Сибири?

И пораженный Иванъ Яковлевичъ смотритъ на меня...

— Да вѣдь это — богатѣйшіе на Сибирь золотые прииска... Еще на дняхъ провезли оттуда на почтовомъ пароходѣ 217 пудовъ золота — на три съ лишнимъ милліона рублей... А вы и не слышали о такомъ краѣ...

— Какъ-же везли столько золота?

— Везла почта въ сумахъ. День и ночь на пароходѣ стоялъ караулъ. — Два почтальона съ револьверами и шашками. Ъхаль тоже почтовый чиновникъ, провѣрялъ свой участокъ и начальникъ почтоваго отдѣленія... Золото было въ слиткахъ, по пяти — шести пудовъ, а мѣста на пароходѣ занимало всего одну кубическую сажень... Самъ видѣлъ: наши пароходы встрѣтились, остановились... У Сибирякова каждую недѣлю оттуда отправляютъ по десяти — двѣнадцати пудовъ... — Настоящій кладъ это Бодайбо!..

— Кто-жъ его открылъ?

— Лѣтъ пятьдесятъ назадъ одинъ кочующій тунгусъ... Вообще тунгусы скрывали мѣста съ золотомъ, чтобъ у нихъ не отнимали пастбища. Но тунгусъ этотъ сообщилъ таки розыскной партіи компаніи купцовъ Сибиряковыхъ, что натолкнулся

на золотую росыш. Они бросились за нимъ и поставили столбы.. Для вѣрности подъ столбы положили камни и бумагу, а сами подали въ горный округъ заявленіе... Стали Сибиряковы разрабатывать. Три года ничего не надо ни за землю, ни въ казну платить. И оказалось, что тунгусъ указалъ имъ золота на нѣсколько милліоновъ!.. Тунгуса этого Сибиряковы кормили до самой смерти, давали ему муку, масло, мясо, подарили ружье и перстень, а его женѣ серьги... Такъ и началось Бодайбо...

— Что-жъ оно большое?

— Теперь это — городъ. Собственно городомъ оно стало всего одинъ годъ назадъ... По величинѣ Бодайбо такой, какъ Витимъ, и даже домовъ меньше, но за то раскинуты они на большой площади... Мѣсто гористое, площадей немного, у рѣки Бодайбо-же, а все остальное разбросано на горѣ по склону... Кругомъ Бодайбо, какъ и вездѣ на пріискахъ, стоитъ стѣнной тайга, да тянутся высокія горы... Оттого собственно, когда на Ленѣ говорить про населенное мѣсто — „въ тайгѣ“, — то это значить на пріискахъ вообще, а теперь, когда тамъ больше всего пріискателей, — на Бодайбо... Небольшой городокъ, а посмотрѣли-бы, какая тамъ торговля, какъ жизнь кипитъ!..

— А много тамъ жителей?

— Кто его знаетъ... Смѣются очень надъ Бодайбо. Изъ столицы сдѣлали его городомъ, а на мѣстѣ гласныхъ и голову найти не могутъ. Нѣтъ такихъ домовладѣльцевъ, что не были подъ су-

домъ. Все сосланные да инженеры. Такъ и не устроено до сихъ поръ управленія...

— А вы тамъ бывали?

— А кто-же тамъ изъ насъ не бывалъ, не искалъ счастья?! Только страшный то край, легко погибнуть тамъ безъ счастья за кусочекъ золота съ наперстокъ...

— Почему?

— Много убійствъ, грабежей... И не поймать! Тамъ богатѣютъ въ разъ.— Будь ты хоть послѣдній ободранецъ и сори деньгами, какъ пьяный купецъ,— никто не спрашиваетъ, откуда деньги? У васъ въ Россіи, помню, если кто, бывало, разбогатѣеть, всё допытываются, гдѣ досталъ капиталъ... А здѣсь и отвѣта не надо: изъ тайги, съ присска... И отлично здѣсь грабежи сходятъ... Все тайга покрывается... И всѣхъ скорая нажива тамъ захватываетъ... Если судебному слѣдователю сейчасъ нужно оттуда послать телеграмму, то онъ отправляетъ за 200 верстъ съ нарочнымъ, хотя телеграфъ подъ бокомъ въ сосѣднемъ домѣ... Не пошлешь съ нарочнымъ,— всѣ убійцы и грабители будутъ знать— что слѣдователь написалъ... А какъ соображаютъ, такъ и неизвѣстно. Должно съ кѣмъ-нибудь дѣлаться... Соблазнъ всѣмъ большой... Я самъ разъ золото сдавалъ въ лабораторію. Четыре фунта въ обрывкѣ полотна, такъ тряпочка завязана, а въ ней на 1.800 рублей—точно, ни копѣйки меньше!..

— Какое-же оно на видъ?

— Разное: то клочки, то слитки, самородки, какъ орѣхъ, то какъ мука... Попадаются слитки,

какъ полоскательная чашка, вѣсомъ до пуда... Лазилъ я, воровски значить, въ брошенную шахту... Когда проводятъ шахты, то оставляютъ земляные столбы и съ нетронутымъ золотоноснымъ слоемъ... Ихъ не трогаютъ, чтобъ держали потолокъ. Я и таскался съ товарищами, выбиралъ изъ нихъ золото. По 60 рублей на брата за полъ-дня вышло... Но только страху смертнаго набрался... Ступенекъ нѣсколькихъ на лѣстницѣ не оказалось... Темнота, глубина отчаянная, сунулся, сорвался и повисъ на рукахъ... Холодъ страшный, ледъ, скользко... Внизу, точно бездна... Товарищи веревкой спасли... Думалъ, пропадать... Далъ себѣ зарокъ больше не лазить... А другіе и сейчасъ забираются, не боятся, что землей завалить, разбираютъ столбы... Разбогатѣютъ, на носилкахъ катаются...

— Какъ такъ?

— Очень просто. Сдѣлаешь себѣ приискатель носилки, обобьетъ плисомъ, сядетъ, обмотаетъ шею длиннымъ шарфомъ, хоть лѣто жаркое, и его несутъ на плисовыхъ подушкахъ къ шахтѣ изъ квартиры на рукахъ... — Кругомъ съ „подъемнымъ золотомъ“ поздравляютъ...

— А это что?

— Подъемное-то золото? — Положеніе такое тамъ... Если работаешь въ шахтѣ и нашелъ среди песку самородокъ золота, — онъ твой. Но подъемное золото обязанъ продать въ свою контору. Раньше давали по рублю пятидесяти копѣекъ за золотникъ, а теперь не менѣе трехъ съ половиной. Платятъ больше, чтобъ не носили сосѣдямъ...

При мнѣ одинъ паренекъ въ первый разъ въ жизни подъ землю спустился и сразу-же поднялъ на 500 рублей... Его въ тотъ-же день и убили...

— Ну? Кто же это?

— „Сибиряковскіе Иваны“! Много тамъ пришло народа, никто его не знаетъ, а есть такіе, что ихъ не знаютъ ихъ же родные... Какъ волки, на добычу съвзжаются... Десятаго сентября на прискахъ кончается отработный годъ, тогда они разбредаются, и Бодайбо отъ нихъ пустѣеть... Еще, слава Богу, новый законъ вышелъ, можетъ легче станеть...

— А какой законъ?

— На счетъ „хищническаго золота“. Нельзя было покупать его у рабочихъ, нельзя было рабочимъ продавать его не въ контору, а прямо въ золотоплавлю. Теперь больше „хищническое“ не продаютъ въ Китай... Еще наканунѣ того, какъ въ Бодайбо былъ объявленъ новый законъ, торговецъ Торминскій везъ золото въ отводахъ саней, въ которыхъ были продырявлены дыры и вставлены желѣзные пеналы. Кто-то на него донесъ. Сдѣлали обыскъ, нашли золото. Онъ его честно скупилъ у рабочихъ: у кого найденное, у кого, можетъ, и краденое... Накинулись на золото. Онъ рѣшилъ, что ему пропадать, какъ ни верти, на каторгу идти, такой законъ былъ, а на золото все состояніе ухлопалъ... Перекрестился да тутъ же и застрѣлился... А на завтра новый законъ пришелъ, что за это никакого наказанія болѣе не полагается... И законъ-то

мѣсяца два назадъ вышелъ, когда Торминскій въ пеналы золото собиралъ...

— А какъ производится работа на прискахъ, какія тамъ шахты?

— Я тамъ работалъ пораньше, и какъ сейчасъ, — въ точности сказать не могу... Много новыхъ инженеровъ туда наѣхало, сами мы возили, навѣрно и перемѣна какая-нибудь есть, а только шахты устроены были такъ: въ землѣ вырыть колодезь сажень тридцать глубины. Наверху ходятъ двѣ-четыре лошади, поднимаютъ, опускаютъ двѣ бадьи. Лѣстница въ колодезь наложена колѣнами... Рабочіе опускались иногда въ бадьяхъ, да обрывались, поэтому инженеры и запрещали, требовали по лѣстницамъ спускаться. Самыя шахты, корридоры подъ землей, сказать, у Сибирякова — высокія, въ сажень высоты, такъ что можно ходить, не сгибаясь. Подъ землей онѣ тянутся верстъ на пятнадцать! Москву тамъ у нихъ можно размѣстить... Ну, конечно, есть люки для воздуха... Надъ главнымъ колодеземъ на столбахъ навѣсь...

— А какія условія работы?

— Платили намъ за бадью съ пуда, по 2 копѣйки за пудъ песку. Подъ землей работали съ пяти часовъ утра до шести часовъ вечера. Работали съ факелами...

— А лампочекъ особыхъ отъ подземнаго газа развѣ не было?

— Нѣтъ, только факелы... За то въ шахтахъ воздухъ стоялъ ужасный, задыхаешься бывало... Факель хорошій, а едва горить... Въ носу всегда

черно отъ копоти. Кашлянешь и слюна — какъ деготь!

— Какъ же находили золото?

— А есть такіе рабочіе, которые сразу узнаютъ золотоносный пласть. Пусть самородокъ „въ рубашечкѣ“ — въ черномъ грифелѣ что-ли, онъ его тотчасъ замѣтитъ!...

— Какъ же въ шахтахъ, сыро?

— Есть шахты, гдѣ съ потолка точно дождь льетъ! — Слабый грунтъ. Тогда даютъ особыя кожаныя шляпы съ большими полями... Тяжелая работа, и говорить нечего!

— А какое это Бодайбо изъ себя?

— Резиденція, принска, казармы для рабочихъ, магазинъ находится на рѣкѣ Витимѣ... Есть тамъ телеграфъ и электрическое освѣщеніе... По вечерамъ граммофонъ въ домахъ играетъ и поетъ... Купецъ Дубниковъ туда первый привезъ... Еще на пароходѣ, какъ везъ, завелъ... Такъ, будто цѣлый хоръ поетъ! Диво то какое! Среди такихъ глухихъ береговъ, такого страшнаго безлюдья, на маленькомъ пароходѣ цѣлый хоръ цыганокъ любовь славить!... Вся команда сбѣгалась слушать, пароходъ чуть о камень не распорол... Чтò вы слышали когда-нибудь живого Тартакова — „торреодоръ смѣлѣе въ бой“?...

— Слыхаль... видѣль не разъ...

— Ну, и мы его здѣсь между скалами, у темной путаной тайги слышали, хоть и не видѣли никогда... Хорошо поетъ, такъ въ дѣтствѣ я соловьевъ слушалъ... Серебряный голосъ!...

— А что, кромѣ золота, еще что-нибудь въ Бодайбо добываютъ?

— А какъ же! Отъ Бодайбо до Ешевки черезъ Бодайбикскій мостъ дорога на серебряные рудники ведетъ... Всего версть сорокъ... Только дорога туда страшная, надъ пропастями...

— И зимой работаютъ?

— Да, и лѣтомъ, и зимой, иногда и днемъ, и ночью въ двѣ смѣны...

— А какъ промываютъ золото?

— Въ бутарѣ жолоба сдѣланы зарубки-плинтусы. Золотой песокъ идетъ по жолобу съ водой. Золото тяжеле и застреваетъ въ зарубкахъ... Раньше за эту работу платили рабочимъ помѣсячно, по 20—25 рублей въ мѣсяцъ на всемъ хозяйскомъ — и квартира, и харчи, и баня... Какъ сейчасъ платятъ, не знаю... Только знаю хорошо одно: нигдѣ нѣтъ такого пьянства, какъ на Бодайбо... Одни сторожа на отработанныхъ приискахъ развѣ не пьютъ...

— Что такъ?

— Да какъ отработаетъ приискъ, выберутъ все золото или станетъ его мало, невыгодно работать, тогда компанія бросаетъ все: и резиденцію, и постройки, и казармы... Всѣ уходятъ отсюда прочь, и среди горъ оставляютъ одного сторожа. Безлюдье страшное... Тутъ водки не достанешь! Платится тѣмъ, что компанія оставила въ запасъ, а какая компанія станетъ своего же сторожа поить?!.. Да-а... Интересный это край и никто его до сихъ поръ изъ газетчиковъ не посмотрѣлъ, не описалъ... Инженеръ одинъ оттуда ѣхалъ съ нами и все го-

вориль: и есть же у насъ въ Россіи своя Америка, своя Калифорнія, и никто о ней даже не знаетъ, ничего не слышалъ!

За Витимомъ Лена жьбняется. Рѣка становится еще болѣе широкой, еще болѣе могучей... Прибрежныя горы идутъ волнистой линіей. Куда ни глянь, всюду громадныя „курганы“, сверху до низу покрытыя густой мохнатою тайгой... А за ними разноцвѣтная даль такихъ же грозоздающихъ горь... Я проѣхалъ на лодкѣ весь Днѣпръ отъ Кіева до Александровска, промчался съ лоцманами въ челнѣ черезъ Днѣпровскіе пороги, проплылъ всю Волгу отъ Рыбинска до Астрахани и съ захватывающимъ восторгомъ глядѣлъ на ихъ красочные берега... И что же? Самые лучшіе виды Днѣпра подъ Кіевомъ и у пороговъ подъ Екатеринославомъ, никогда не забываемыя Жигули Волги—здѣсь на Ленѣ—самый обычный, самый заурядный видъ рѣки... На нихъ даже перестаешь обращать вниманіе...

Теперь горы тянутся выше къ небу, то отступаютъ отъ берега, то нависаютъ надъ нимъ... Внизу онѣ заросли все той же тайгой, то, по прежнему, густой, то жидкой изъ тоненькихъ, какъ палочки, елей. Камни покрыты мохомъ темно-малиновымъ и свѣтло-зеленымъ, точно осенью спокойно дремлющее подъ пологомъ ряски луговое озеро родной Украйны..

Посреди горъ отдѣльныя скалы, будто навсегда покинутыя людьми страшныя руины древнихъ зам-

ковъ, осыпались отъ бурь и ненастья мелкимъ сѣрымъ камнемъ... А на самомъ верху горъ красуется остроконечной щетиной тайга... Иногда горы — тяжелыя, темной грудью навалившіяся на рѣку — кажутся какими-то чудовищами... То въ падяхъ и логахъ между горами новыя горы стоятъ сейчасъ же преграждающей каменной стѣной, то сами пади густо покрыты тайгой и далекой щелью вытягиваются къ синѣющимъ на горизонтѣ сопкамъ... Среди этихъ необъятныхъ пространствъ рѣдко-рѣдко на той сторонѣ рѣки покажется небольшая деревушка, придавленная, темно-сѣрая, чуть пестрѣющая точками болѣе новыхъ крышъ, сбита въ кучу, какъ далекій табунъ лошадей... Она жметя на расчищенномъ отъ тайги плоскомъ берегу. Сбоку ея желтѣютъ посѣвы и снова тайга... Небо — либо свѣтло-голубое, безоблачное, либо сѣрое, нависшее надъ рѣкой клочьями ваты... Вода у берега — почти черная, переливаясь, ярко блеститъ зигзагами быстрого теченія... Тамъ, дальше, гдѣ горы перестаютъ отражаться въ водѣ, Лена кажется стальной...

Посреди рѣки плаваютъ громадные бѣлые лебеди... Черныя гагары, едва завидѣвъ пароходъ, поднимаются и медленно, тяжело летятъ надъ поверхностью рѣки, касаясь ея глади и оставляя послѣ себя серебряный слѣдъ, пересыпанный хрустальными брызгами...

— Посмотрѣли-бы вы сколько на Ленѣ дикихъ утокъ и гусей осенью, такъ въ концѣ августа, — говорить помощникъ капитана. Плыветъ пароходъ, а они несутся впереди тысячной стаей, садятся у

берега; пароходъ подплываетъ, они срываются, летать и снова садятся... Кто охотникомъ никогда не былъ, начинаетъ охотиться! Въ прошломъ году ѣхали мы послѣднимъ рейсомъ. На пароходѣ возвращались конвойные солдаты. Отвезли партію политическихъ... Ну, конечно, ружья у нихъ съ собою, патроновъ боевыхъ запасъ изрядный... Увидали они несмѣтную стаю гусей и глаза просто разгорѣлись. Рады-бы мы охотиться, говорятъ, да нельзя, потому что патроны — казенные, за растрату судить будутъ; уже отправили рапортъ, что партію благополучно доставили, не скажешь, что выстрѣляли, а скажешь, тебя самого съ конвойными сюда повезутъ! Ходятъ они и, какъ волки хищные, только поглядываютъ на гусей.. Первый не выдержалъ Александръ Сергѣевичъ, пассажиръ такой съ нами ѣхаль... Тихій, скромный человекъ, поглядѣть — святой, мухи не убьетъ! Сбѣгалъ онъ къ себѣ въ каюту за револьверомъ и началъ палить... Всѣ патроны выпустилъ... Ничего, конечно, не убилъ — далеко очень. Капитанъ услыхалъ выстрѣлы, спустился за своимъ ружьемъ, принесъ и тоже принялся стрѣлять... Только Александръ Сергѣевичъ вдругъ снова бѣжитъ къ себѣ въ каюту. Приноситъ новые патроны. — Я, говорить, хотѣлъ ихъ оставить, чтобъ на лошадяхъ ѣхать не съ пустыми руками! — И началъ палить... Будь-что будетъ, авось проѣду благополучно и безъ револьвера... Увидѣли это конвойные и не выдержали. Началась охота. По пятидесяти копѣекъ за выстрѣлъ платили имъ желающіе... А потомъ и

на рубль за выстрѣлъ перешли. Убили таки гуся. Остановили пароходъ, спустили лодку, достали. Вечеромъ пассажиры каютные его и сѣли. А на завтра снова охота... Разгорѣлись страсти. Только вдругъ кто-то кричить: — „господа, смотрите, смотрите, коршунъ утку давить!“ Глядимъ, дѣйствительно, въ когтяхъ коршуна утка бьется. — Надо спасти ее, смотрите, какъ напалъ! И что вы думаете?—Сами минутою назадъ въ утокъ стрѣляли, а тутъ настоящую тревогу подняли.—Вопятъ, горланятъ, въ ладоши хлопаютъ, на воздухъ выстрѣлили, чтобы испугать! Не отпускаетъ подлець, бьется утка подъ его клювомъ, да и баста! — Остановить пароходъ, спустить лодку, надо ѣхать отбивать, — сказалъ рулевой. И, представьте себѣ, иначе и быть не могло. Остановили пароходъ. Спустили лодку, сѣли въ нее матросы, солдатки и поѣхали... Какъ подплыли, коршунъ бросилъ. Утку подняли и привезли. Часа полтора на это потратили... А утка—почти безъ дыханія. Шея перекушена. Кухарка пароходная увидала и говорить: — „вотъ и прекрасно, надо-бы ее зарѣзать сейчасъ, къ вечеру на ужинъ будетъ“... Выругали тутъ ее, и снова на пароходѣ поднялся крикъ: „надо утку залѣчить!“ Самъ капитанъ бросился къ себѣ въ аптеку, принесъ іодоформу. Засыпали ей шею, перевязали. Политическая одна изъ фельдшерицъ возвращалась съ Анги, она ей и перевязку дѣлала... Вотъ она—природа людская: какъ увидитъ чловѣкъ, что на одного навалилась сила, отбить всегда хочется... Вечеромъ-то кухарка потихоньку къ уткѣ

подобралась, незамѣтно зарѣзала и зажарила. И всё мы ее ѣли, и барышня ѣла, и никто не замѣчалъ... На утро хватились, а утки нѣтъ. Да ужъ всё остыли...

Пароходъ бѣжить. Мы нагоняемъ какую-то странную, многолюдную „посудину“ — паузокъ.

— Смотрите, — говоритъ капитанъ, — вѣдь это паузокъ съ политическими. Сколько ихъ везутъ, и куда везутъ!

Четыреугольная каюта — ящикъ съ плоской крышей паузка по бокамъ украшена зелеными вѣтвями деревь. На крышѣ толпится, точно на вечеринкѣ, молодежь. Завидя пароходъ, всё они тѣснятся у борта крыши.

Я снимаю шляпу и начинаю раскланиваться. Пусть знаютъ, что и среди пароходныхъ пассажировъ есть люди, имъ сочувствующіе... Они отвѣчаютъ... На носу и кормѣ паузка внизу стоятъ угрюмые часовые...

Нашъ пароходъ проѣзжаетъ мимо и мы уже далеко впереди... Но съ крыши паузка все еще доносится пѣніе о томъ, что нѣтъ на Руси такого угла, гдѣ-бы русскій мужикъ не стоналъ... Вечерѣть... Надъ крышей паузка взвивается дымокъ...

— Обѣдъ себѣ государственные варятъ, — объясняетъ капитанъ. — Тамъ у нихъ на крышѣ ящикъ съ землей лежитъ, на немъ костеръ разводять и варятъ себѣ сами, какъ на маевкѣ... Теперь послѣ бунта въ Якутскѣ ихъ положеніе полегчало, а то — не то, что на берегъ — на крышу не выпускали...

Задыхайся цѣлый мѣсяцъ въ этомъ ящикѣ безъ оконъ, точно въ гробу живой...

VI.

Нохтуйскъ.—Таможня двухъ губерній.—Мачъ.—Въ пути къ Охотскому морю.—Первые якуты.—Олекминскъ.—Скопцы.—«Столбы» Лены.—Романическій Покровскій монастырь.—Якутскъ.—Сумасшедшій пивоваръ.—Политическіе контрабандисты.—Восемнадцать автобіографій политическихъ.—Шлиссельбургцы Панкратовъ и Шеба-линъ.—Неукротимый Фальцъ.

— Вонъ тамъ, за этой полосой тайги, кладбище у дороги,—говоритъ мнѣ капитанъ, указывая на берегъ,—Лена сюда поворачиваетъ...

— Кого же тамъ хоронятъ?—спрашиваю я.

— Желаящихъ!

Никакого кладбища не видно. Я ничего не понимаю, и довольный капитанъ торопится объяснить свою загадку.

— За этимъ бережкомъ находится Нохтуйскъ. Пьяное мѣсто,—ворчить уже не безъ раздраженія капитанъ, всегда такой добродушный.—Яма. Каждый порядочный человѣкъ, попавъ сюда, спивается и погибаетъ.

— Что же это за мѣсто?

— Нохтуйскъ. Таможня.

— Какая таможня?!—изумленно спрашиваю я.—

Какая же здѣсь граница? — повторяю я, полный недоумѣнія.

— Иркутской губерніи и Якутской области!

— Но при чемъ же таможня? Вѣдь это Россія!

— Положеніе такое...

— Какое положеніе?! Я понимаю еще существованіе таможни между Финляндіей и Россіей, но какая таможня нужна здѣсь между губерніями?

— А порто-франко! Въ Якутской области нѣтъ пошлины на чай, сигары и другое такое. Вотъ и устроена таможня. Входятъ на пароходъ два чиновника съ тремя солдатами, осматриваютъ багажъ, спрашиваютъ, нѣтъ ли чаю. Въ этомъ и таможня! Хорошо, если никто изъ нихъ не выпивши. А то, если пьянъ, то и командуетъ себѣ на здоровье пароходомъ. И слушайся пьянаго, иначе прикажетъ снести всѣ вещи на берегъ. Чтò тогда дѣлать?! Вѣдь сутки лишнія прстоишь. Сейчасъ насъ смотрѣть не будутъ. Только по пути изъ Якутска. Но мнѣ надо бы и сейчасъ принять мѣры. Я какъ на несчастіе везу съ собой пустыя бочки для рыбы. Жена навязала. Долженъ нельмы побольше закупить, насолить на зиму. Надо выбрать хорошей икристой, не холостой. Буду спрашивать у встрѣчныхъ рыбаковъ. У политическихъ можно дешево купить. Они тоже выѣзжаютъ на ловъ... Вотъ я и думаю насчетъ таможни, забота беретъ, знаете, теперь не поладишь, па обратномъ пути всю икру вытрусать!...

— Масло тоже будемъ на обратномъ пути сюда везти — сотнями пудовъ изъ Якутска въ Нохтуйскъ

возимъ. Упаковано оно въ особыхъ большихъ тюкахъ изъ березовой коры... Тысячу верстъ провезешь благополучно, а таможенные въ этомъ кладбищѣ хотя что распорить... Хоть бы на пароходъ зашли! Ужъ я-бы ихъ принялъ по хорошему, съ почетомъ.

Въ самомъ дѣлѣ за полоской тайги, пологими, невысокими горами, — не выше Днѣпровскихъ, — показывается Нохтуйскъ. Оказывается, что кладбище живыхъ выглядитъ веселѣе другихъ приленскихъ „населенныхъ“ „живыхъ“ пунктовъ. Въ Нохтуйскѣ есть бѣлаго цвѣта постройки, дома три съ выкрашенными бѣлою же краской ставнями... И потому нѣтъ обычнаго унылаго безпросвѣтносѣраго вида... Къ огорченію капитана, въ Нохтуйскѣ таможенные чиновники такъ и не являются на пароходъ. Политическіе ссыльные тоже не показываются на берегъ, — потому, кажется, что здѣсь они и не живутъ...

Нашъ пароходъ отваливаетъ дальше...

— Вонъ тамъ, по ту сторону Лены, деревня Мачъ — бывшая золотопромышленная резиденція, кругомъ золото въ тайгѣ добывали, — говоритъ капитанъ...

— И что-жь, тамъ никого нѣтъ?

— Есть, такъ, жалкая деревушка, церковь сохранилась, два магазина и сейчасъ торгуютъ... Старыхъ пряниковъ мятныхъ можно купить... Одинъ политическій тоже живетъ. На лодочкѣ все ѣздитъ... Къ пароходу, должно, выѣдетъ... Если спать не укладывается... Рано здѣсь ложатся...

— А который теперь часъ? — спрашиваю я капитана.

— Мѣстнаго времени нѣтъ. Вышло, раньше было...

— Какъ такъ?

— Былъ здѣсь въ Нохтуйскѣ ссыльный—часовыхъ дѣлъ мастеръ, да давно уже изъ здѣшнихъ краевъ вышелъ...—отвѣчаетъ капитанъ и смѣется себѣ въ бороду...—Хоть бы и таможенные чиновники ушли!

— Что вы на нихъ сердитесь? Чего вы смущаетесь, провезете свою рыбу исправно.

— Да помиуйте, тутъ бы черезъ Лену изъ Китая чай возить, а таможня все дѣло убиваетъ. И тавага рѣка остается ни причемъ...

— Да что вы говорите: чай изъ Китая по Ленѣ?!—Ужъ не изъ Ледовитаго ли океана?!..

— Зачѣмъ такъ далеко? Спуститься по Ленѣ пониже Якутска всего на 250 верстъ, а не то, что до самаго Ледовитаго океана, и потомъ на востокъ по рѣкѣ Алданъ до устья рѣки Майа, впадающей въ Алданъ. Отъ устья Майа и по рѣкѣ Нелькану, впадающей въ нее, всего 300 верстъ. Отъ Нелькана же къ Охотскому морю по сушѣ — не болѣе 200 верстъ! Только сутки дороги! Однимъ словомъ, отъ Якутска до Айяна черезъ Охотскій переваль всего тысяча верстъ... Изъ Китая въ портъ Айянь черезъ Японію и приходятъ пароходы...

— Представьте себѣ, объ этомъ пути нигдѣ ничего нѣтъ въ учебникахъ географіи, и я никогда не слыхалъ о немъ...

— Да вѣдь его недавно только открыли... Въ 1894 году пароходъ „Витимъ“ совершилъ туда первый рейсъ до Охотскаго перевала... Раньше туда пароходы не ходили. Рѣдко кто пробирался въ невѣдомый край на лодкѣ. Я попалъ тогда на „Витимъ“. За 14 сутокъ мы съѣздили туда и обратно. На пароходъ сѣли: преосвященный Мелетій со свитой, якутскій губернаторъ Скрипицынъ и управляющій пароходства „Громова“ Щербачевъ. Архіерей занялъ общую женскую каюту, а губернаторъ помѣстился въ двухмѣстной. Ъхали мы съ остановками. Якуты кое-гдѣ выходили къ пароходу. Полиція сгоняла ихъ съ кочевьевъ. Вездѣ, гдѣ они показывались, служили молебны, ставили кресты, архіерей собственноручно навѣшивалъ на кресты иконки, а мы красили кресты разноцвѣтной масляной краской...

— Дѣло было въ іюнѣ. Мѣстность оказалась страшно пустынной. Никто нигдѣ не косилъ. А трава попадалась и въ ростъ человѣческой... Нигдѣ не было и полей... Ни одной деревушки не видѣли мы на всемъ разстояніи 800 верстъ... Было только нѣсколько жалкихъ юртъ въ разныхъ мѣстахъ... А край оказался благодатнымъ. Очень тепло, хоть къ сѣверу ближе! Много теплѣ Лены. Можетъ, оттого, что горами съ сѣвера тотъ край закрытъ...

— На Ленѣ ночью въ шубѣ, а тамъ въ одной рубахѣ... Второго-то іюня трава была уже зеленой, а по Ленѣ и не распускалась. Въ травѣ тамъ много цвѣтовъ. Хорошіе лѣса. Много тополя, какъ на югѣ по Амуру... Тальники тоже высокие, однимъ

словомъ, дуги роскошныя только дѣлать! На островахъ наполовину густой тальникъ, въ родѣ ивы, наполовину ельникъ, много орѣшника... Хорошій дикій виноградъ даже оказался. Правда, въ свѣжемъ видѣ слабитъ!.. Одинъ скопецъ потомъ вино дѣлалъ, по 80 копѣекъ за бутылку продавалъ... И вино было очень хорошее... Скопца убили и винодѣліе прекратилось... Рѣка—рыбная: нельма, осетеръ, стерлядь, таймень, карась... Мѣстность такая, что не выбрался бы!

— Когда ѣхали мы обратно, къ берегу, на томъ мѣстѣ, гдѣ поставили бѣлый крестъ, собралась толпа якутовъ со стороны, издалека. Пріѣхали посмотрѣть на пароходъ и на людей, себя показать.

— Засѣдатель увѣрялъ, что никого не созывалъ: какъ узнали, сами пріѣхали... Приползъ и старикъ-якутъ 127 лѣтъ! Худой, скрюченный, точно кашей—однѣ кости. Скелетъ да и только! Дикарь и никакихъ! Да они и всѣ дикари оказались. Представьте, женщины лѣтомъ по-африкански ходятъ—голыя, какъ Адама рисуютъ. Подходятъ, просятъ табаку и не стѣсняются. Просто отъ совѣсти я избѣгалъ ихъ... Какъ замужъ вышла, такъ адалову вожу даютъ... Но только въ началѣ страшно глядѣть, а послѣ точно привыкаешь... Да и онѣ какія-то черныя. Можетъ, отъ грязи и солнечнаго загара... Старикъ тоже былъ голый, въ одной рубашкѣ, въ родѣ женской... Миткаль и до него какъ-то дошелъ! На рукахъ его къ самому архіерею поднесли. Видно, легко несть! Старикъ бѣлый колпакъ одѣлъ, какъ къ смерти приготовился. Всѣ

дали ему что-нибудь. Губернаторъ десять рублей отпустилъ, Щербачевъ пять рублей, а архіерей на него хорошій мѣдный крестъ одѣлъ... Дали ему съ парохода сухарей... Деньги его вручили на хранение старостѣ, чтобъ не растерялъ... Видѣли бы вы, какъ глядѣлъ старикъ на пароходъ! Но больше всего поразилъ его архіерей. Онъ его за настоящего бога принялъ... Приѣхали тогда къ пароходу тоже попъ съ попадѣй. Якуты они, а можетъ просто за тридцать лѣтъ обьякутились. Попадья съ длинной большой трубкой въ зубахъ, на чубукъ, точно кувшинъ для махорки, курить и прямо подъ благословеніе „паровозомъ“ претъ къ архіерею. Курить такъ, что дымъ валить... Архіерей улыбнулся, а ничего, вынулъ у нея легонько изо рта трубку, подаль для лобзанія руку и благословилъ... Священникъ, мужъ ея, жилъ одинъ съ нею въ юртѣ. Около юрты церковь, — небольшая, старая и страшно темная часовенка... Церковь и священникъ!.. А кругомъ на 800 верстъ никого! Рѣдко, рѣдко когда кочевые якуты подѣдутъ... Страшно это!.. Силенъ человекъ, если въ звѣря не превратился... На этомъ мѣстѣ и устроили селеніе Скрипицинское для раскольниковъ. Теперь тамъ поселены духоборы, сѣютъ хлѣбъ, траву косать... Жизнь началась... Такъ навсегда Скрипицынъ родъ и прославленъ... Не попадись тамъ старикъ - „шкелеть“, не было бы и селенія... Случай, глушь...

И онъ рассказываетъ обо всемъ этомъ, не замѣчая того, какая пустыня кругомъ на Ленѣ...

Вѣдь уже и для насъ цѣлое событіе, когда на берегу покажется деревня съ десяткомъ другимъ сѣрыхъ, придавленныхъ домишекъ... Когда мы ѣхали обратно, то сплошь и рядомъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ не видѣли одной избенки...

А между тѣмъ въ этихъ громадныхъ горахъ, набросанныхъ природой по берегамъ Лены, таится не мало золота, серебра, лежатъ необъятныя залежи каменнаго угля... И все это брошено и мыслію и трудомъ человѣка, и рука его не касается со-кровищъ голодающей родины...

На берегъ выскакиваютъ табуномъ олени и растерянной толпой, точно отъ казацкихъ нагаекъ, опрومتью бѣгутъ впереди парохода...

На небольшой скалѣ вьется дымокъ... Около него вырастаютъ якуты, что-то кричатъ, машутъ руками и долго глядятъ въ нашу сторону... Изъ чащи кустарниковъ видны только островоконечныя ихъ урасы—лѣтнія юрты—палатки изъ вываренной березовой коры...

— Спугнули мы имъ оленей, разбѣгутся въ разныя стороны, долго они будутъ собирать... Хорошо, если есть у нихъ лошаденка, — замѣчаетъ рулевой...

— „Отступаютъ въ порядкѣ!“ — говоритъ кто-то, указывая на продолжающихъ бѣжать оленей...

И начинаются рассказы объ якутахъ. Рослый рулевой повѣствуетъ о забитости якутовъ. — Ъхали мы зимой. Морозъ страшный. Опрокинулись въ кошевѣ. Она вся закрытая. Чуть не задохнулись. Едва выбрались. Оглобли поломались. Надо бы

новья сдѣлать, да нечѣмъ дѣлать, нѣтъ топора... А ночь. До зимовья далеко. Вдругъ слышимъ— якуты ѣдутъ, должно, по дрова. Вышли на до-рогу, а ихъ цѣлый обозъ. Увидѣли они насъ, перепугались—ни живы, ни мертвы сидятъ... Я остановилъ первыя нарты и всѣ стали. Взялъ то-варищъ мой у якута топоръ, тотъ сидитъ, молчитъ. А другіе, позади ѣхавшіе, какъ закричатъ бла-гимъ матомъ да кинутся въ стороны! Только ихъ и видѣли. По пенькамъ сани всѣ навѣрно перело-мали. Я держу якутишка, чтобъ топоръ вернуть. Отдалъ ему, а онъ и не трогается. Я самъ и ло-шади его крикнулъ, чтобъ бѣжала. Они, вѣрно, думали, что мы чересы - спиртоносы... Такой смиренный народъ. Дикари они только! При мнѣ одна якутка нашла короля трефового и давай креститься, цѣловать крестикъ. Молъ, икону нашла! Картъ никогда не видала!

— Что не видала! Это ты о Татьянѣ Андреевнѣ? Зато она никогда не видала желѣзной дороги, а во снѣ все-таки увидала. Это, говорить, такая, какъ вашъ пароходъ, только на колесахъ...

Разговоръ перебѣгаетъ на нечистоплотность яку-товъ...—Они, точно, любятъ грязь. Въ баню не ходятъ, раздѣнутся голыми, стоятъ у проѣзжей дороги и ищутъ на себѣ вшей, матери-якутки ни-когда не цѣлуютъ своихъ ребятъ, а нюхаютъ ихъ въ разныя мѣста, никогда не моютъ даже вымя коровъ, такъ какъ думаютъ, что иначе корова не будетъ давать молока, и потому у якутовъ молоко всегда съ волосами и запахомъ стойла — „хай-

тонное молоко“!.. Въ наслегахъ политическимъ ничего, кромѣ молока, не купить и потому они пьютъ такое молоко съ отвращеніемъ на голодный желудокъ...

Наступаетъ ночь. Холодная, точно октябрьская, ночь. Полярная звѣзда Большой Медвѣдицы стоитъ надъ самой головой, а не сбоку, какъ въ Крыму... Издали то темной, то черной полосой тянется берегъ... И нигдѣ нѣтъ огонька. Только два раза мы увидали его: на лодкѣ рыбаковъ, которые лучинили съ острогой, да еще—когда пароходъ остановился посреди рѣки и гдѣ-то далеко, на противоположномъ берегу, такъ же неподвижно стояло нѣсколько огоньковъ деревни...

— Скоро въ Олекминскъ пріѣдемъ,—говорить мнѣ кто-то.—Видите начались красныя горы, какъ подъ Красноярскомъ... Раньше сюда ѣздили зубы лѣчить. Теперь пожалуйста въ Якутскъ. Отъ Иркутска до Якутска ни одного зубного врача! Въ Олекминскъ была сослана политическая Марья Савельевна — барышня одна. Какъ разъ по серединѣ дороги, удобно было... Хорошо лѣчила... Только у председателя Якутскаго окружнаго суда зубы разболѣлись. Ее и перевели въ Якутскъ, чтобъ лѣчить его. Тамъ она и осталась. Ее, за содѣйствіе политическимъ въ бунтѣ, тоже привлекли къ суду... Теперь на всѣ тысячи верстъ ни одного зубного врача не останется, если въ каторгу ушлютъ!..

— Все отъ воли начальства!—замѣчаетъ мой сосѣдь...

— А что вы думаете? Вѣдь это вѣрно. — Какъ ѣхалъ по этому краю иркутскій генераль-губернаторъ, сказалъ онъ взяточнику Олекминскому исправнику Ш. — „умри!“ А тотъ и дѣйствительно умеръ. Генераль-губернаторъ возвращается, а онъ уже покончилъ съ собой...

Мы причаливаемъ къ берегу Олекминска — „большому“ селу. На пологомъ берегу стоятъ толпой скопцы. Они вынесли въ корзинахъ огурцы, рѣпу, морковь, капусту. По копѣйкѣ за хорошій большой огурецъ... Всѣ съ удовольствіемъ набрасываются на овощи и на пароходѣ устраивается пирь...

— Они здѣсь и арбузы, и дыни, и цвѣтную капусту выращиваютъ, — говоритъ кто-то. — Начали для угожденія начальству заниматься парниками, все барскія овощи разводили, а теперь это у нихъ привилось крѣпко... Подъ Якутскомъ въ Мархѣ скопцы тоже ведутъ такое же огородничество... Тихіе, спокойные люди, труженики настоящіе. Хлѣбъ здѣсь на всю округу сѣютъ. Живутъ въ селеніи Спаскомъ. Оно сливается съ Олекминскомъ, только шлагбаумъ и отдѣляетъ. Раньше около шлагбаума иногда появлялся казакъ и никого изъ скопцовъ не пропускать въ Олекминскъ. — Нельзя отлучаться съ мѣста жительства, и баста! — И скопцы знали что дѣлать и дѣлали... „Часовой“ исчезалъ на нѣкоторое время, а затѣмъ, когда въ нѣкоемъ карманѣ начинался государственный крахъ, снова появлялся... И такъ шла себѣ сказка о бѣломъ бычкѣ...

— Потомъ имъ запретили выносить припасы для продажи проѣзжающимъ... Продавай черезъ чужія руки... Да неожиданно генераль-губернаторъ пріѣхалъ не съ тѣмъ пароходомъ, на которомъ его ожидали. Скопцы пробрались на берегъ, рассказали, и генераль-губернаторъ позволилъ... Но и сейчасъ имъ никуда не позволяютъ выѣзжать. Манифесты съ прощеніемъ къ нимъ не примѣняютъ *). Даже тѣмъ, которые были сосланы малолѣтними и отбыли воинскую повинность, не позволяютъ выѣхать въ Россію... Не позволяютъ выѣзжать по области и такимъ, которые отбыли сорокъ лѣтъ поселенія и давно уже перешли въ православіе... Не поймешь начальства, зачѣмъ всѣ эти стѣсненія?!... Если за то, что они безплодны, такъ почему же государство не преслѣдуетъ монаховъ, которые тоже даютъ обѣтъ безбрачія?..

Я иду въ Спасское, осматриваю нѣсколько скопческихъ домовъ, бесѣдную со скопцами...

Деревня точно мертвая. Изумительно отсутствіе дѣтей... Нѣтъ шума, нѣтъ пѣсни... Даже собаки какія-то угрюмыя, безмолвныя,—должно быть отъ того, что росли безъ дѣтскаго общества. Дома хорошіе, лучшіе на Ленѣ. Окна крашенныя, большія, въ три рамы, съ занавѣсками. На подоконникахъ цвѣты... Все это изъ косточекъ лимона, винныхъ ягодъ... На стѣнахъ часы, есть самовары... Чув-

*) Въ 1905 году, при изданіи новаго закона о вѣротерпимости, былъ наконецъ изданъ указъ о правѣ скопцовъ вернуться. Многие вернулись.

ствуется довольство житочныхъ людей... Въ амбарахъ хорошія жатвенныя машины. Есть даже паровая мельница. Оригинально устроены парники. Это большіе четырехугольные ящики, аршина полтора высоты. Они наполнены землей, затѣмъ навозомъ, который разогрѣвается весной горячими камнями, а поверхъ навоза лежитъ слой земли. Навозъ прѣветъ и даетъ теплую подпочву, чего здѣсь нѣтъ. Лѣтомъ на солнцѣ теплѣе, чѣмъ въ Кіевѣ, а, когда нѣтъ солнца и ночью, ящики парниковъ покрываются кошмами—большими кусками войлока... Хлѣбъ растетъ на открытомъ воздухѣ, но только каждая гряда, каждая полоса его тщательно окружена изгородью и охраняется отъ воровевъ разставленными чучелами... Жители сплошь старики и старухи — „братья“ и „сестрицы“. Нѣкоторые живутъ попарно, хотя женщины всегда помѣщаются на отдѣльной отъ мужчинъ половинѣ. Но бываетъ, что живутъ попарно и братья; тогда они сообща ведутъ свое хозяйство, сообща наживаются, а для того, чтобы была цѣль совмѣстной наживы, составляютъ другъ на друга духовное завѣщаніе...

— Законъ у насъ отобранъ, только жизнь оставлена,—сказалъ мнѣ одинъ скопецъ. Мы присланы за убѣжденія. Но мы противъ правительства и народа ничего не сдѣлали, занимаемся тихимъ трудомъ. До слезъ хочется вѣхать въ Россію! Я изъ Курляндіи. Лютеране насъ не преслѣдовали, ни одна религія не преслѣдуетъ, только одно православіе преслѣдуетъ. Мы не отрицаемъ

правъ церкви. Мы не находимъ ни плохого, ни худого. Мы навѣчно: вѣдь это разъ навсегда „умереть“ живому, все равно не вернуть отрѣзаннаго тѣла! Почему же у насъ нѣтъ никакого права?...

— Ну, а если бы вы вернулись обратно, то оскотили бы кого-нибудь?

— Что вы! Вонъ, подъ Якутскомъ, Марха уже сорокъ три года существуетъ, и никто никого даже иголкой не уколеть, помышленія не было... Мы люди смиренные, спасенія своего желаемъ...

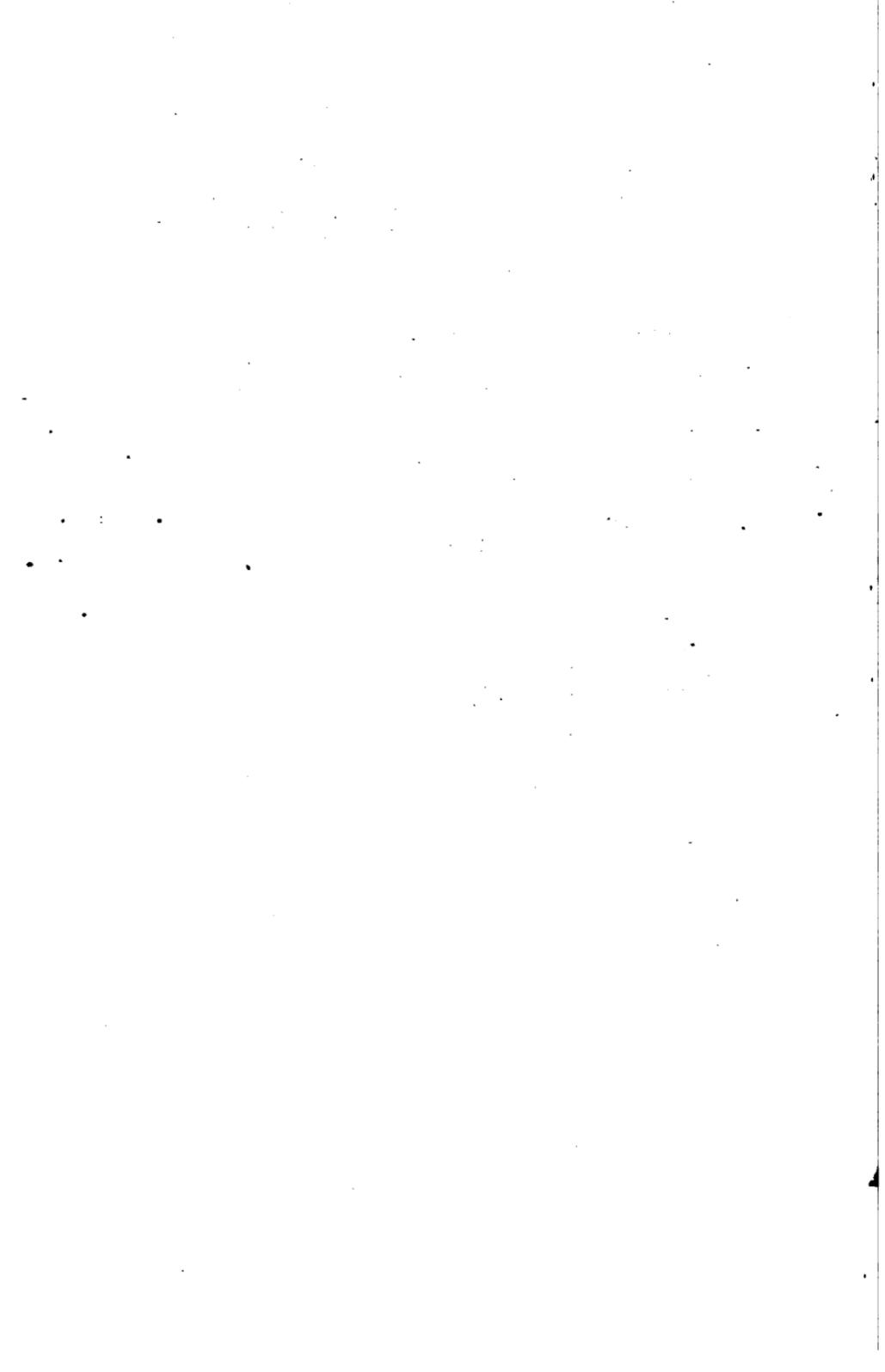
Изумительно красивы берега Лены въ 100 — 150 верстахъ отъ Якутска. Я много бродилъ по бѣлу свѣту, объѣздивъ всю Европу, видалъ берега Женевского озера и Крыма — у Ялты, Алупки, Синеиза, видѣлъ берега Ривьеры съ громоздящимися Альпами, проѣзжалъ по Рейну, Днѣпру, Волгѣ, нарочно выбирая самыя красивыя, самыя „знаменитыя“ мѣста, и нигдѣ въ мѣру я не видалъ такихъ изумительныхъ, фантастическихъ, дикихъ и волшебныхъ береговъ, какъ „Столбы“ на Ленѣ... Сибиряки знаютъ имъ цѣну... И если пароходъ идетъ мимо „Столбовъ“ ночью, ихъ стараются освѣтить съ парохода, чтобы не упустить это замѣчательное зрѣлище... Если бы иностранцы освѣдомились, какъ оригинальны, самобытны и не похожи на все извѣстное „столбы“, они преодолѣли бы всѣ трудности, чтобы только посмотрѣть это чудо природы... А у насъ... О нихъ въ Европейской Россіи даже не слышно!..

На высококом отлогомъ берегу Столбовки, впадающей въ Лену, одиноко стоитъ среди зелени, точно монументъ, колоссальный каменный столбъ, остроконечный, заканчивающійся шаромъ. И за этимъ обелискомъ самой природы начинается безконечная вереница разнообразныхъ „столбовъ“... То они высятся, какъ разрушенные замки, въ которыхъ нѣкогда жили гиганты, то идутъ одинъ за другимъ, точно закутавшіеся въ черные плащи съ капюшонами исполины монахи, то скалы стоятъ, будто жилые дома съ окнами и дверями... Иныя скалы соединены живописными мостами, перекинутыми надъ пропастями... Другія съ пещерами, мрачными и таинственными, какъ на картинахъ Беклина... Эти блестятъ отъ живыхъ струй падающихъ водопадовъ; тѣ склонились, словно готовые упасть въ предсмертной агоніи... И снова безконечной вереницей выступаютъ высокіе, рѣзко торчащіе среди голубого неба столбы, точно искусно выточенные колонны...

Лиственницы забрались и на эти недоступныя вершины! Зато на другихъ — не видно ничего, кромѣ сѣдого мха. Иныя скалы чернѣютъ отъ проникающихъ вглубь щелей, другія свѣтятся щелями насквозь, точно отъ нарочно устроенныхъ оконъ. У иныхъ слои камня лежатъ такъ, что горы кажутся покрытыми то сѣрой, то черной, то желтой чешуей... Иные столбы совершенно желтые, другіе совершенно черные. Но у многихъ на плоскихъ вершинахъ мохъ подъ яркими лучами солнца бѣлѣетъ, точно снѣгъ на горахъ Швейцаріи...

Первый съезд якутов.

А тамъ дальше скалы тянутся, точно большая вѣрѣстная стѣна съ вычурными подпорками, покрытая отъ времени красной ржавчиной...

За „Столбами“ начались острова песчаные, отлогіе, то покрытые мелкимъ пожелтѣлымъ ивнякомъ, то совершенно голые... Рѣка уже шириной около 10 верстъ, но она вся въ островахъ, и только мѣстами замѣтенъ этотъ ея просторъ...

Мы проѣзжаемъ мимо женскаго Покровскаго „монастыря“, одно имя котораго вызываетъ смѣхъ всей команды парохода... Его уже собирались открыть, была выбрана игуменья, долженъ былъ пріѣхать архіерей, губернаторъ и вдругъ совершенно неожиданно выяснилось, что всѣ монахини съ игуменьею во главѣ разбѣжались, какъ только въ монастырь попала партія кавалеровъ—пріискателей... Увы, сердце человѣческое не камень!...

Но вотъ и Якутскъ! Мы проѣзжаемъ осеннюю „пристань“—берегъ, покрытый ивнякомъ, и подплываемъ къ лѣтней „пристани“—высокому и крутому берегу, безъ признаковъ растительности и вообще какихъ бы то ни было признаковъ настоящей пристани... Городокъ небольшой, какъ самый захолустный уѣздный. Лучшее зданіе—казенной винной монополіи. На весь городъ одинъ большой двухэтажный деревянный домъ реального училища и нѣсколько домовъ съ мезонинами... Правда, есть еще одинъ „большой домъ“—„ряды лавокъ“ въ центрѣ города,—одно изъ лучшихъ украшеній его... Стѣны этого одноэтажнаго дома побѣдены, а

выступающая зонтомъ крыша подпирается даже круглыми деревянными колоннами. Посреди дома ворота полукруглой аркой... Черезъ эти ворота, для ускоренія пути, часто водили подсудимыхъ „романовцевъ“ на судъ...

Остальные дома города—избы сѣрыя, монотонныя, безъ побѣлки, безъ красочнаго пятна... Кое-гдѣ попадаются, въ особенности внутри дворовъ, настоящія юрты...

Улицы не мощенныя... Фонари рѣдки... Пыль отчаянная, въ особенности, когда городовые мирно метутъ улицы, точно они столичные дворники... Тротуарные мостки деревянные, въ ужасномъ видѣ, не биты даже гвоздями, всѣ въ дыркахъ... Въ городѣ нѣсколько магазиновъ, гдѣ, на ряду съ чаемъ, сахаромъ и конфетами, продаются мѣховыя рубашки-кушачки, ружья, револьверы, патроны...

Есть базаръ, гдѣ можно купить гребень или шкатулку изъ мамонтовой кости и красивую, но тяжелую бобровую шапку за 25 рублей... Бобровые воротники, дорогіе мѣха чернобурой лисицы, соболя съ блескомъ, бѣлаго, какъ снѣгъ, песка, продаются на простыхъ уличныхъ рундучкахъ... Правда, и боберъ не камчатскій, но соболя высокой марки!..

У крупнаго сибирскаго купца Громова большая комната якутскаго дома вся завалена мамонтовыми клыками *).

*) Свѣдѣнія о мамонтовомъ промыслѣ любезно сообщены мнѣ представителемъ фирмы Громовъ и К^о.

За ними ѣздятъ къ побережью Ледовитаго океана, раскинутому между впадающими рѣками Индигиркой и Яной. Кромѣ того, ѣздятъ на западъ за рѣку Колыму, на берегахъ которой въ обвалившейся „мерзлотѣ“ (прослойкахъ мѣшаннаго съ землей вѣчнаго льда) находятъ торчащіе клыки. Они желтые и лучше, чѣмъ синеватые, выбрасываемые моремъ. И потому весной якуты ищутъ клыки, плавая въ лодочкахъ по рѣчкамъ, складываютъ на берегахъ, а зимой ѣздятъ санями собирать. На пологомъ „Фадѣевскомъ острову“ и отмели—„Святомъ Носу“ промышленники проводятъ цѣлое лѣто и возвращаются съ добычей только зимой.

Ежегодно, уже около 100 лѣтъ, „къ ярмаркѣ“ въ Якутскѣ привозятъ отъ 1000 до 1500 пудовъ этихъ клыковъ. Сами клыки—громадные, круглые, сажени полторы-двѣ длиною, а вѣсомъ около шести пудовъ. На всю Россію существуетъ въ Москвѣ большая фабрика Богомеловыхъ, гдѣ изъ нихъ выдѣлываютъ шары для билліарда и гребни. Скупкой клыковъ на мѣстѣ, кромѣ Громова, занимается еще и фирма Кушнарева. Обѣ фирмы отправляютъ лучшіе экземпляры клыковъ за границу. На мѣстѣ клыкъ обходится за пудъ до 25 рублей, а цѣлый клыкъ (средній) стоитъ рублей сто пятьдесятъ, при чемъ на московскую фабрику партей продается по 30—35 рублей за пудъ.

Лѣтъ пятнадцать назадъ клыки продавались по 70 рублей пудъ. Тогда дороже стоилъ провозъ и, кромѣ того, былъ больше спросъ на клыки. Но, съ появившейся искусной поддѣлкой слоновой кости,

этотъ промыселъ падаетъ и подвозъ все уменьшается...

Торговли въ самомъ мертвенно-тихомъ городѣ никакой, такъ какъ каждый закупаетъ на цѣлый годъ впередъ все нужное во время ежегодной ярмарки на торговыхъ паузахъ, прибывающихъ сплавомъ по Ленѣ и останавливающихся цѣлой флотиліей у берега. Развлеченій тоже никакихъ, кромѣ заѣзжающихъ лѣтомъ балагановъ-цирковъ, жалкихъ своей бѣдностью и полнымъ отсутствіемъ изобрѣтательности. Для безконечной зимы, безпросвѣтно темныхъ дней, для забвенія отъ дикихъ морозовъ, замораживающихъ мысль, есть общественное собраніе, въ которомъ пьютъ хлѣбный квасъ (вмѣсто недоступнаго здѣсь пива!), играютъ въ карты и даютъ изрѣдка любительскіе спектакли.

— „Пойдемъ выпить!“—значить здѣсь: пойдемъ распить бутылку кваса...

Старинная деревянная башня, старинная церковь, нѣсколько обыкновенныхъ церквей, изъ которыхъ въ двухъ служатъ по-якутски... Губернаторскій домъ—въ родѣ небольшого помѣщичьяго въ деревнѣ...

Окружный судъ въ большой избѣ, съ мезониномъ и колоннами на фасадѣ, производитъ тяжелое впечатлѣніе какого-то надругательства надъ храмомъ правосудія... Грязный, запущенный...

Въ городѣ имѣются извозчики—одноконныя высокія брички, а по улицамъ ѣздятъ запряженные въ оглобли низкорослые быки, иногда лѣтомъ тя-

нушіе сани вмѣсто повозокъ... При восьми тысячахъ жителей въ Якутскѣ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ. Производствъ мѣстныхъ никакихъ абсолютно. Поэтому здѣсь фунтъ свѣчей доходилъ въ своей стоимости до 85 копѣекъ, керосинъ до 1 руб. за фунтъ и только водка пользуется тутъ, какъ и вездѣ въ Россіи, привилегіей—она не бываетъ дороже 55 копѣекъ бутылка; да всегда можно дешево купить чай цыбикомъ и въ развѣсъ бумажнымъ кулькомъ...

Передъ нашимъ пріѣздомъ въ Якутскъ сюда зимою прибыла партія пива. Оказалось, что въ пути она вся замерзла... Когда пиво оттаяли, оно было мутно и горьковато на вкусъ. Какъ быть?! Вспомнили, что за нятьсотъ верстъ живетъ одинъ сумасшедшій, бывший нѣкогда пивоваромъ. Рѣшили его выписать,—авось вспомнить, какъ поправить бѣду. Привезли. Сумасшедшій взялся и началъ манипулировать. Все шло хорошо и даже торжественно. Всѣ очень охотно исполняли малѣйшее его распоряженіе. И, вдругъ, въ присутствіи всѣхъ, въ томъ числѣ и дамъ, онъ совершенно неожиданно и съ невѣроятной быстротой сдѣлалъ нѣчто такое съ пивомъ, что заставило немедля же вылить въ помойную яму все количество драгоценнаго напитка...

Теперь въ городѣ оставалось лишь нѣсколько бутылокъ пива и оно продавалось только избраннымъ...

Хотя время прибытія парохода никому не было извѣстно, меня встрѣтили мѣстные политическіе,

случайно находившіеся на берегу, помогли съ вещами, довели домой... И я сразу же окунулся въ атмосферу ихъ жизни, интересовъ. Они заранѣ наняли для насъ лучший домъ въ Якутскѣ. И, тѣмъ не менѣе, первое, съ чѣмъ подошелъ ко мнѣ, мило улыбаясь, А. С. Зарудный, была коробка далматскаго порошка...

— Это я для васъ заранѣ приготовилъ, — сказалъ онъ, протягивая солидную банку порошка.

— Что вы?! — Да развѣ я въ клоповникъ прѣхалъ? — спросилъ я въ изумленіи.

— Полюбуйтесь, — отвѣчалъ А. С., какъ всегда кратко, и указалъ на стѣну, — вѣдь живая!

Я глянулъ и ахнулъ. Ничего подобнаго не видѣлъ въ жизни!

Стѣны буквально копошились... Клопы, точно пчелы около улья, выползали изъ щелей стѣны и безопасно ползали по ней...

Къ ночи мы оставили кровати отъ стѣны и обвели ихъ лентой далматскаго порошка, точно заколдованнымъ кругомъ, а затѣмъ засыпали имъ постель во всѣхъ направленіяхъ... Ложась спать, мы съ А. С. долго не могли переговариваться, такъ какъ оба отчаянно чихали...

— И это каждый вечеръ? — спросилъ я.

— Обязательно! — отвѣчалъ А. С., звучно чихая...

По окончаніи слушаніемъ „Романовскаго“ дѣла, мнѣ посчастливилось познакомиться сравнительно близко съ якутами. Мы оба побывали у нихъ на первомъ съѣздѣ, обсуждавшемъ нужды края. Съѣздъ

состоялъ главнымъ образомъ изъ настоящихъ или бывшихъ улусныхъ головъ, т.-е. волостныхъ старшинъ, а также и болѣе образованныхъ якутовъ. Происходилъ съѣздъ съ разрѣшенія губернатора. Засѣданіе его было открыто въ большомъ амбарѣ безъ оконъ, но съ хорошими дверьми, окованными желѣзными полосами. Деревянные полы украшались устланными коврами. Стулья были поставлены только для стариковъ и для насъ—А. С. и меня. Начался съѣздъ чтеніемъ выдержки изъ газеты о положеніи ссылки и пригѣтственной рѣчью къ намъ. Говорили на якутскомъ языкѣ, но для насъ все дословно переводили. Всѣ указывали на то, какъ ссылка разоряетъ край, заставляетъ „оковывать двери“ отъ уголовныхъ, какъ тяжело и безъ того полуголоднымъ якутамъ содержать невѣдомыхъ пришельцевъ... Жаловались и на политическую ссылку—на тяготу навязываемаго надзора за ссылными... Мы оба тоже говорили: объяснили—почему произошелъ „романовскій“ протестъ, чего хотѣли добиться ссылные... Такъ какъ положеніе политическихъ на мѣстахъ болѣе всего зависитъ отъ улусныхъ головъ, иногда почти безконтрольно вѣдающихъ пространствами, равными площади Швейцаріи, я увѣренъ, что эти рѣчи „двухъ почетныхъ гостей изъ Санктъ-Петербурга“ были не бесполезны для положенія „государственныхъ“...

Съѣздъ закончился торжественнымъ постановленіемъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ отѣнѣнн ссылки въ Якутскую область...

Затѣмъ мы всѣ снялись группой, для чего спе-

ціально былъ приглашенъ фотографъ изъ ссыльныхъ политическихъ...

Затѣмъ мы получили приглашеніе поѣхать въ наслегъ...

Эта поѣздка оставила во мнѣ на всю жизнь глубокое воспоминаніе. Я увидѣлъ, какъ живутъ политическіе ссыльные въ Якутской области... Я увидѣлъ ихъ юрты—эти полуземлянки, разбросанныя среди открытой кочковатой равнины на громадныхъ разстояніяхъ одна отъ другой... Страшное одиночество, заброшенность... По выходѣ изъ юрты мнѣ захотѣлось выть отъ отчаянія...

Якуты угостили импровизаціей тягуче-ноющихъ пѣсень, національными блюдами, приготовленными изъ заболони—молодой сосновой коры на молокѣ...

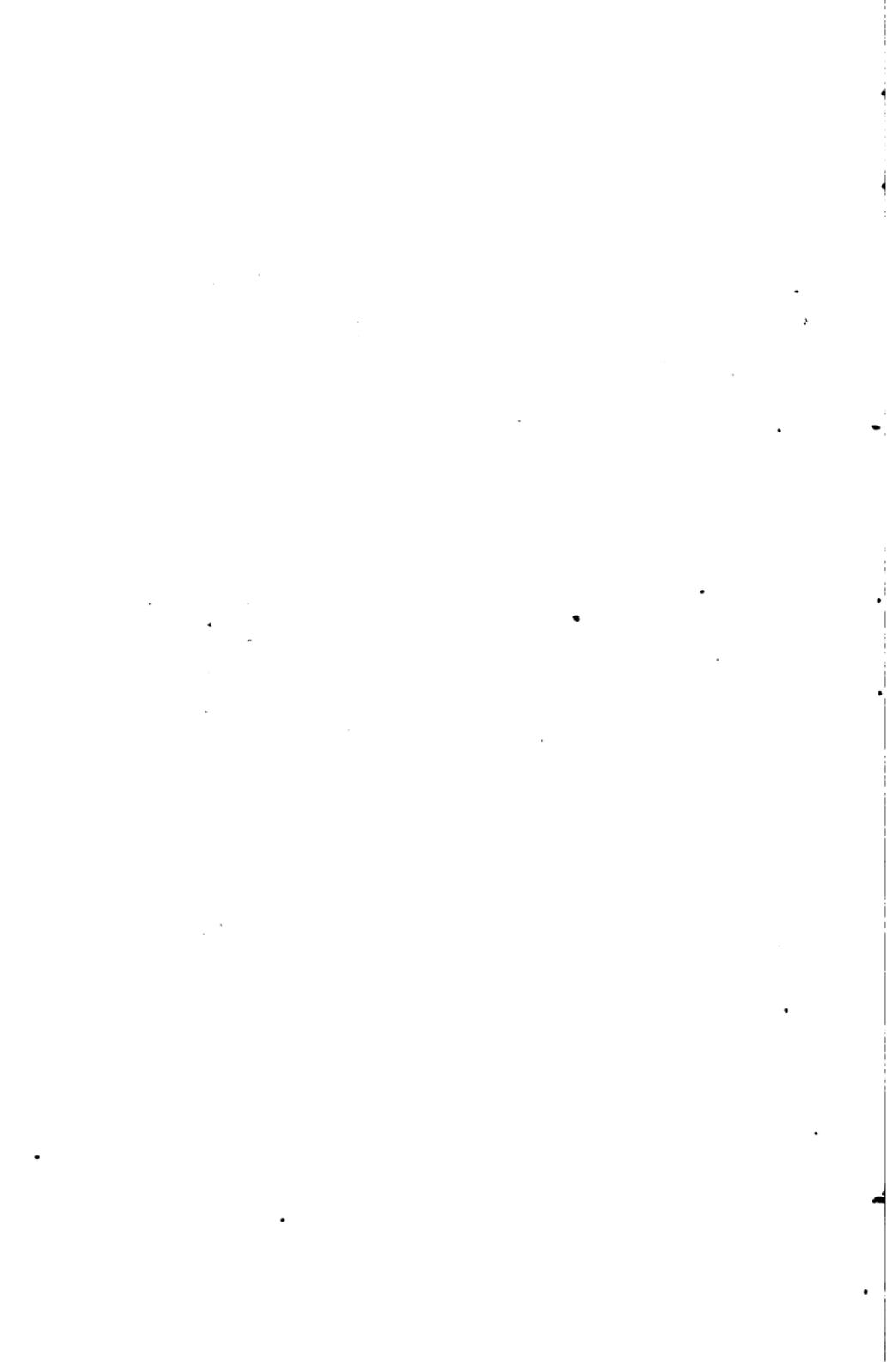
Сами якуты произвели хорошее впечатлѣніе. Среди нихъ пока очень мало интеллигенціи. *На весь народъ* десятокъ не больше. Высшее учебное заведеніе окончилъ одинъ единственный чловѣкъ—докторъ Сокольниковъ... Но якуты живой, гостепріимный народъ, интересующійся всѣмъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ... И дай имъ Богъ всяческаго культурнаго процвѣтанія...

Я не буду останавливаться ни на условіяхъ жизни ссыльныхъ въ Якутской области, ни на подробностяхъ „Романовскаго“ процесса. Что касается быта политическихъ, то о немъ я посильно рассказалъ въ „Правѣ“ (ноябрь и декабрь 1905 г.), помѣстивъ здѣсь полубеллетристическую статью „Якутская область и ссылка“, вошедшую затѣмъ

Къ стр. 216.

Юрта политическихъ

и въ мой сборникъ „За Право!“¹⁾ О процессѣ вышла большая книга П. П. Теплова, гдѣ исчерпывающе собраны всѣ матеріалы, относящіеся сюда, въ томъ числѣ и моя рѣчь о фактическихъ обстоятельствахъ дѣла.

Эта рѣчь выпущена, кромѣ того, отдѣльной брошюрой въ народномъ изданіи „Донской Рѣчи“²⁾...

Что же повторяться?!

Но на нѣкоторыхъ чертахъ жизни политическихъ въ Якутской области я не могу не остановиться.

Первые, кто ко мнѣ обратились „по дѣлу“ изъ „политическихъ“, были... контрабандисты! Эти люди перевозили за плату черезъ границу нелегальную литературу. О политикѣ они не имѣли ни малѣйшаго представленія и не интересовались ею. Тѣмъ не менѣе, ихъ сослали, какъ политическихъ, и теперь селили вмѣстѣ съ послѣдними. О ихъ роли соглядатаевъ меня сразу же предупредили остальные ссыльные...

Пришедшіе ко мнѣ просили составить имъ прошеніе о помилованіи...

Этого рода случайныхъ гостей политической ссылки часто смѣшиваютъ съ настоящими „государственными“... Одинъ якутъ жаловался мнѣ на отвратительные обманы политическаго. Когда я

¹⁾ Владиміръ Беренштамъ «За Право!» 3-е изданіе О. Н. Поповой. 1906 г.

Имѣется въ переводѣ: «Aus dem Leben der Verschickten» «Berliner Tageblatt», 1905 г., № 90—118.

²⁾ В. Беренштамъ «Рѣчь защитника по Якутскому процессу». 1906 г.

разспросилъ, то оказалось, что обидчикъ именно изъ такихъ „политическихъ“... И мнѣ стоило большого труда разъяснить якуту, что такіе „политическіе“ еще не политическіе и что бранить ихъ за такого „товарища“ несправедливо...

Тюрьма Якутска оказалась самой обыкновенной сибирской: одноэтажный тѣсный домъ съ нѣсколькими флигелями. Все окружено деревяннымъ частоколомъ заостренныхъ кверху палей...

Какъ всегда, начальникъ тюрьмы съ перваго же слова началъ жаловаться на переполненіе тюрьмы заключенными:—Вы не можете себѣ представить, *что я вытерпѣлъ* отъ этого переполненія тюрьмы, — говорилъ онъ, забывая что вытерпѣли задыхавшіеся другъ у друга на головѣ заключенные...

А ихъ въ тюрьмѣ было дѣйствительно черезчуръ много. Однихъ обвиняемыхъ по дѣлу якутскаго протеста 55 человекъ!... Здѣсь же я засталъ Ергина, отбывавшаго наказаніе за убійство исправника въ Колымскѣ, подвергшаго истязанію политическаго, который затѣмъ покончилъ съ собою, и Минскаго, убившаго конвойнаго офицера при попыткѣ изнасиловать дѣвушку, шедшую этапомъ въ партіи политическихъ...

Политическіе произвели на меня чрезвычайно сильное впечатлѣніе... Лица ихъ выдѣлялись своей интеллигентностью...

Несмотря на безысходную тяжесть заброшенной и одинокой жизни въ самыхъ глухихъ наслеггахъ, нѣкоторые политическіе все же развиваются, идутъ впередъ. Нужны только книги и товарищи, могу-

ще оказать поддержку... А горячаго желанія учиться всегда много...

Попавъ въ тюрьму, обвиняемые романовцы, главнымъ образомъ, рабочіе, занялись своимъ самообразованиемъ...

Рабочихъ было невозможно отличить отъ университетскихъ людей...

Лекція студента Викера по физикѣ въ Якутской тюрьмѣ.

Были организованы лекціи.

— Гдѣ Ольга В.? — спросилъ однажды прибывшій въ тюрьму для предварительнаго слѣдствія прокуроръ.

— На лекціи химіи въ бундовской камерѣ, — отвѣчали ему и провели въ камеру бундовцевъ...

И прокурору не показалось страннымъ, что въ

тюрьмѣ идутъ лекціи, есть свои профессора... Вѣдь это было естественно для него, присмотрѣвагося къ политическимъ...

Конечно, мои впечатлѣнія Якутска во многомъ черезъ-чуръ поверхностны... Вѣдь все время, все вниманіе поглощались защитой, изученіемъ дѣла... На все я смотрѣлъ уже съ точки зрѣнія выгодъ и нуждъ процесса, не глазѣя по сторонамъ, какъ лошадь въ шорахъ смотритъ только прямо, на свою дорогу...

Кромѣ того, о многомъ видѣнномъ и слышанномъ пока не пришла пора писать... Надо помолчать...

Но у меня сохранились весьма цѣнные автобіографическія замѣтки нѣкоторыхъ политическихъ, переданныя въ Якутскѣ и выясняющія: какъ кто „сдѣлался политическимъ“, какъ попалъ въ ссылку и отчасти чтó переживалъ тамъ... Вотъ онѣ...

1.

Родился я въ глухомъ уѣздномъ городкѣ въ 1867 г.

Отецъ и мать изъ бывшихъ крѣпостныхъ помѣщицы Z. Ко времени моего рожденія отецъ былъ рабочій - столяръ, считался мастеромъ своего дѣла, но страдалъ запоємъ. Былъ хорошо начитанъ въ Библію; подвыпивши, любилъ вести богословскіе разговоры и споры и потѣшалъ скучающихъ купцовъ, за рюмку водки, сообщеніями изъ „Адскихъ газетъ“ сатирически-обличительнаго характера. Когда мнѣ было полтора гола, онъ пропился въ наем-

щики за 300 руб. и протрубилъ 9 лѣтъ въ Самаркандѣ за сына какого-то богатѣя - крестьянина. Мать навилась въ кухарки при Х. больницѣ, и я прожилъ съ ней на кухнѣ до окончанія курса въ приходскомъ и городскомъ училищахъ. Глядя на участь матери и остальной прислуги, чувствуя на себѣ гнетъ положенія этихъ „домашнихъ рабовъ“, я съ ранняго дѣтства инстинктивно возненавидѣлъ барство и произволь, чему въ значительной степени содѣйствовали и рассказы бабушки объ ужасахъ крѣпостного права и звѣрствахъ помѣщиковъ надъ ихъ крѣпостными „душами“. И мнѣ страстно захотѣлось „выйти въ люди“. Осмысленный интересъ къ знанію у меня развилъ классный учитель послѣднихъ двухъ классовъ городского училища, а сознаніе человѣческаго достоинства пробудили во мнѣ двое повстанцевъ 1863 г., поляковъ, отбывшихъ многолѣтнюю каторгу и сосланныхъ подъ надзоръ въ нашъ богоспасаемый Х. Они много содѣйствовали и моему умственному развитію, первые отнесли по-человѣчески къ шустрому и способному „кухаркину сыну“. А ихъ рассказы о „повстаніи“ были, кажется мнѣ, первыми толчками къ развитію „неблагодѣтельного“ образа мыслей, къ пробужденію критическаго взгляда на окружающее. Своего отца я впервые увидѣлъ на 11-мъ году. За всю жизнь встрѣчалъ его лишь разъ пять. Онъ, попрежнему, страдалъ запоемъ и мать не хотѣла съ нимъ жить. Умеръ онъ пьянымъ, отмороживъ себѣ руки и ноги, въ больницѣ, когда я былъ уже фельдшеромъ. Кончивъ городское училище, я съ

матерью переѣхалъ въ N., гдѣ она снова была вынуждена наняться въ прислуги, а я поступилъ въ земскую фельдшерскую школу, получалъ 10 р. стипендіи и жилъ по кухнямъ. Способности были у меня отличныя, и, окончивъ курсъ, я немедленно получилъ мѣсто фельдшера въ большомъ селѣ В. на самостоятельномъ пунктѣ. Мнѣ было тогда 17^{1/2} лѣтъ. За 9 мѣсяцевъ жизни въ селѣ я перечиталъ буквально все, что можно было достать изъ жалкихъ остатковъ когда-то богатой помѣщицѣй библіотеки и на рукахъ у мѣстныхъ „интеллигентовъ“. Но положеніе фельдшера съ его вынужденнымъ полужнаиствомъ, при сознаніи громаднѣйшей нравственной отвѣтственности за участь массы больныхъ, на ряду съ неудержимымъ стремленіемъ учиться дальше, заставили меня огорчить мать, первый разъ въ жизни вздохнувшую было свободно безъ рабскаго ярма домашней прислуги. И мы снова перебрались съ ней въ N.; тамъ я еще полгода фельдшерствовалъ при земской больницѣ, но въ то же время готовился къ поступленію въ N—ское землемѣрное училище. Выдержавъ пріемный экзаменъ, я поступилъ туда, получивъ опять 10-ти рублевую стипендію, безъ которой не могъ бы существовать. Мать нанялась чинить старое бѣлье при больницѣ, я поселился съ ней и мы прожили такъ три года при самой ужасной обстановкѣ. И землемѣрное училище я кончилъ съ большимъ успѣхомъ. Три года моего пребыванія въ немъ были въ то же время самыми важными для выработки моего общественно-политическаго міровоззрѣнія. Они про-

шли въ усиленномъ самообразованіи и кружковыхъ занятіяхъ, обсужденіяхъ соціально-политическихъ и экономическихъ вопросовъ, злѣбъ дня тогдашней русской жизни и мысли. Я и нѣсколько моихъ товарищей были первыми „доморощенными марксистами“ въ нашихъ палестинахъ, когда на журнальномъ и книжномъ рынкѣ было еще „тихо“ съ Марксомъ. Окончивъ землемѣрное училище, я началъ стремиться получить высшее образованіе.

Единственно доступнымъ оказался мнѣ Сельскохозяйственный и Лѣсной Институтъ. Тамъ я проработалъ всего годъ и во время студенческихъ беспорядковъ 1890 г., когда были исключены 64 товарища, я былъ однимъ изъ ста человѣкъ, изъ солидарности съ ними подавшихъ прошенія объ увольненіи. Насъ всѣхъ исключили безъ права обратнаго поступленія, а Институтъ былъ закрытъ на три года. Дальше въ Россіи мнѣ ходу не было по стезѣ образованія и я рѣшилъ поѣхать за границу, имѣя на первое время нѣсколько денегъ, дружески предложенныхъ однимъ изъ товарищей-земляковъ. Но тутъ случилось „печальное недоразумѣніе“ — Департаментъ полиціи задержалъ мой отъѣздъ на цѣлыхъ 8 или 10 мѣсяцевъ, смѣшавъ меня съ однофамильцемъ N—комъ же, незадолго предъ тѣмъ эмигрировавшимъ за границу. За это время я усиленно занимался самообразованіемъ и велъ кружковыя занятія. Наконецъ, весной 1891 г. я пріѣхалъ въ Цюрихъ, за полгода усвоилъ нѣмецкій языкъ настолько, что могъ уже и слушать лекціи и понимать ораторовъ на собраніяхъ. Лѣ-

томъ бродилъ по горахъ Швейцаріи и въ Сѣверной Италіи.

Въ университетѣ слушалъ высшую математику и занимался практическими работами по физикѣ. Кромѣ того, слушалъ лекціи по общественнымъ наукамъ. Затѣмъ я слушалъ лекціи и работалъ практически въ электро-техническомъ институтѣ, но плохая матеріальная обстановка, семейныя работы (къ этому времени я женился и имѣлъ ребенка), а также переутомленіе—значительно ухудшили мое и безъ того плохое здоровье. Къ хроническимъ невралгіи и полной болевой нечувствительности лѣвой половины тѣла прибавилась острая неврастенія въ тяжелой формѣ. Доктора строго запретили напряженный умственный трудъ. Пришлось бросить электротехнику. Къ этому времени умерла въ Россіи моя мать. Проживъ съ полгода въ Вѣнѣ, мы уѣхали на родину. Тамъ я пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ—это было въ 1895 г., объѣздилъ много городовъ, наслушался вдоволь разговоровъ и наспорился о тогдашнихъ злободневныхъ вопросахъ русской общественной мысли—въ самый разгаръ полемики марксистовъ съ народниками. Потомъ я снова уѣхалъ въ Австрію, случайно избѣжавъ ареста въ Варшавѣ и на границѣ, а жена съ двумя дѣтьми поселилась въ М., гдѣ живетъ и теперь. До конца 1898 г. я прожилъ въ Вѣнѣ, живо интересуясь глубоко-поучительной борьбой австрійскаго рабочаго класса за всеобщее избирательное право, развитіемъ антисемитизма, національной борьбой чеховъ съ нѣмцами, аграрно-соціали-

стическимъ движеніемъ въ Галиціи и Венгріи. На эти темы я сталъ писать корреспонденціи и статьи въ русскихъ газетахъ и журналахъ. Помѣщалъ отдѣльныя корреспонденціи въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „Сынѣ Отечества“ и „Сѣверномъ Курьерѣ“, сотрудничалъ въ „Новомъ Словѣ“, „Образованіи“, Научномъ Обзорѣніи“, „Жизни“ и „Началѣ“. Занимался и переводами съ нѣмецкаго. Въ 1898 г. былъ временно въ Швейцаріи, весною объѣздилъ Балканскій полуостровъ до Константинополя, а затѣмъ снова поселился въ Швейцаріи, избравъ мѣстожительствомъ тихій, невыразимо скучный Бернъ, гдѣ началъ готовиться къ экзамену на доктора философіи, но скоро долженъ былъ уѣхать въ Женеву, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Россію съ иностраннымъ паспортомъ, чтобы не быть арестованнымъ на границѣ „по старой памяти“. Непредвидѣнныя обстоятельства, наперекоръ желанію, заставили меня поѣхать въ Питеръ. Тамъ двое знакомыхъ литераторовъ, — одинъ бывшій ссыльный, а другой — теперь уже эмигрантъ, — по роковому для моей дальнѣйшей судьбы невѣдѣнію, втюрили меня ночевать къ теперь извѣстному провокатору, который донесъ, куда слѣдуетъ, о моемъ пребываніи, и съ этого дня меня цѣлыхъ двѣ недѣли травила цѣлая свора питерскихъ, а потомъ зубатовскихъ ищеекъ. Я могъ бы сразу вернуться за границу, да не хотѣлось бросать начатаго, думалъ переждать. Но въ А. былъ арестованъ ночью на улицѣ зубатовскимъ шпиономъ и препровожденъ въ Б. На первомъ допросѣ Зубатовъ и Сазоновъ

не знали „съ чего начать“, — кромѣ жалкихъ агентурныхъ свѣдѣній о моихъ знакомствахъ кое съ кѣмъ изъ „подозрительныхъ“ лицъ, у нихъ ничего не было. Зато, какъ они сіяли на второмъ допросѣ, когда уже получили доносъ провокатора. „Теперь уже мы знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, — повторяли они. Провокаторъ донесъ имъ, что я, будто бы, участвовалъ за границей на социаль-демократическихъ сѣздахъ, былъ редакторомъ газеты и т. п. Никакихъ формальныхъ уликъ и ничего, кромѣ доноса провокатора, у нихъ не было. Но Сазоновъ, съ цинизмомъ жандарма, утѣшалъ меня тѣмъ, что „не успѣете вы доѣхать до Сибири — у насъ уже будутъ формальныя улики“. А, въ ожиданіи уликъ, меня сослали „охраннымъ“ порядкомъ на 5 лѣтъ въ Якутскую область за „политическую неблагонадежность“. Такъ сказано и въ моемъ статейномъ спискѣ. „Не въ счетъ абонемента“, меня уже послѣ приговора выдержали 5 мѣсяцевъ въ „одиночкѣ“ иркутской тюрьмы, хотя я пріѣхалъ въ Иркутскъ за двѣ недѣли до отправки зимней партіи 1900 г. въ Якутскую область изъ Александровска. Доставили меня въ г. Вилюйскъ. Тамъ я прожилъ около двухъ лѣтъ. Скука и обиліе дичи сдѣлали изъ меня страстнаго охотника. Съ ранней весны до глубокой осени я бродилъ по тайгѣ, болотамъ и озерамъ съ двустволкой за плечами и собакой, что неудивительно послѣ восьмимѣсячной „зимней спячки“ въ своей камерѣ. Въ февралѣ 1903 г. былъ приглашенъ участвовать въ Нельканъ-Аянской экспедиціи, какъ

землѣбрь. Сверхъ того, занимался въ ней изученіемъ экономическаго быта майскихъ туземцевъ и антропометрическими измѣреніями ихъ. Черезъ полгода, съ окончаніемъ работъ экспедиціи, пріѣхалъ въ Якутскъ какъ разъ передъ самымъ разгаромъ „Кутайсовщины“. Привыкши на цивилизованномъ Западѣ высоко цѣнить право личной неприкосновенности, уважать чужое и свое человѣческое достоинство, я не могъ терпѣть возведенныхъ Кутайсовымъ въ систему издѣвательства и поруганія человѣческаго достоинства моихъ товарищей-революціонеровъ, всѣхъ политическихъ ссыльныхъ... Поэтому я участвовалъ въ протестѣ „Романовцевъ“, начавшихъ борьбу съ позорнымъ для ссылки режимомъ, созданнымъ циркулярами графа Кутайсова. Теперь за это „одна дорожка торная“ привела насъ всѣхъ къ каторгѣ, лишь еще болѣе укрѣпивъ глубокое сознаніе правоты нашего общаго дѣла.— „Свобода жертвъ искупительныхъ просить“.

2.

Грузинъ. Родился я въ 1882 г. въ с. Z. на Кавказѣ. Отецъ мой причетникъ. Я—единственный сынъ. По профессіи—слесарь. Отецъ отдалъ меня въ духовное училище и мечталъ видѣть меня священникомъ. Мое сердце не лежало къ этому. Я въ дѣтствѣ мечталъ больше о хорошемъ конѣ, оружіи, о волѣ, о горахъ. Изъ 3-го класса духовнаго училища былъ исключенъ за ссору съ учи-

личнымъ надзирателемъ. Поступилъ въ городское ремесленное училище, которое и кончилъ. Будучи еще ученикомъ, я былъ очевидцемъ рабочей демонстраціи, съ завистью смотрѣлъ на знаменосца и тогда же далъ себѣ слово, что, когда вырасту и буду на демонстраціи, то нести знамя никому не позволю, а понесу самъ. По окончаніи училища въ 1899 г., я вскорѣ же поступилъ работать въ главныя казенныя желѣзнодорожныя мастерскія въ Х. Вскорѣ я тамъ познакомился съ нелегальной литературой на грузинскомъ языкѣ. Въ августѣ 1900 г. былъ арестованъ (во время одной стачки), просидѣлъ два мѣсяца и высланъ на родину. Черезъ два мѣсяца былъ уже снова въ Х. и скоро снова поступилъ въ ж.-д. мастерскія. Въ 1901 г. былъ арестованъ на демонстраціи, обвинялся, кромѣ того, въ храненіи и распространеніи нелегальной литературы, хотя при обыскѣ ничего не найдено. Просидѣлъ въ тюрьмѣ $6\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ и выпущенъ до приговора подъ особый надзоръ полиціи. Послѣ этой демонстраціи я сдѣлался ярымъ сторонникомъ вооруженныхъ демонстрацій.

5 мѣсяцевъ былъ безъ работы, но потомъ удалось опять пристроиться. Въ 1902 году получилъ приговоръ и высланъ въ А. подъ надзоръ на 1 годъ. Въ А. работалъ на монтажѣ, въ жел.-дорожн. мастерскихъ. Затѣмъ, во время вооруженной демонстраціи, былъ знаменосцемъ. Демонстрація была очень удачна, мы всѣ разошлись по домамъ благополучно. Но, спустя короткое время, я былъ арестованъ дома и при обыскѣ найдены бро-

шюры и прокламаціи. Обвинялся въ храненіи и распространеніи и какъ знаменосецъ на демонстраціи. Сначала сидѣлъ въ А—ской тюрьмѣ, но потомъ, за участіе въ тюремныхъ беспорядкахъ, переведенъ въ В—скую тюрьму, гдѣ тоже принималъ участіе въ беспорядкахъ. Дѣло началось по слѣдующему поводу. Въ А. моя камера оказалась рядомъ съ кухней и стѣнка кухонной плиты, всегда горячая, выходила въ мою камеру. При забитыхъ наглухо окнахъ, при вѣчно запертыхъ дверяхъ и кавказской жарѣ было невыносимо душно. Несмотря на заявленія, окно не отворяли, и я въ концѣ концовъ разбилъ и изломалъ все, что было возможно, начиная съ мебели, дверей, оконъ и кончая печной стѣнкой. Въ В. въ 1903 году получилъ приговоръ—4 года Восточной Сибири. Въ ноябрѣ т. г. выѣхалъ въ Сибирь. До Самары дорога была тяжелая: товарищей почти не было, тюремная администрація (въ пересыльной тюрьмѣ) была груба и совершенно незнакома съ порядками отправки и пересылки политическихъ ссыльныхъ. Въ Самарѣ и дальше намъ было несравненно лучше. На допросахъ показанія давалъ отрицательныя...

3.

Крестыанка Х-ской губ., 21 года. Семейство въ настоящее время состоитъ изъ матери и 4-хъ дѣтей. Старшая сестра замужемъ за рабочимъ, младшая—сельской учительницей и младшій братъ

только что кончилъ техническое училище. Я училась два года въ заводскомъ училищѣ, гдѣ научилась читать и очень плохо писать. Впослѣдствіи, временами и со случайными учителями, я пополняла свое образованіе и почти прошла программу 4-хъ классовъ женск. гимн.

Отець умеръ 15 лѣтъ тому назадъ, оставивъ мать съ семью дѣтьми. Онъ былъ машинистомъ на лѣсопильномъ заводѣ. Мать на послѣднія средства купила маленькій домикъ въ городѣ Z-ской губ. и часть дома сдавала квартирантамъ. Жили мы въ крайней нуждѣ, находя случайную работу, напр., шитье или стирку бѣлья. Старшій братъ, который три года тому назадъ умеръ, жилъ не съ нами, а работалъ чертежникомъ, сначала на заводѣ, потомъ въ большихъ городахъ. Пріѣзжая разъ въ годъ или разъ въ два года, братъ говорилъ о рабочемъ движеніи, рисовалъ картины ихъ жизни, указывалъ на ихъ нужду и разъяснял, какъ можно имъ помочь. Мы, т.-е. дѣти, были еще малы, и слова брата относились къ матери, но такъ какъ мы находились тутъ же, то быстро воспринимали всѣ идеи брата, о которыхъ онъ говорилъ. Все это очень запечатлѣлось въ моей душѣ и направило меня на ту дорогу, на которой я теперь стою. Скоро я стала жить вмѣстѣ съ этимъ братомъ на заводѣ. Однажды я замѣтила на столѣ книжечку подъ заглавіемъ „Первое мая“. Я ее прочла съ большимъ удовольствіемъ и, послѣ этого, я всегда искала на столахъ и между книгами подобныхъ книжечекъ. Скоро по-

лиція попросила брата оставить заводъ. Онъ уѣхалъ въ Х. Хотя мнѣ было 9 лѣтъ въ это время, но взглядъ на рабочихъ, подъ вліяніемъ брата, быстро перемѣнился. Несмотря на то, что я всегда до этого времени жила среди рабочихъ, я не понимала хорошенько ихъ жизни. Они отталкивали меня своей грубой жизнью, грязнымъ видомъ и многимъ другимъ, и только, узнавъ отъ брата, отъ чего это все происходитъ, я стала относиться иначе.

Въ Х. братъ былъ арестованъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ и былъ высланъ въ г. А., куда скоро пріѣхала и я. Братъ иногда посылалъ меня къ товарищамъ съ порученіями, и я никогда не была такъ счастлива, какъ въ эти минуты, такъ какъ чувствовала, что я могу хоть крупицу приносить пользы. Всѣ товарищи производили на меня очень хорошее впечатлѣніе, и надо сказать, что я была въ это время большой идеалисткой и считала всѣхъ ихъ чуть ли не святыми. Скоро братъ заболѣлъ чахоткой и умеръ, а я уѣхала въ Б., думая прежде подготовиться и выдержать экзаменъ на телеграфистку. Но когда я пошла и подала прошеніе объ этомъ, то получила отказъ. Три мѣсяца я ходила безъ работы и копейки денегъ и мнѣ частенько приходилось голодать, такъ какъ я не хотѣла одалживать денегъ, хотя мнѣ всегда предлагали. Въ 1901 году я поступила на должность въ народную бібліотеку. Съ этого времени жизнь какъ-то закипѣла, и я не успѣла опомниться, какъ попала въ тюрьму. Работать въ

революціонномъ дѣлѣ и разбираться въ программѣ С.-Д. я, конечно, не могла, но чувствовала, что это дѣло хорошее, и когда мнѣ поручали что-нибудь дѣлать, то все это я дѣлала съ большой охотой и радостью. Спустия всего годъ работы, я пошла на демонстрацію, которую устроили студенты и рабочіе, — была арестована и обвинялась за участіе въ ней. Въ тюрьмѣ я просидѣла 15 мѣсяцевъ. За все мое сидѣнье въ тюрьмѣ были три голодовки и нѣсколько бунтовъ, послѣ которыхъ многихъ изъ нашихъ высылали въ другія тюрьмы. Въ числѣ высылаемыхъ была и я. Меня высылали въ М-ую тюрьму. Не доѣзжая двухъ станцій до М., при передачѣ другому конвою, меня не приняли безъ фотографіи и я вернулась въ Б-скую тюрьму. Черезъ два мѣсяца я получила приговоръ — на три года.

4.

31 годъ. Родился въ Z. Отецъ занимался частными уроками. Учился я въ гимназіи, вышелъ изъ 7-го класса по собственному желанію. Полоса нашла: презрѣніе къ казенному образованію и всякимъ дипломамъ и желаніе развязать себѣ руки для „великихъ дѣлъ“. Росъ въ домѣ, который былъ въ этомъ мертвомъ захолустномъ городѣ единственнымъ очагомъ тогдашнихъ революціонеровъ народниковъ, зачитывавшихся Миртовымъ и Чернышевскимъ, фанатиковъ „конституціи“ сверху,

большей частью учениковъ мѣстной семинаріи. Чуть не съ пеленокъ я привыкъ къ обыскамъ, которые регулярно производились у насъ по нѣсколько разъ въ году. По выходѣ изъ гимназіи, живаль по долгу въ уѣздныхъ городахъ Z-ской губ., гдѣ мы культуртрегерствовали среди безпросвѣтной тьмы, внося въ свое дѣло горячее, хотя необоснованное знаніями и страшно сумбурное, революціонное настроеніе. У насъ въ Z. существовало даже нѣчто въ родѣ центра, который разсылалъ по всей губерніи партизанскіе, революц.-культурническіе отряды. Помню свою жизнь въ X.: насъ пріѣхало трое изъ Z., — кромѣ меня еще одинъ ученикъ фельдшерской школы, такой же неосмысленный, какъ я, и одна учительница, нашъ шефъ, чуть не вдвое старше насъ. Мы предлагали еврейскому населенію свои услуги въ качествѣ „шрайберъ“ — учителей чистописанія. Набирали подростковъ 14—18 лѣтъ, занимались съ ними у насъ на квартирѣ и повели дѣло такъ, что подростки толпами шли на наши бесѣды, чтенія и занятія. Взимали мы съ ученика по 50 коп. въ мѣсяць и натурой — по бѣлой субботней булѣ по пятницамъ. Ими мы питались всю недѣлю. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я съ товарищами устроилъ побѣгъ одной распропагандированной нами, рвавшейся къ свѣту, дѣвушкѣ. Я принималъ дѣятельное участіе въ ея укрывательствѣ (*исключительно* изъ идейныхъ побужденій: родители-тираны до крови полосовали веревками связанную дѣвушку, когда заставляли ее за книжкой) и долженъ былъ оставить X... Между

тѣмъ исторія эта взбудоражила весь губернской городъ Х.: бѣглянку искали цѣлыя отряды наемныхъ и добровольныхъ ищущихъ, губернаторъ приказалъ полиціи всячески содѣйствовать родителямъ, нѣсколько человѣкъ было исключено изъ фельдшерской и акушерской школь...

Однако, я увлекся, надо сократить. Съ 1890 г. по 1895-й я учительствовалъ, большею частью, на югѣ, отъ революціи отбился и сталъ типичнымъ культурникомъ. Но скоро меня, говоря высокимъ слогомъ, стошнило... Около этого времени попался мнѣ въ руки объемистый отчетъ (цензурный, теперь библиографическая рѣдкость) о дѣлѣ 1 марта 1881 года. Онъ всего меня перевернулъ. Ни одна книга не производила на меня такого впечатлѣнія. Бросивъ свою школу, я помчался въ А., отыскалъ хорошаго человѣчка, прочелъ нѣсколько брошюрокъ, сталъ штудировать Маркса. Тогда же сталъ принимать участіе и въ движеніи, но довольно неудачно. Проработалъ чернорабочимъ въ —скомъ порту нѣсколько мѣсяцевъ, но не вынесъ и серьезно заболѣлъ. Осенью 1897 г. уѣхалъ за границу. Прибылъ съ нѣсколькими копейками безъ всякихъ видовъ на средства въ Парижъ. Тамъ работалъ грузовщикомъ на берегу Сены. Потомъ устроился корреспондентомъ въ двухъ русскихъ провинціальныхъ газетахъ; затѣмъ занялся вообще газетной работой въ разныхъ органахъ, главнымъ образомъ, провинціальныхъ, писалъ фельетоны, политическую хронику и т. п... Зарабатывалъ отъ 30 до 300 руб. въ мѣсяцъ. Въ Парижѣ слушалъ,

но очень нерегулярно, лекции на *ès lettres* и *ès sciences*, — состоялъ во всевозможныхъ организаціяхъ, главнымъ образомъ близкихъ къ одной газетѣ, устраивалъ курсы, бібліотеку и т. д. для живущихъ въ Парижѣ рабочихъ изъ Россіи, которыхъ тамъ до 10 тысячъ, преимущественно евреевъ. Осенью 1899 г. вернулся нелегально въ Россію, но черезъ 5 мѣсяцевъ долженъ былъ снова уйти за границу. Жилъ короткое время въ Швейцаріи, Лондонѣ и т. д. Въ 1901 году окончательно вернулся въ Россію, работалъ раньше на сѣв.-западѣ, потомъ состоялъ членомъ З. Комитета. Послѣ демонстраціи былъ арестованъ, но черезъ двѣ недѣли выпущенъ. Во время разъѣздовъ по дѣламъ газеты былъ арестованъ въ поѣздѣ. Меня обвиняли какъ члена редакціи газеты и участника нѣсколькихъ организацій. Сидѣлъ въ тюрьмѣ 15 мѣсяцевъ. Участвовалъ въ 4-хъ голодовкахъ (11 дней, 6, 5 и 2). Приговоръ—5 лѣтъ Восточной Сибири. По пути въ Сибирь были стольновенія. Былъ назначенъ въ Верхоянскъ...

Въ одной заграничной газетѣ обо мнѣ было сказано: „арестованъ террористъ“. Такое свѣдѣніе не вѣрно: я принципиальный противникъ террора.

5.

48 лѣтъ, грузинъ, крестьянинъ, земледѣлецъ, собственной земли не имѣю. Женатъ, 8 душъ дѣтей, старшему 16 лѣтъ. Родился въ Кутаисск. губ. Въ селеніи на сходкахъ я всегда

указывалъ крестьянамъ на неправильныя дѣйствія властей, такъ какъ зналъ нѣкоторые циркуляры бывшихъ губернаторовъ. Въ послѣднее время наше экономическое положеніе было очень угнетенное. Всюду раздавались голоса, что такъ жить нельзя. Къ этому времени съѣхались въ деревняхъ рабочіе, высланные за стачку изъ Батума и Тифлиса; они выступали на сходкахъ и указывали намъ, какъ дѣйствовать. Незадолго до этого въ деревняхъ стали появляться прокламаціи и нелегальная литература, которая я читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Агитація приняла широкіе размѣры и начались волненія. Въ нашу деревню пріѣхалъ губернаторъ и спрашивалъ о причинахъ недовольства. Со стороны крестьянъ говорилъ въ качествѣ уполномоченнаго я. Я указалъ губернатору на циркуляръ одного изъ его предшественниковъ, гдѣ говорилось, что помѣщики имѣютъ право брать съ насъ только $\frac{1}{10}$ и т. д. Присутствовавшій тутъ же помѣщикъ указалъ губернатору на меня, какъ на застрѣльщика. Губернаторъ на этотъ разъ ограничился тѣмъ, что занесъ меня въ записную книгу. Боролись мы противъ поповъ, не хотѣли давать имъ требы (драма), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ прямо стригли. Но боролись преимущественно противъ помѣщиковъ-феодаловъ, которые буквально выматывали изъ насъ душу. Въ 1902 г. я былъ арестованъ и препровожденъ въ Кутаисск. тюрьму, гдѣ просидѣлъ одинъ годъ. Высланъ былъ на 8 лѣтъ въ Верхоянскъ Якутской области. Въ Якутскъ прибылъ въ 1904 г...

6.

Я родился въ Z. въ 1864 году. Воспитывался въ гимназiи, откуда былъ исключенъ изъ 6-го класса за „превратный образъ мыслей“. Въ 1885 году поступилъ въ ветеринарный институтъ. Въ 1886 г. держалъ въ Дерптѣ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Въ 1887 году уѣхалъ за границу въ Брюссель, гдѣ посѣщалъ Академію художествъ до 1890 г. Подъ вліяніемъ идей, имѣвшихъ много общаго съ ученіемъ гр. Толстого, какъ я узналъ послѣ, я покинулъ академію и сдѣлался простымъ маляромъ-рабочимъ. Работалъ я и жилъ до 1898 г. гдѣ придется, больше всего въ Швейцаріи и на югѣ Франціи. Съ русскими въ продолженіе этихъ 8 лѣтъ встрѣчался мало. Въ 1898 г. я вернулся въ Брюссель. Въ этомъ и отчасти въ слѣдующемъ 1899 г. пережилъ очень тяжелый внутренній поворотъ: сначала присталъ было къ кружку людей, центромъ которыхъ былъ Элизе Реклю, а потомъ къ социаль-демократамъ. Въ 1901 году вернулся въ Россію и жилъ нелегально подъ чужой фамиліей. Въ 1902 г., послѣ студенческихъ беспорядковъ, былъ арестованъ и, послѣ восьмимѣсячнаго заключенія, сосланъ до приговора въ X., а по приговору въ 1903 г. въ Восточную Сибирь на 3 года. Въ ноябрѣ, по нелѣпому доносу урядника, былъ сосланъ въ Якутскую область (Верхоянскъ), куда, однако, не по-

паль, присоединившись къ протестовавшимъ противъ Кутайсовскихъ циркуляровъ товарищамъ.

7.

Мнѣ 32 года. Я еврей. Отецъ — древне-еврейскій писатель, но гонорара не беретъ по принципу. Для поддержанія жизни занимается торговлей. Отецъ, мать, ихъ отцы, т.-е. мои дѣдушки, живы и живутъ въ Z. Старшій братъ, купецъ, живетъ въ P., ему 42 года; второй, ювелиръ, отбываетъ срокъ ссылки по политическому дѣлу въ Сибири, ему 33 года; младшій эмигрировалъ въ 1893 г. въ Америку, гдѣ и акклиматизировался, ему 30 лѣтъ.

До 13 лѣтъ я изучалъ талмудъ и библію. Въ 13 лѣтъ поступилъ въ еврейскую типографію учиться наборному дѣлу. До 17 лѣтъ я не зналъ ни одного европейскаго языка, такъ какъ не учился ни у кого и впоследствии никто со мной не занимался. Заинтересованный содержаніемъ произведеній Тургенева, я принялся за чтеніе романа „Новь“ при помощи русско-еврейскаго словаря и черезъ короткое время уже свободно читалъ книги на русскомъ языкѣ. Осенью 1889 г. я уѣхалъ изъ дому въ X., куда я ѣхалъ съ опредѣленной цѣлью, найти соціалистовъ, сойтись съ ними и вмѣстѣ съ ними защищать народъ, какъ я себя представлялъ тогда роль соціалиста. И мнѣ въ этомъ посчастливилось. Я очень скоро столкнулся

съ „отголосками“ стараго „Пролетаріата“, а затѣмъ съ нѣкоторыми изъ его членовъ, оставшимися на свободѣ послѣ разгрома „Пролетаріата“. Въ X. я научился по-польски. Въ 1891 г. я былъ арестованъ, просидѣлъ 8 мѣсяцевъ въ „павильонѣ“ и былъ высланъ на родину. До 1898 г. жилъ въ разныхъ городахъ Россіи и былъ нѣсколько разъ арестованъ. Въ 1898 г. меня арестовали, но выпустили по недоразумѣнію, и я перешелъ тогда на нелегальное положеніе. При всѣхъ этихъ арестахъ у меня ничего не найдено компрометирующаго или „предосудительнаго“, а держали меня, главнымъ образомъ, за отказъ дать показанія или же по указаніямъ сыщиковъ и предателей.

Съ 1898 г. я жилъ, главнымъ образомъ, въ N., а по временамъ, когда становилось туговато, ѣздилъ за границу, преимущественно въ Англію. Впервые я попалъ туда въ 1899 г. и, проученный горькимъ опытомъ, что за границей плохо безъ знанія языка, сразу же застрѣлъ на пять мѣсяцевъ, чтобы научиться по-англійски. Впослѣдствіи ѣздилъ въ Англію по преимуществу. Въ 1901 г. меня снова арестовали, на этотъ разъ съ личнымъ. Найдено при мнѣ—типографскій станокъ безъ шрифта, паспортныя книжки чистыя и прокламаціи по поводу тогдашнихъ событій. Меня отправили сначала въ X., а затѣмъ въ N. и заключили въ крѣпость. Мнѣ предъявили обвиненіе въ принадлежности къ партіи и въ знакомствѣ съ Карповичемъ. Я показалъ слѣдующее:

„ни къ какой революціонной организаціи я не принадлежу, но, какъ соціалистъ, сочувствую всякому революціонному движенію и готовъ всѣми силами помочь. На вопросы о знакомствѣ, а равно, гдѣ жилъ я въ послѣдніе три года, отвѣчать не буду“. Меня вызывали еще нѣсколько разъ, но я ничего не писалъ и на вопросы ничего не отвѣчалъ. Въ моемъ дѣлѣ была предательница М, а также провокаторъ! Въ крѣпости я просидѣлъ до конца 1902 г., безъ свиданій, въ отдѣльномъ коридорѣ. Приговоръ мой подписанъ — на 5 лѣтъ Восточной Сибири. Назначенъ въ Колымскъ. Жизнь въ тюрьмѣ не угнетаетъ меня и, при выходѣ изъ тюрьмы, я сейчасъ же принимаюсь за работу...

Я женатъ. Жена англичанка... Она пріѣхала за мной въ Россію... Остальное никому не интересно...

8.

И отецъ мой, и мать были сербы, переселившіеся въ Россію, мать изъ Королевства, а отецъ съ самаго юга Далматинскаго побережья, гдѣ сходитъ граница Австріи, Турціи и Черногоріи и гдѣ живетъ нашъ старый родъ, въ общемъ въ трехъ государствахъ до 150 душъ мужского пола. За свою жизнь отецъ перебивалъ и турецкимъ, и черногорскимъ, и австрійскимъ подданнымъ. Родился я въ Z. въ 1868 г. Отецъ въ то время служилъ начальникомъ станціи по желѣзнымъ до-

рогамъ, мѣста мѣнялъ довольно часто, такъ что мы нигдѣ долго не заживались. Мать умерла, когда мнѣ было года полтора; осталось насъ четверо дѣтей — три сестры и я. Двухъ старшихъ взяла къ себѣ тетка и онѣ уѣхали въ X., а мы двое остались у бабушки и жили въ Z., наѣзжая иногда на пару мѣсяцевъ въ гости въ X. Мнѣ было около шести лѣтъ, когда тетя переселилась на Кавказъ, и съ тѣхъ поръ мы воспитывались у нея всѣ четверо. Она была женщина добрая, но доброту ея я научился цѣнить только позднѣе. Ласками она ея не проявляла, полагая, что дѣтей надо воспитывать въ строгости. Мы росли въ комфортабельной средне-буржуазной обстановки и жили мы — дѣти — дружной семьей. Въ столкновенияхъ со старшими всегда стояли одинъ за другого. Особенно нѣжное чувство связывало меня съ младшей сестрой, такъ что, когда сестеръ повезли въ N. учиться, то, чтобы не разлучаться съ нею, меня сдали на нѣкоторое время въ семью къ начальницѣ пансіона, гдѣ я попалъ въ компанію съ ея сыновьями гимназистами и реалистами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я вернулся къ тетѣ на Кавказъ и годъ прожилъ одинокимъ ребенкомъ, чуждаясь другихъ дѣтей, такъ какъ не могъ принимать участія въ ихъ играхъ по причинѣ грыжи, которую получилъ вскорѣ послѣ смерти матери. Читать я выучился еще у бабушки (сначала на сербскомъ языкѣ). И вотъ въ это время я пристрастился къ чтенію, читалъ безъ разбора, между прочимъ проглотилъ довольно много лубочной литературы, ко-

торуку добываль у служащихъ на желѣзной дорогѣ. „Милордъ Англійскій“, „Битва русскихъ съ кабардинцами“, „Гуакъ“, „Францискъ Венеціанъ“, „Бова Королевичъ“ — обо всѣхъ этихъ вещахъ у меня сохранились самыя хорошія воспоминанія.

Эти рыцарскіе романы достаточно подготовили мое воображеніе и наполнили дѣтскую душу жаждою подвиговъ, когда началось возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ и затѣмъ турецкая война. У насъ въ домѣ много говорили объ этомъ, братъ моей матери уѣхалъ въ Сербію добровольцемъ, дѣдушка организовалъ сборы пожертвованій. Съ ненасытною жадностью слушалъ я эти разговоры, я зналъ наперечетъ всѣхъ героевъ этой войны и до сихъ поръ помню иллюстраціи въ журналахъ, изображавшія турецкія звѣрства въ Болгаріи, и рассказы о подвигахъ герцеговинскихъ и черногорскихъ воеводъ. Тогда впервые возникло въ душѣ моей возмущеніе противъ угнетенія, горячее сочувствіе къ угнетеннымъ.

Эти впечатлѣнія дѣтства на нѣсколько лѣтъ опредѣлили направленіе моихъ мечтаній и думъ. Тѣмъ болѣе, что когда я поступилъ въ гимназію, то на первыхъ порахъ подчинился вліянію учителя русскаго языка, который сразу отиѣтилъ меня и принялъ во мнѣ большое участіе. Это былъ — славнофилъ, гуманистъ съ добрымъ сердцемъ и расплывающимся въ неопредѣленную ширь міросозерцаніемъ, произносившій горячія проповѣди о конечномъ торжествѣ добра и знанія передъ второ- и третьеклассниками, старавшимися навести его на

эти темы, чтобы не отвѣчать урока. — „Да вы, юноша, социалистъ“, — какъ-то апострофироваль его, впрочемъ, въ добродушномъ тонѣ, нашъ старшій директоръ, всѣхъ, и учениковъ, и учителей безразлично называвшій юношами. Въ это время, рядомъ съ Майнъ-Ридомъ, Куперомъ и Жюль-Верномъ, я читаль Бодянского, Венелина, Гильфердинга, и голова моя въ первые годы гимназической жизни была занята историческимъ правомъ придунайскихъ и др. славянъ. Съ однимъ приятелемъ-украинофиломъ мы по часамъ простаивали передъ картой Европы, возбуждая насмѣшки товарищей и разсуждая объ уничтоженіи синекуры для Габсбурговъ и о созданіи федеративнаго славянскаго государства. Помню, я былъ во второмъ или третьемъ классѣ, когда по поводу возстанія въ Кривошии (или гдѣ-то около — тамъ Австрія вводила тогда воинскую повинность) я писалъ въ Австрію письма къ своимъ двоюроднымъ братьямъ, приглашая ихъ присоединиться къ повстанцамъ.

Вторымъ этапомъ и тоже раннимъ моего развитія было — отношеніе къ религіи. Поэзія религіознаго чувства не была мнѣ доступна даже въ первые годы моего дѣтства. Одно изъ самыхъ раннихъ, чуть брезжущихъ воспоминаній моихъ рисуетъ мнѣ, какъ мой дѣдъ ставилъ меня и мою младшую сестру рядомъ съ собою на колѣни на долгую молитву. Вѣроятно, поэтому съ молодыхъ ногтей съ представленіемъ о религіи у меня связалось ощущеніе скуки и принужденія. Въ гимназій это чувство только усилилось, потому что насъ

гоняли каждую субботу ко всеобщей и каждый праздник къ обѣднѣ. Во второмъ классѣ мнѣ попался въ руки Вольтеръ, и я сразу сталъ атеистомъ. Потомъ, когда въ шестомъ и седьмомъ классахъ мнѣ пришлось познакомиться съ религиозно-философской пропагандой Льва Толстого, несмотря на то потрясающее впечатлѣніе, которое произвела на меня, наприм., „Исповѣдь“ (въ исканіяхъ смысла жизни я тогда помышлялъ о самоубійствѣ), я все-таки оказался воспримчивымъ только въ критической части его ученія, въ то время, какъ нѣкоторые товарищи сдѣлались Толстовцами, а иные и до сего дня такъ и остались...

Къ этому же времени и съ тѣмъ же ограниченіемъ прошло надо мною и вліяніе Писарева. Внѣшнимъ образомъ оно проявилось въ томъ, что меня исключили изъ гимназіи за экзаменаціонное сочиненіе, въ которомъ я, по Писареву, излагалъ, что мысль всегда должна находиться въ оппозиціи съ существующимъ строемъ.

Гораздо болѣе глубокое вліяніе оказалъ на меня Михайловскій и въ особенности Миртовъ. Я не помню книги, которая бы произвела на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ „Историческія письма“. Къ этому же времени относится и мое первое знакомство съ нелегальной революціонной литературой. Организованныхъ кружковъ у насъ въ гимназіи не было, но кой у кого изъ насъ были связи съ периферіей революціоннаго движенія и въ 7 и въ 8 классахъ мнѣ попадали въ руки отдѣльные номера „Народной Воли“, „Чернаго Передѣла“...

Помню, я даже переписывал программы этих организаций, но плохо в них тогда разбирался, такъ что не рѣшался ихъ распространять среди товарищей и позднѣе среди рабочихъ.

Въ 1888 г. я кончилъ гимназію и поступилъ на медицинскій факультетъ N-скаго университета. Тогда было время затишья студенческой жизни, послѣ разгрома 1887 г., и только создавались кружки саморазвитія. Я принялъ участіе въ нѣсколькихъ сразу. Въ одномъ мы читали „Основы народничества“ Юзова. Изъ этого кружка потомъ вышло нѣсколько толстовцевъ, опростившихся и осѣвшихъ на землю. Въ другомъ мы занимались политической экономіей, читали Милля съ примѣчаніями Чернышевскаго, Иванюкова, Маркса. Руководилъ занятіями этого кружка X. X., бывшій тогда на четвертомъ курсѣ, потомъ ушедшій на каторгу по дѣлу Софіи Гинзбургъ. Затѣмъ я толкался еще въ нѣсколькихъ кружкахъ, которые, впрочемъ, быстро распались; былъ въ то время въ N. еще одинъ кружокъ революціонеровъ-интеллигентовъ, поддерживавшихъ сношенія съ рабочими. Я не вошелъ въ этотъ кружокъ, но зналъ и встрѣчался съ нѣкоторыми членами его. Съ рабочими я вступилъ въ сношенія помимо вѣдома этого кружка. Дѣло произошло такимъ образомъ: весною 1889 г., послѣ ареста X. X., мнѣ пришлось ликвидировать кой-какія его дѣла. При этомъ мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ членовъ центрального кружка рабочихъ, который и пригласилъ меня для кружковыхъ занятій съ ними. Кромѣ

центрального кружка, состоявшего человекъ изъ 10, было еще въ периферіи около 40 человекъ, затронутыхъ движеніемъ. Центральный кружокъ тоже былъ арестованъ.

Это былъ народъ довольно образованный, кое-кто изъ нихъ могъ выдержать по политической экономіи дискуссію со студентомъ-юристомъ. Большинство изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ считали чуть не 10-лѣтнюю революціонную давность и не одно поколѣніе интеллигенціи занималось съ ними. Вскормленные учениями интеллигентовъ-народовольцевъ, они силою вещей, опережая теорію, оцупью наталкивались на путь отклоненія отъ народовольчества и начали приблизительно такую же работу, какую потомъ вели первыя соціалъ-демократическія организаціи. Этотъ кружокъ далъ въ Н. почву и для перваго теоретическаго размежеванія съ народовольчествомъ и народничествомъ. Въ этомъ смыслѣ массу работы совершилъ товарищъ М., одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ революціонеровъ, съ которымъ мнѣ только приходилось встрѣчаться, еще изъ V-го класса реального училища ушедшій въ рабочую среду и въ революціонное движеніе...

Меня освободили, затѣмъ снова арестовали и сослали... Но объ этой полосѣ жизни мнѣ неудобно рассказывать. .

9.

Родители мои были зажиточные люди; отец мой, купец 1-й гильдии, занимался закупкой хлеба для отправки через Либаву за границу. Шести лѣтъ я началъ обучаться еврейской грамотѣ въ „хедерѣ“ и одновременно русской. Къ восьми годамъ я прошелъ старый завѣтъ и приступилъ къ изученію Талмуда. Большую часть дня посвящалъ древне-еврейскому языку. На десятомъ году я, желая попасть въ реальное училище, выступилъ изъ хедера и сталъ готовиться къ экзамену. Число званныхъ евреевъ было такъ велико, а число избранныхъ такъ мало, что пришлось подготовиться къ 4 классу, дабы попасть во второй. Я выдержалъ и былъ принятъ во 2 классъ въ 1894 г. Въ 1899 г. я кончилъ реальное училище и былъ принятъ въ Z-скій Политехническій Институтъ на агрономическое отдѣленіе, хотя подавалъ на механическое. Произошло это отъ того, что въ 1899 г., послѣ студенческихъ беспорядковъ, былъ изданъ циркуляръ, чтобы евреевъ принимали на всѣ отдѣленія въ процентномъ отношеніи ($7\frac{1}{2}\%$) къ числу поступающихъ христіанъ на каждое отдѣленіе, а не съ общаго числа христіанъ и на то отдѣленіе, куда еврей пожелаетъ, какъ это было прежде, дабы евреи не сконцентрировались только на двухъ отдѣленіяхъ, механическомъ и химическомъ, а были разсѣяны по всѣмъ шести отдѣленіямъ института. Ни мнѣ, ни другимъ евреямъ со-

вершено не интересно было оставаться на агрономическомъ отдѣленіи, откуда, по окончаніи, всё пути для евреевъ закрыты, и мы черезъ годъ перевелись на механическое отдѣленіе, благо переводъ съ одного отдѣленія на другое не былъ запрещенъ. Въ 1901 и 1902 гг. я участвовалъ въ студенческихъ „беспорядкахъ“, но исключенъ не былъ. Въ 1902 году меня арестовали по предательству портного Х., извѣстнаго среди Z-скихъ рабочихъ подъ именемъ Алтера и выдавшаго всю Z-скую организацію Бунда. Онъ показалъ про меня слѣдующее: осенью 1900 г. я поступилъ въ Z-скую организацію Бунда и сталъ заниматься съ жестянниками по исторіи культуры. Осенью 1901 г. я, продолжая заниматься съ ними теоретически, сдѣлался однимъ изъ руководителей цеха жестянниковъ въ его практической работѣ. Зимой 1901 г. я поступилъ въ центральную сходку всѣхъ ремеслъ въ качествѣ одного изъ представителей отъ цеха жестянниковъ. Въ началѣ 1902 г. я перешелъ изъ цеха жестянниковъ и сталъ однимъ изъ руководителей соединенной сходки трехъ ремеслъ—шапочниковъ, сапожниковъ и портныхъ, въ которой былъ и предатель Алтеръ. Я состоялъ кассиромъ этихъ ремеслъ. Весной 1902 г. у насъ образовался Комитетъ Бунда, куда я поступилъ членомъ.

31 августа, днемъ, я былъ арестованъ въ Z. и отправленъ въ слѣдственную тюрьму. 5 сентября мнѣ было предъявлено жандармскимъ ротмистромъ вышеизложенное обвиненіе. Я отвѣтилъ, что ничего знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. 21 де-

кабря кончилось слѣдствіе по моему дѣлу и постановили—выпустить меня до суда подъ залогъ въ 10000 руб. Такой свободной суммы у родителей не оказалось и до 22 февраля 1903 г. родители хлопотали объ уменьшеніи залога до 5000 руб., за каковую сумму я былъ выпущенъ на волю до суда. 12 августа 1903 г. меня арестовали и объявили приговоръ, по которому я административнымъ порядкомъ ссылаюсь на 5 лѣтъ въ Восточную Сибирь... 9 сентября я пріѣхалъ въ Иркутскъ на собственный счетъ, что было мнѣ разрѣшено по болѣзни сердца. Такъ какъ я опоздалъ къ отправкѣ послѣдней лѣтней партіи, то я содержался въ Иркутской тюрьмѣ до установленія зимняго пути. Въ концѣ ноября я со второй зимней партіей отправился въ Якутскъ, куда прібылъ 25 декабря. Въ Якутскѣ мнѣ объявили о моемъ назначеніи въ Батурусскій улусъ...

10.

Мнѣ—20 лѣтъ. Семейство и по настоящее время состоитъ изъ отца, матери, сестры (старшая) и двухъ братьевъ—одному 15 лѣтъ. Отецъ безъ опредѣленныхъ занятій. Былъ приказчикомъ при винномъ складѣ, жалованья получалъ 25 руб.

Въ 1897 г. въ г. Z. была введена монополія и отецъ остался безъ должности. Бѣдствовалъ нѣсколько лѣтъ, пока онъ оставилъ семью на произволь судьбы и уѣхалъ искать заработка. Почти

цѣлые два года отъ него—ни слуха, ни духа. Какъ выяснилось потомъ, онъ странствовалъ по разнымъ городамъ, но ничего опредѣленнаго не нашель. Работать ему приходилось исключительно „черную работу“, ибо никакого опредѣленнаго занятія онъ не зналь, а желудокъ требоваль питанія. Случайно онъ узналь, что въ N., гдѣ онъ находится и въ настоящее время съ семействомъ, живутъ его родственники, отъ которыхъ онъ ожидалъ поддержки. Никакой поддержки онъ отъ нихъ не встрѣтилъ, а лишь по ихъ протекціи получилъ небольшой заработокъ. Въ то время, когда отецъ странствовалъ по разнымъ городамъ и не знали, что съ нимъ дѣлается цѣлые два съ половиною года и семейство очень бѣдствовало, я началъ думать о томъ, какъ бы помочь себѣ и семьѣ, и сталъ думать о работѣ. Къ сожалѣнію, дѣло шло къ зимѣ, такъ что думать о черной работѣ не приходилось, ибо ея не было. Въ это время я понималъ, что такое ужасъ безработицы и какая она—несправедливость среди людей. Но вотъ, по рекомендаціи дяди, который доставляль ящики на табачную фабрику, я, наконецъ, поступилъ на выше-сказанную фабрику, съ жалованьемъ понедѣльно два рубля.

Исполняль роль помощника укупорщика на этой фабрикѣ около года. Но условія жизни, по сравненію съ прежними, когда я поступилъ, стали невыносимы. При разговорахъ, которые мнѣ приходилось вести съ нѣкоторыми изъ рабочихъ, по поводу существующихъ условій жизни на фабрикѣ,

мы пришли къ единому заключенію, что путемъ стачки намъ удастся улучшить наше положеніе. Стачка осуществилась и спустя три недѣли, когда стачка еще продолжалась, хозяинъ пытался возобновить работу посредствомъ нѣсколькихъ рабочихъ (стариковъ); такъ какъ эта работа особенной специальности не составляетъ, то эти старики могли бы научить новыхъ рабочихъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. И такимъ образомъ работа пошла бы по-прежнему. Но не тутъ-то было. Какъ только мы объ этомъ узнали, то стали стараться убѣдить рабочихъ стариковъ этого не дѣлать. Несмотря на убѣжденія, эти рабочіе приняли на себя инициативу осуществить мысль фабриканта. На фабрикѣ стало работать уже нѣсколько десятковъ рабочихъ. Тогда мы призвали нѣсколько сочувствующихъ рабочихъ и, путемъ насильственныхъ дѣйствій, удалось намъ снять стариковъ. Самъ я лично, какъ и остальные рабочіе по моему дѣлу, прямого активнаго участія не принимали. Тѣмъ не менѣе, по просьбѣ фабриканта, мы 5 человекъ были арестованы жандармскимъ полковникомъ. Поводомъ для хозяина непремѣнно насъ 5 человекъ арестовать, а не другихъ послужило именно то, что мы 5 человекъ предъявили требованія хозяину и разъяснили ему, чѣмъ вызваны эти требованія. Привлекался я за подстрекательство рабочихъ къ забастовкѣ и насильственнымъ дѣйствіямъ. Приговоръ получилъ—4 года Восточной Сибири. За демонстрацію въ тюрьмѣ при отправкѣ въ Сибирь получилъ прибавку 1 годъ. За содѣйствіе въ по-

бѣгѣ административному ссыльному былъ назначенъ въ Якутскую область. Участвовалъ въ 1902 г. въ устройствѣ баррикадъ и протестѣ въ Александровской тюрьмѣ по поводу необъявленія намъ мѣстъ назначенія.

11.

Мнѣ 22 года. Отецъ мой домовладѣлецъ, дворянинъ, секретарь Полицейскаго Управленія, умеръ, когда мнѣ было 7 лѣтъ. Матери я лишился за 4 года до этого. Въ 1887 г. я былъ отданъ въ институтъ для малолѣтнихъ сиротъ въ Z., гдѣ воспитывался на казенный счетъ; а когда институтъ былъ закрытъ, я былъ взятъ на воспитаніе попечительницей-сестрой, получивъ право на пособіе въ 300 рублей ежегодно, впредь до окончанія обученія. Въ 1891 г. поступилъ въ гимназію, а въ 1898 г. вышелъ оттуда изъ 7 класса, съ лишеніемъ права на пособіе, чтобы ѣхать на помощь голодающимъ. По возвращеніи съ голодовки, жилъ уроками. Въ это время я привлекался по обвиненію въ участіи въ якобы нелегальномъ кружкѣ учащихся, но, по отсутствію уликъ, оправданъ. Въ 1900 г. уѣхалъ въ N., приглашаемый въ земскую статистику. Въ 1900 же году перешелъ на ту же службу въ X-ское земство. Тамъ я служилъ и жилъ вмѣстѣ съ братомъ, который въ 1901 г. уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ покушался на жизнь высшаго сановника. Меня разыскивали. Я явился въ Петербургъ въ Охранное отдѣленіе просить сви-

данія съ братомъ. Меня арестовали и предъявили обвиненіе въ соучастіи съ нимъ. По показанію квартирной хозяйки, я давалъ брату деньги передъ его отъѣздомъ. Соучастіе въ покушеніи я отрицалъ. Пробывъ въ домѣ предварительнаго заключенія 9 мѣсяцевъ, въ февралѣ 1902 г. я подалъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ лицъ, заявленіе на имя министра юстиціи о несовершенствѣ суда современнаго „третьяго отдѣленія“ съ требованіемъ рассмотрѣнія нашихъ дѣлъ гласнымъ порядкомъ или немедленнаго освобожденія.

Требованіе было подтверждено рѣшительной голодовкой, послѣ которой я былъ выпущенъ до приговора въ X. Здѣсь, по пріѣздѣ, я служилъ до вѣренннымъ у юрисконсульта с.-злат. ж. д. Въ 1902 г. былъ вновь арестованъ. Мнѣ объявили приговоръ—5 лѣтъ Восточной Сибири и, ссылаясь на отсутствіе документовъ обо мнѣ, продержали въ X-свой тюрьмѣ три мѣсяца.

Въ 1902 г. я прибылъ въ Якутскъ, гдѣ былъ назначенъ, для отбытія ссылки, въ Вилюйскій округъ, но, по случаю призыва къ отбыванію воинской повинности, былъ временно оставленъ въ Якутскѣ, гдѣ и занимался сначала уроками, потомъ служилъ городскимъ дезинфекторомъ во время эпидеміи, потомъ письмоводителемъ у мирового судьи. По освидѣтельствованіи, оказался непригоднымъ къ отбыванію воинской повинности, но не былъ отправленъ въ Вилюйскъ, такъ какъ былъ приглашенъ бывшимъ губернаторомъ Скрипицынымъ на должность консерватора въ мѣстномъ музеѣ.

Увольненіе съ этой должности получилъ отъ Чаплина, когда уже былъ въ домѣ Романова за баррикадами.

12.

Сынъ 1 гильдіи купца г. Z., 26 лѣтъ, сдалъ экстерномъ экзаменъ на свидѣтельство зрѣлости при гимназіи въ 1899 г. и осенью того же года поступилъ въ университетъ на физико-математическое отдѣленіе.

Мой отецъ имѣетъ банкирскую контору въ г. Z. Въ семьѣ нашей 7 человекъ дѣтей: старшій братъ— купецъ, младшій— студентъ Берлинскаго ун-та, одна сестра изучаетъ медицину въ Швейцаріи, другая изучаетъ педагогику въ Парижѣ, теперь тоже уѣзжаетъ въ Швейцарію. Арестованъ я былъ осенью 1900 г. въ г. Z. по обвиненію въ принадлежности къ р. партіи, за храненіе и распространеніе нелегальной литературы. Просидѣлъ въ тюрьмѣ $8\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ и былъ освобожденъ подъ залогъ въ 5000 рублей. По выходѣ изъ тюрьмы жилъ въ Z. и др. большихъ городахъ. Въ 1903 г. я былъ арестованъ въ Z. для объявленія приговора (4 года Восточной Сибири) и, на свой счетъ безъ конвоировъ, поѣхалъ въ Иркутскъ, откуда, спустя нѣсколько недѣль, былъ отправленъ съ пересыльной партіей въ Якутскъ. Въ тюрьмѣ при мнѣ никакихъ голодовокъ и никакихъ столкновеній съ администраціей не было. Въ пути, около Киренска, у насъ вышло столкновеніе съ конвоемъ, вызванное

слѣдующимъ обстоятельствомъ: когда товарищи — мѣстные ссыльные, пріѣхавшіе на паузокъ повидаться съ нами, послѣ продолжительнаго и безпрепятственнаго пребыванія у насъ, ушли, мы, по обыкновенію, на прощаніе запѣли пѣсни. Солдаты настолько свыклись съ этимъ обычаемъ, что не обратили вниманія на пѣніе. Но когда одинъ изъ нашихъ товарищей высоко надъ головой поднялъ кусокъ красной матеріи, солдаты закричали, чтобы мы сняли „знамя“. Мы отказались, тогда они бросились на насъ съ прикладами и легко ранили одного товарища, потомъ зарядили ружья и дали залпъ въ воздухъ. Они нѣсколько успокоились, благодаря вмѣшательству старшаго унтеръ-офицера. Конвойный офицеръ составилъ протоколъ о случившемся, причемъ значительно извратилъ факты и придалъ всему весьма ложное освѣщеніе; данъ ли ходъ этому дѣлу или нѣтъ — я не знаю.

Показанія на допросахъ давалъ отрицательныя. Назначенъ былъ въ улусъ Якутскаго округа, гдѣ и проживалъ.

13.

Родился въ 1879 г. Отецъ мѣщанинъ. Имѣеть собственную слесарную мастерскую. Образование получилъ домашнее. 2 года былъ ювелиромъ и граверомъ; по случаю болѣзни глазъ перемѣнилъ занятіе и работалъ все время у отца. Въ октябрѣ 1900 г. былъ арестованъ на общемъ собраніи въ числѣ 180 человекъ, гдѣ имѣлъ быть поставленъ

нелегальный спектакль. Благодаря предательству, было установлено мое участіе въ революціонномъ движеніи и, на основаніи провокатерскихъ указаній, выставлено было противъ меня обвиненіе по ст. ст. 318 и 252. Просидѣлъ въ тюрьмѣ 8 мѣсяцевъ. Показанія давалъ отрицательныя, послѣ чего былъ освобожденъ и высланъ подъ надзоръ. Но былъ вскорѣ вызванъ къ отбытію воинской повинности и признанъ годнымъ къ военной службѣ. Я былъ назначенъ Главнымъ Военнымъ Штабомъ въ Сибирскій военный округъ для продолженія военной службы. Прибылъ въ Штабъ Сибирск. воен. округа, гдѣ былъ назначенъ въ Z., куда и пріѣхалъ черезъ два дня. Тамъ я служилъ подъ надзоромъ. Тогда же я получилъ приговоръ, по Высоч. повелѣнію—лишеніе воинскаго званія и ссылка въ Восточ. Сибирь на 5 лѣтъ. 22 декабря изъ Z-ской тюрьмы выѣхалъ въ Александровскую пересыльную тюрьму для слѣдованія въ Якутскую область. 12 января 1904 г. я выѣхалъ съ 8-й партіей въ числѣ 24 человекъ. По дорогѣ на второмъ станкѣ у насъ вышелъ конфликтъ съ конвойнымъ жандармомъ изъ-за свиданій съ мѣстными политическими ссыльными, но дѣло уладилось миромъ, т.-е. согласился насъ по одиночкѣ пускать въ лавочку, гдѣ и можно было видѣться съ товарищами по ссылкѣ. Въ Усть-Кутѣ у насъ случилось второе столкновеніе съ жандармами съ вмѣшательствомъ мѣстной полиціи. Мы требовали свиданія съ мѣстными ссыльными товарищами и при томъ заявили, что если намъ не удо-

влетворять наши требованія, то мы дальше не поѣдемъ, такъ какъ и лишенные всѣхъ правъ каторжники имѣютъ право на свиданіе, а мы никакихъ правъ не лишены. Когда приставъ заявилъ, что онъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ дать намъ разрѣшеніе видѣться съ мѣстными ссыльными, такъ какъ у него есть циркуляръ, который строжайше запрещаетъ ему дать свиданіе и что даже есть у него инструкція отъ Иркутскаго губернатора, что если партія будетъ настаивать на свиданіи, то взять ее силой и выпроводить изъ села, тогда мы заявили ему, что если онъ не можетъ самъ намъ разрѣшить, то пусть телеграфируетъ губернатору, что мы просимъ свиданія съ товарищами, и что иначе мы не тронемся изъ села въ дальнѣйшую дорогу. Если онъ не можетъ послать телеграмму на свой счетъ, то мы согласны на нашъ счетъ послать. Но онъ ни въ коемъ случаѣ не хотѣлъ эту просьбу удовлетворить, такъ что послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ онъ рѣшилъ дѣйствовать силой и при каждомъ словѣ угрожалъ: „не думайте, мы васъ увеземъ тепленькими“, „вы у насъ не первые, я знаю, какъ съ вами распорядятся“. Урядникъ также вмѣшался въ разговоры, и заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ сдѣлался бы палачемъ и рѣзалъ „политическихъ“, какъ собакъ. Когда мы обратились къ приставу съ просьбою, чтобы онъ не разрѣшалъ уряднику въ его присутствіи говорить дерзостей, то онъ хладнокровно заявилъ, что мы сами этого хотимъ. Какъ видно, ему очень хотѣлось насъ вызвать къ болѣе непріятной развязкѣ. Словомъ, опять говорили и

опять толковали и, въ концѣ концовъ, онъ отдалъ приказъ уряднику взять одного товарища. Тогда мы рѣшили дать отпоръ—окружили его и не дали взять. Урядникъ поднялъ шашку и началъ бить направо и налево, а солдаты прикладами, потомъ и сотскіе со старостою во главѣ. Вотъ началась у насъ свалка. Въ результатѣ оказалось, что мы были всѣ избиты, связаны и выброшены изъ избы въ однѣхъ рубашкахъ безъ шапокъ. А во дворѣ стоялъ ужасный морозъ. Два товарища были такъ контужены, что потребовалась медицинская помощь. Съ однимъ товарищемъ сдѣлались припадки и, несмотря на нашу просьбу развязать его, получили циничный отвѣтъ: „Ничего, умереть—чортъ съ нимъ, меньше однимъ будетъ“. Словомъ, это была дикая до безумія картина. Нѣкоторые крестьяне плакали, глядя на насъ... И такъ связанными насъ посадили въ кошевкахъ, навалили одежду и увезли подъ усиленнымъ конвоемъ до слѣдующаго села; тамъ мы развязались. Нѣкоторые отморозили руки и ноги. Поѣхали дальше до Киренска. Здѣсь написали заявленіе товарищу прокурора Иркутск. окружн. суда, гдѣ изложили все объ истязаніи въ Усть-Кутѣ. Онъ обѣщалъ, что непременно разслѣдуетъ это дѣло и дастъ ему ходъ. Въ Киренскѣ мы опять настаивали на свиданіи съ мѣстными ссыльными, но, въ результатѣ, повторилось то же самое, что въ Усть-Кутѣ, но безъ избіенія и безъ ругательствъ. Такъ связанныхъ насъ увезли оттуда... Дальше протестовать намъ невозможно было, ибо были сильно измучены, какъ физически, такъ и нравственно; но,

начиная отъ Нохтуйска, мы все-таки добились свиданій... 11-го февраля прибыли въ Якутскъ. Получилъ назначеніе въ 180-ти верстахъ отъ Якутска, но туда не пришлось ѣхать, въ виду предстоявшаго протеста.

14.

24-хъ лѣтъ. Родился въ небогатой мѣщанской армянской семьѣ. Раннее дѣтство мое до 9 лѣтъ прошло въ патриархальной обстановкѣ большой родительской семьи. Отецъ благонамѣренный обыватель, владѣвшій домою и виноградникомъ, старался воспитывать и дѣтей своихъ въ томъ же духѣ благонамѣренности. 9-ти лѣтъ я потерялъ мать, чрезвычайно добрую женщину, нѣжно любившую своихъ дѣтей. Отецъ женился вторично и съ появленіемъ мачихи вся атмосфера дома измѣнилась: дѣти постепенно начали покидать родительскій кровъ, попадая къ разнымъ родственникамъ на дальнѣйшее воспитаніе...—Не избѣгъ подобной участи и я... Меня взяла одна родственница. Въ это время, окончивъ армянско-церковно-приходскую школу, я посѣщалъ городское училище. Въ 1892 году, по окончаніи въ немъ курса, я попалъ „практикантомъ“ въ уѣздное казначейство. Въ тяжелой чиновничьей средѣ, изнуряемый ежедневной 12-ти часовой работой, я пробылъ два съ лишнимъ года, подорвавъ основательно свое здоровье, оставилъ казначейство и съ небольшими средствами началъ

искать другіе пути, не для широкой, разумѣется, общественной дѣятельности, а для добыванія куска хлѣба. Самой первой и естественной цѣлью моихъ исканій былъ недалекій городъ, богатый, промышленный Z. Въ 1894 году я поѣхалъ туда и черезъ брата, служившаго на одномъ изъ крупныхъ заводовъ, устроился слесарнымъ ученикомъ въ механическихъ мастерскихъ. вмѣстѣ съ работой шли параллельно у меня и теоретическія занятія—готовился къ поступленію въ низшую или среднюю техническую школу. Черезъ полгода бросилъ работу въ мастерскихъ и занялся предметами для поступленія въ среднюю школу. Въ 1897 г. поступилъ въ реальное училище. Въ 1899 г., успѣшно окончивъ курсъ реального, для продолженія образованія поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, послѣ конкурснаго испытанія, поступилъ въ Технологическій институтъ. Высшее образованіе, еще недавно казавшееся мнѣ чѣмъ-то недоступнымъ, доставшееся мнѣ послѣ упорнаго труда, стало для меня дорогимъ. Я усердно принялся за институтскія занятія, стараясь не „увлекаться“ ничѣмъ постороннимъ. Первый учебный годъ прошелъ спокойно. Успѣшно окончивъ его, я поѣхалъ на практику на желѣзную дорогу. Вернувшись осенью свѣжимъ и бодрымъ, я вновь принялся за прерванныя занятія въ институтѣ. Но заниматься пришлось недолго—началось скоро студенческое движеніе, и я уже второй годъ студентомъ, знакомый съ академическимъ режимомъ, принялъ въ немъ участіе. Послѣ начавшихся репрессій противъ молодежи,

отдачи въ солдаты за участіе въ академическомъ движеніи, движеніе стало интенсивнѣе и привело къ демонстраціи 4-го марта 1901 г. на Казанской площади противъ „Временныхъ правилъ“ объ отдачѣ въ солдаты студентовъ. На этой демонстраціи въ первый разъ я былъ арестованъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ демонстрантовъ, главнымъ образомъ, студентовъ и, послѣ трехнедѣльнаго тюремнаго заключенія, высланъ на родину до приговора. Но вскорѣ вмѣсто приговора получилъ знаменитое „сердечное попеченіе“ министерства Ванновскаго-Мѣщанинова, и я осенью 1901 г. очутился въ Петербургѣ. На мигъ атмосфера измѣнилась: послѣ крутыхъ мѣръ, послѣ недавно полученныхъ нагаекъ на Казанской площади, казалось, настали другія времена. Я сдѣлалъ еще одну и послѣднюю попытку держаться за институтъ—учиться, заниматься. Но неумолимая логика жизни преподала мнѣ иное. Она мнѣ подсказала, что учиться при настоящихъ условіяхъ — невозможно, говоря точнѣе—работать и заниматься намъ при настоящихъ порядкахъ надо не тѣмъ, чѣмъ я думалъ, а „чѣмъ-то другимъ“. Это „что-то другое“ я, пожалуй, какъ и многіе другіе, искалъ еще раньше и одно время думалось, что я его нашель— нашель я его въ „національной идеѣ“. Во исполненіе ея, я началъ оказывать содѣйствіе армянскимъ революціоннымъ организаціямъ. Въ 1898 г., будучи реалистомъ 6-го класса, привлекался по подобному дѣлу, но, благодаря школьнымъ успѣхамъ и начальству, отдѣлался пустяками. Моя послѣд-

няя неудавшаяся попытка меня окончательно убедила оставить всякія надежды на продолженіе институтскаго образованія. Кстати сказать, въ это же время начинается мое первое основательное знакомство съ рабочимъ движеніемъ, Марксомъ и Энгельсомъ... Побыть на волѣ пришлось не долго: въ 1902 г. я былъ вторично арестованъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими десятками товарищей, по обвиненію въ „подготовленіи уличныхъ демонстрацій въ Петербургѣ—такое было предъявленное обвиненіе — и приговоренъ къ тремъ годамъ ссылки въ Восточную Сибирь. Вскорѣ послѣ Сипягина, по какому-то Высочайшему повелѣнію, ссылка была замѣнена тюремнымъ заключеніемъ. Отсидѣвъ 5 мѣсяцевъ, уѣхалъ на родину на короткое время. Вернулся въ Петербургъ уже не съ тѣми желаніями и мечтами, съ какими, бывало, приѣзжалъ раньше, а приѣхалъ съ намѣреніемъ работать революционеромъ, но очень скоро былъ арестованъ по предательству. Обвинялся въ устройствѣ нелегальныхъ библіотекъ и содѣйствіи транспорту нелегальной литературы... Затѣмъ получилъ приговоръ сюда...

15.

Мнѣ 23 года. Еврей. Родился въ довольно многочисленной семьѣ, тогда еще состоятельной. Отецъ мой, по ремеслу портной, работалъ самъ мало, а имѣлъ нѣсколько подмастерьевъ. Когда мнѣ шелъ 6-й годъ, меня отдали въ „Хедеръ“. По распо-

раженію вышаго начальства, насъ — еврейскихъ мальчиковъ стали „принуждать“ посѣщать русскую школу, гдѣ учились и христіане. Отцы наши, недовольные такимъ распоряженіемъ, собрались вмѣстѣ и рѣшили „войти въ соглашеніе“ съ учителями, разумѣется, за хорошее вознагражденіе, чтобы тѣ считали насъ „официально“ учениками, но не принуждали посѣщать школу. Сдѣлка состоялась и мы посѣтили эту школу всего два раза. На одиннадцатомъ году моей жизни у насъ начались семейныя бѣдствія: двѣ сестры (одна замужняя) умерли, предварительно истощивъ всѣ наши матеріальныя средства, отецъ сталъ хворать — пошло полное раззореніе... Въ виду моихъ хорошихъ способностей, обнаружившихся еще въ началѣ „Хедера“, отецъ рѣшилъ сдѣлать меня раввиномъ. Меня же „талмудъ“ отнюдь не привлекалъ, униженія же, которыя приходилось терпѣть отъ „Ребе“ (это было своего рода вознагражденіе, которое „Ребе“ себѣ взялъ за то, что сталъ меня учить даромъ, благодаря моей бѣдности), прямо отталкивали меня отъ ученія, и я рѣшилъ сдѣлаться обязательно ремесленникомъ-портнымъ. Мои два старшіе брата уже пошли по этому пути. Пришлось выдержать упорную борьбу съ большимъ отцомъ, но моя настойчивость, семейное раззореніе помогли мнѣ, и я вышелъ побѣдителемъ. Получивъ дома самое элементарное обученіе портняжеству, я рѣшилъ уѣхать въ большой городъ, а именно въ Z. Обыкновенно, безъ разрѣшенія родителей, дѣтямъ не даютъ паспортовъ, но мнѣ предложили въ полиціи снабдить меня такимъ

за 3 рубля. Я продалъ пальто и, такимъ образомъ, хотя раздѣтнымъ, оказался съ паспортомъ и отправился въ Z. Пробывъ тамъ два года, я вернулся домой вмѣстѣ съ однимъ моимъ товарищемъ по „Хедеру“ (который остался національно-еврейскимъ интеллигентомъ). Заключили мы съ нимъ такое условіе: я его буду обучать своему ремеслу, а онъ меня наукамъ. Дома я работалъ самостоятельно и за полтора года научилъ ремеслу и своего товарища, онъ же меня едва научилъ писать. За это время я сталъ атеистомъ. Томясь своимъ невѣжествомъ, я рѣшилъ уѣхать въ N. Здѣсь я познакомился съ однимъ добрымъ и честнымъ интеллигентомъ-соціалистомъ, который, однако, непосредственнаго участія въ работѣ не принималъ. Я нанялъ учителя польскаго языка, много читалъ и развивался. 1899 годъ былъ въ N. очень бурный, бастовали почти всѣ ремесла и множество фабрикъ, устраивались многочисленныя собранія и распространялась масса нелегальной литературы. Эта общая волна и меня захватила—я вступилъ въ организацію „Бунда“.

Въ 1900 г. былъ арестованъ на 1 майской демонстраціи, просидѣлъ 12 дней (дѣло осталось безъ послѣдствій). Въ 1901 г. былъ обыскъ на моей квартирѣ (въ моемъ отсутствіи), забрали моего сосѣда и нелегальную брошюру. Мѣсяца 2 скрывался. Затѣмъ былъ обыскъ у моего товарища, гдѣ я жилъ на квартирѣ, опять-таки въ мое отсутствіе. Забрали нелегальную литературу и трехъ человѣкъ. Я послѣ этого уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ

и пробылъ 7 мѣсяцевъ. При возвращеніи въ Россію былъ арестованъ. Просидѣлъ въ Н-ской слѣд. тюрьмѣ 20 мѣсяцевъ и получилъ по приговору 4 года Восточн. Сибири. Моя специальность—дамскій портной. А такъ какъ я побывалъ въ Парижѣ, гдѣ учился также своему дѣлу и работалъ, то вездѣ въ городахъ нахожу работу—у мѣстной аристократіи. Когда сидѣлъ въ Сибирской X-ской тюрьмѣ, ко мнѣ въ тюрьму пріѣзжали дамы высшаго свѣта примѣрять костюмы... Вотъ что значить любовь прифрантить!...

16.

Мѣщанинъ, 33-хъ лѣтъ. Холостъ.

Родился я въ захолустномъ уѣздномъ городкѣ, въ небогатой семьѣ. Воспитаніе получилъ безпорядочное: игры, которыя укрѣпляютъ и развиваютъ организмъ, были мнѣ строго запрещены родителями.

17 лѣтъ я поступилъ въ начальное училище, которое окончилъ черезъ два года. По окончаніи училища я уѣхалъ въ X., гдѣ сталъ учиться литографскому дѣлу.

Анархистическія покушенія во Франціи въ 1894 г., въ особенности убійство Карно, обратили на себя мое вниманіе и вызвали броженіе въ моихъ мысляхъ.

Это броженіе долго не выливалось въ опредѣлен-

ную форму. Въ 1895 г. я пережилъ продолжительную безработицу, во время которой, въ поискахъ за работой, я странствовалъ по югу, сѣверо-западу и западу. Все это время я много натерпѣлся, много посмотрѣлся, въ особенности въ ночлежкахъ, гдѣ часто приходилось ночевать и передо мною весь существующій строй все яснѣе вырисовывался во всей своей ужасающей наготѣ. Въ началѣ 1896 г. я увлекался ученіемъ Толстого, пока, наконецъ, подъ вліяніемъ нелегальной литературы, я не вступилъ на путь социализма въ духѣ социаль-демократіи. Я хотѣлъ вступить въ какую-нибудь организацію, но тогда вездѣ господствовалъ духъ узкаго экономизма, политическая же борьба совершенно игнорировалась, съ чѣмъ я никакъ не могъ согласиться, и это не давало возможности вступить въ организацію того города, въ которомъ я тогда работалъ. Въ 1897 г. я столкнулся съ однимъ товарищемъ, который предложилъ мнѣ вступить членомъ въ „группу Рабочихъ Революціонеровъ“, задачи которой состояли въ слѣдующемъ: 1) одновременно съ экономической вести и политическую борьбу, 2) объединить всѣ существующія соц.-демокр. организаціи въ одну соц.-демокр. партію, 3) выработать рабочую интеллигенцію, которая сама руководила бы рабочимъ движеніемъ. Все это было вполнѣ согласно съ моими стремленіями, и я охотно вступилъ въ „группу“. „Группа“ рѣшила поставить свою типографію и издавать свою литературу. Я взялся поставить типографію и работать въ ней. Осенью 1897 г. я и еще

одинъ товарищъ поставили въ Z. типографію и стали работать. Первымъ выпускомъ нашимъ былъ тайный циркуляръ М. В. Д. Горемыкина отъ 12-го августа того же года губернаторамъ, градоначальникамъ и полицеймейстерамъ, какъ имъ поступать съ зачинщиками во время стачекъ. Этотъ циркуляръ былъ напечатанъ въ 8 тыс. экземплярахъ. Вторая брошюра: „Задачи русской рабочей партіи“ въ 1500 экз., 3-я брошюра „Шпіонъ“ — рассказъ изъ фабричной жизни — 3 тыс. экз., 4-я брошюра: „Боевой кличъ рабочаго класса“ (изъ 1-го номера „Рабочаго Знамени“) — 1 тыс. экз. Въ теченіе зимы 1897—98 гг. намъ удалось завязать связи во многихъ фабричныхъ центрахъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ основать свои комитеты. Весной 1898 г. всѣ комитеты объединились подъ названіемъ „Русск. Соціал. - Демократ. Партія“, партійнымъ органомъ которой было объявлено „X.“; это было въ то время, когда появился „Манифестъ Росс. Соц.-Демок. Пар.“. Вышелъ 1-й № въ количествѣ 1200 экз.; послѣ этого мы приступили къ печатанію краткаго очерка великой французской революціи, но въ срединѣ печатанія мы были арестованы (это было 26 іюля 1898 г.). У меня былъ взятъ складъ нашихъ изданій, а у товарища типографія...

Въ заключеніи пробылъ годъ и восемь мѣсяцевъ... Мнѣ былъ объявленъ приговоръ: 5 лѣтъ Восточной Сибири, куда я въ скорости и былъ отправленъ...

17.

Мнѣ 21 годъ. Я родился въ еврейской семьѣ со среднимъ мѣщанскимъ достаткомъ. Отецъ жилъ постоянно въ отъѣздѣ и только по большимъ праздникамъ прїѣзжалъ въ Z. Мать съ утра до позднего вечера торговала мануфактурой въ магазинѣ на базарѣ. Мы, дѣти, которыхъ въ разныя времена бывало разное, но довольно значительное, количество, были предоставлены самимъ себѣ. Воспитаніе мое съ самого дѣтства шло подъ вліяніемъ дѣдушки, проповѣдника по профессіи, человѣка съ патріархальной наружностью, глубоко религіознаго и одареннаго неисчерпаемымъ юморомъ. Большую часть времени отъ 3-хъ до 6-ти лѣтъ я провелъ съ дѣдушкой, сопровождалъ его въ синагогу на молитвы и проповѣди. 5-ти лѣтъ я отданъ былъ къ „ребе“ въ „хейдеръ“. Успѣхи мои въ изученіи Пятикнижія, Библии и позже Талмуда, должно быть, были очень хороши, такъ какъ меня прочли въ выдающіеся талмудисты. Въ „хейдерѣ“ я, однако, отличался „озорничествомъ“, за что бывалъ битъ ремнемъ неоднократно. „Конфликты“ мои съ „ребе“, кончавшіеся для меня всегда печальнымъ пораженіемъ, не могли вселить въ меня особую любовь какъ къ самому „ребе“, такъ и къ „хейдеру“ и наукѣ, хотя, подъ вліяніемъ постоянного общенія съ дѣдушкой, я былъ романтически-религіозно настроенъ. Дѣдушка умеръ, когда мнѣ было 8—9 лѣтъ. Живая связь съ религіей по-

рвалась, принудительное посѣщеніе синагоги и „хей-дера“ не могло привлечь меня. Нѣтъ ничего удивительнаго, что я безъ всякаго сожалѣнія, а съ радостью оставилъ Z. и въ 1893 г., вмѣстѣ съ матерью и сестрой, переѣхалъ къ отцу въ N. Событіе это повліяло радикальнымъ образомъ на дальнѣйшій ходъ моей жизни. Знаніе русской грамоты и ариѳметики дало мнѣ возможность поступить въ первый классъ еврейскаго училища. Жили мы верстахъ въ 5 отъ училища и мнѣ приходилось въ грязь и слякоть, морозъ и вѣтеръ совершать дважды въ день длиннѣйшіе концы. Невольная прогулка стала мѣстомъ постоянныхъ думъ и бесѣдъ съ товарищами попутчиками. Уроженцы N., они были выше меня по общему развитію и, несмотря на молодые годы, были начитаны. Бесѣды съ ними привели меня, въ концѣ концовъ, къ отрицанію религіи и уже 13-ти лѣтъ я помню себя невѣрующимъ. Родителямъ да и мнѣ самому окончаніе казеннаго еврейскаго училища не представлялось практически цѣннымъ и мы задумали постучаться въ двери средняго учебнаго заведенія. Отцу наиболѣе соотвѣтствующимъ казалось реальное училище. Въ 1897 г. я выдержалъ экзаменъ въ 4-й классъ реальнаго училища и, совершенно неожиданно для себя и другихъ и вопреки „процентной нормѣ“, былъ зачисленъ ученикомъ реальнаго училища. Я познакомился съ новымъ міромъ товарищества и семьями нѣкоторыхъ. Въ четвертомъ классѣ я болѣлъ тифомъ и засѣлъ на второй годъ. „Второй годъ“ повліялъ на меня самымъ благотворнымъ

образомъ. Безъ труда я могъ „успѣшно“ заниматься, въ сущности ничего не дѣлая. Свободное отъ занятій время, а такого у меня было слишкомъ достаточно, я посвящалъ народной читальнѣ и аудиторіи. Съ особымъ интересомъ я сталъ заниматься геометрией и физикой. Элементы Эвклида и „Единство физическихъ силъ“ Секки, самыя стройныя книги, которыя я когда-либо читалъ, окончательно направили меня къ матеріалистическому міровоззрѣнію. 16-ти лѣтъ я мечталъ о высшемъ математическомъ образованіи и ученой дѣятельности на почвѣ рѣшенія физическихъ проблемъ математическимъ способомъ. Вѣроятно, я пошелъ бы по этому пути, но знакомство съ товарищемъ X, превратившееся скоро въ тѣснѣйшую дружбу, измѣнило направленіе моихъ мыслей. Частыя и долгія бесѣды съ X. привели къ тому, что въ кругъ интересующихъ меня вопросовъ, кромѣ математическихъ и физическихъ, которые не оставляютъ меня до сихъ поръ, вошли вопросы общественные. Бокль, Писаревъ, Рибо, Ланге и даже Милль заслонили Эвклида, Менделѣева, Гано и др. Общественные вопросы занимали меня, однако, исключительно своей научной стороной. Матеріалистическій образъ мыслей, воспитанный изученіемъ математики, далъ опредѣленную окраску общественному міровоззрѣнію, но о практической дѣятельности я тогда не думалъ. Этому отчасти способствовали обстоятельства интимной жизни, требовавшей, для выполненія нѣкоторыхъ плановъ, достиженія обезпеченнаго существованія въ будущемъ. Лѣтомъ 1902 г. я кон-

чилъ реальное училище. Предполагалось, что я поступлю въ высшее учебное заведеніе въ Россіи или за границей. Къ конкурснымъ экзаменамъ я совершенно не готовился, но за то успѣлъ много прочесть по общественнымъ вопросамъ. „Монистическій взглядъ на исторію“ Бельтова и 1-й томъ Капитала Маркса окончательно опредѣлили мою дорогу въ жизни. Послѣ того, какъ я осенью провалился на конкурсѣ въ политехникумѣ и за отсутствіемъ средствъ не могъ уѣхать за границу, я вмѣстѣ съ Х. сталъ думать о вступленіи въ дѣйствующія организаціи. Съ этою цѣлью я ушелъ изъ дома и, добывая средства къ существованію частными уроками, поселился вмѣстѣ съ Х. Вскорѣ намъ удалось установить связь съ N-скимъ Комитетомъ партіи и насъ приняли въ качествѣ агитаторовъ и пропагандистовъ. Но недолго мы работали. Въ 1903 г. мы провалились съ политическимъ по предательству квартирной хозяйки. Меня обвинили въ печатаніи на гектографѣ и распространеніи нелегальныхъ изданій. Я просидѣлъ около пяти, а Х. около 4 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Затѣмъ меня отправили въ ссылку въ Восточную Сибирь на четыре года.

18.

Горный техникъ. 30 лѣтъ. Отецъ крестьянинъ. Мать—дочь хорунжаго Оренбургскаго казач. войска. Два брата младше меня. Дѣдъ былъ замѣшанъ въ „Бунтъ государств. крестьянъ Оренбургской губ.“

въ шестидесятые годы. Предокъ со стороны матери—казакъ Ш. былъ въ походѣ вмѣстѣ съ Деневымъ, прошелъ съ нимъ Беринговъ проливъ и поселился въ Аляскѣ, гдѣ и акклиматизировался.

Дѣтство провелъ на глухомъ хуторѣ отца, но, послѣ его смерти, осенью переѣхалъ съ матерью въ г. Z. Въ 1894 г. кончилъ Уральское горное училище. Два каникулярныя лѣта провелъ на работахъ: одно на пушечномъ заводѣ, другое на постройкѣ Западн. Сибирск. ж. д. По окончаніи училища поѣхалъ начальникомъ развѣдочной партіи въ среднюю Азію. Ликвидировалъ во второй половинѣ лѣта дѣла по развѣдкамъ и выѣхалъ обратно въ Россію верхомъ, въ сопровожденіи проводника киргиза. Проводникъ, однако, скрылся и я ѣхалъ одинъ, руководствуясь компасомъ и картой Главнаго Штаба. Одинъ разъ сбился съ дороги въ пескахъ и замертво былъ поднятъ пастухами-киргизами. Два раза подвергался нападенію киргизовъ— „барантачей“ и русскихъ конокрадовъ, но оба раза, отстрѣливаясь, благополучно избѣжалъ опасности. Путь свой—верховья рѣки Кара-Тургай, Кустанай и Челябинскъ (около 1000 верстъ) сдѣлалъ въ 14 дней. По пріѣздѣ нѣкоторое время былъ монтеромъ на золотыхъ приискахъ, а потомъ тамъ же химикомъ при постройкѣ завода и химической обработкѣ золотыхъ рудъ. На золотыхъ приискахъ пробылъ до осени 1897 г. Весной 1898 г. приглашенъ управляющимъ на золотые же прииски. Прииски были недалеко отъ Z., вблизи желѣзной дороги. Возобновилъ

дѣтскія знакомства съ мѣстными интеллигентами. Вошелъ въ нелегальный кружокъ, начавшій работу на Уралѣ. Послѣ ареста многихъ товарищей, явившагося слѣдствіемъ предательства, разыскивался, но, благодаря своему общественному положенію; мундиру и „нахальному“ визиту къ жандармскому ротмистру съ требованіемъ дѣловаго свиданія съ агентомъ Страх. Об-ва „Надежда“, не только остался цѣль, но даже не былъ допрошенъ. Тогда же занялся покупкой шрифта для нелегальной типографіи, не порывая связей съ Z-омъ. Осенью случай меня свелъ съ X., и—типографія была спѣшно закончена, а мы приступили въ концѣ декабря къ работѣ. Результатомъ ея явился 1-й № Сборника „—къ“. Въ 1899 году былъ, благодаря неосторожности товарища, арестованъ и привлеченъ къ дѣлу „С.-Д. группы“. Сидѣлъ въ Z. Въ 1901 г. получилъ приговоръ—5 лѣтъ Вост. Сибири и въ февралѣ же выѣхалъ изъ Z. Въ Александровской перес. тюрьмѣ пробылъ до 12-го мая въ ожиданіи партіи на Якутскъ, но 11-го мая вечеромъ по телеграммѣ изъ Иркутска—объявлено переназначеніе. Проводивъ партію, уѣхалъ на мѣсто назначенія. Изъ мѣста поселеній опротестовалъ переназначеніе, такъ какъ узналъ, что это сдѣлано по ходатайству знакомыхъ въ Спб. Не получивъ отвѣта, поѣхалъ лично въ Иркутскъ, но, получивъ на пріемъ у ген.-губерн. Пантелеева отказъ въ просьбѣ безъ всякой мотивировки, заявилъ, что добровольно въ деревнѣ не останусь, а уѣду; тогда же скрылся и такъ какъ далъ слово помочь товарищу по дѣлу

въ побѣгѣ, направился не въ Россію, а въ Н. Въ 1902 году удалось устроить ея побѣгъ. Мы благополучно доѣхали до Иркутска. Тамъ я задержался на нѣсколько дней и поѣхалъ то же въ Россію. Но съ Томска вернулся обратно, такъ какъ получилъ предложеніе устроить побѣгъ важнаго политическаго. Въ 1902 году былъ уже на мѣстѣ, но онъ еще не пріѣхалъ туда. Время было пропущено, дорога испортилась. Побѣгъ былъ, по необходимости, отложенъ до лѣта. Товарищъ не дождался и умеръ. Я уѣхалъ съ другимъ. Въ тайгѣ были разъ арестованы вооруженными якутами, но, выдавъ себя за золотоискателей, благополучно вывернулись, благодаря заранѣе и нарочито приготовленной нотаріальной довѣренности на розыски золота. Довѣренность эта замѣнила намъ паспортъ. Благополучно оба прибыли за границу, хотя и въ разное время. Первый переходъ мой черезъ границу оказался неудачнымъ—былъ арестованъ. Однако офицеръ пограничной стражи, оштрафовавъ на 4 руб. 50 коп. „за попытку перейти границу, отпустилъ. Я попытался перейти границу въ другомъ мѣстѣ и, когда мнѣ удалось подойти къ границѣ на 3—4 шага, я бросился бѣжать, солдатъ выстрѣлилъ, но промахнулся. Осенью 1902 г. я вернулся въ Россію и занялся работой по транспорту „И“. Арестованъ, благодаря предательству одного всендза въ Галиціи. Въ 1903 г. я сдѣлалъ попытку къ побѣгу, но, благодаря простой случайности, приготовленія были открыты накануне дня побѣга и пришлось ожидать приговора.

Осенью получилъ приговоръ — 8 лѣтъ Восточной Сибири... Назначили Колымскъ.

Таковы „политическіе“ въ ихъ собственномъ освѣщеніи... Я видѣлъ этихъ сильныхъ людей, среди которыхъ такъ много самородковъ, выдающихся талантовъ, людей рвущихся къ свѣту, знанью, правдѣ и всегда готовыхъ на великое самопожертвованіе... И они, такіе живые люди, не нашли себѣ мѣста на лонѣ необъятной, изстрадавшейся родины!.. Ихъ она выбросила на свою далекую, мертвую окраину, какъ выбрасываютъ на окраину города негодный хламъ...

Горе такой странѣ!..

Я познакомился въ Якутскѣ съ Панкратовымъ, бывшимъ шлиссельбуржцемъ. Когда-то рабочій, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе ученаго профессора. Правда, Панкратовъ много работалъ еще въ шлиссельбургской крѣпости. Между прочимъ, онъ вспомнилъ и прочелъ мнѣ стихотвореніе Вѣры Фигнеръ къ нему, случайно говорящее именно это. Такъ какъ оно нигдѣ не напечатано, то вотъ оно:

Тукъ! Тукъ!

Полно, сосѣдъ, заниматься!

Мало-ль на свѣтѣ наукъ!

Если за нихъ такъ хвататься,—

Силъ неостанетъ, мой другъ!

Молодъ: себя не жалѣешь,

Рвешься впередъ, все узнать.

Полно, мой милый, успѣешь

Ты стариковъ обогнать.

Правда, что многое ново,
 Правда, что нѣтъ здѣсь работы другой,
 Но впереди у насъ времени много,
 А для ума нуженъ отдыхъ порой!
 Брось же ты книжку на время,
 Выйди изъ храма наукъ,
 Сбрось отвлеченностей бремя
 И отзовись на мой стукъ!

Тукъ! Тукъ!

Глубокой любовью и уваженіемъ къ В. Н. Фигнеръ дышали его рассказы о ней... Онъ вспомнилъ и продиктовалъ мнѣ также акростихъ, составленный о „Вѣрѣ“ въ Шлиссельбургской крѣпости Морозовымъ:

Вѣтромъ жестокимъ на островъ забытый,
 Ёдкой полынью и терномъ увитой,
 Роза заброшена, но среди скалъ
 Алый цвѣтокъ тѣмъ прекраснѣе сталь...

— Такой сильный и въ то же время такой тонкій съ поющей душой она человекъ.

— Когда къ ней послѣ долговременнаго заключенія пришла на свиданіе мать и крикнула — „здравствуй, Вѣрочка!“ — она отвѣтила: „мама, мама, какъ я рада, что ты меня такъ назвала, я такъ давно не слыхала своего имени!“... Она жила на нелегальномъ положеніи по чужому паспорту...

Горячо рассказывалъ о ней и другихъ товарищахъ по заключенію Панкратовъ... О себѣ онъ мало говорилъ и я не могъ добиться отъ него — за что его такъ тяжело покарали.. — Стрѣлялъ во время ареста, — сказалъ Панкратовъ и замолчалъ...

Такое же сильное впечатлѣніе произвелъ на меня и Шебалинъ... Я глядѣлъ на него и Панкротова и думалъ о томъ, какъ ничтожны мои путевыя тяготы въ сравненіи съ тѣмъ, что пережили они... Оба не сгнули въ ссылкѣ, оба много читали, думали, работали.

Я пріѣхалъ къ Шебалину въ юрту на заимкѣ. Онъ жилъ недалеко отъ Якутска на опушкѣ не то вырубленной, не то начинающей расти молодой тайги. Мы пошли гулять. По обѣимъ сторонамъ дороги просвѣчивала вода болота.

— Ну, не важный лѣсъ! — сказала я, — болото, сырость!..

Шебалинъ вступился за свою тайгу.

— Знаете, когда меня освободили изъ крѣпости, то сразу же повезли сюда. Везли непрерывно. И нигдѣ жандармы меня не освобождали, не пускали отойти отъ нихъ ни на шагъ ...Ѣхать было такъ же тяжело, какъ сидѣть въ Шлиссельбургской крѣпости... А мы все ѣхали и ѣхали. Желѣзной дороги тогда не было... Наконецъ меня привезли въ наслегъ. Одинокая юрта стояла на опушкѣ тайги. Приведя къ ней, жандармы оставили меня. И я вдругъ почувствовалъ свободу. Я не вѣрилъ себѣ, не вѣрилъ своему счастью... Они ушли... Я бросился въ тайгу. Дальше, дальше!.. Я шелъ по лѣсу и никто не слѣдилъ за мной, никто не глядѣлъ на меня въ глаза въ дверей! Я не вѣрилъ себѣ! Я оглядывался кругомъ. Никого не было! Да, жандармы оставили меня! И я свободно шелъ дальше и свободно, широко дышалъ полной грудью

свѣжимъ, не тюремнымъ воздухомъ... О, какъ прекрасна тайга!..

Якутскій протестъ имѣлъ громадное значеніе для судьбы всей ссылки. Онъ совершенно терроризировалъ своимъ европейскимъ скандаломъ высшую мѣстную администрацію. Она сдѣлалась необыкновенно терпѣливой, и въ Якутскѣ временно стали возможными такіе факты, которые раньше были совершенно невысказанными. Въ области царили если не административная смута, то во всякомъ случаѣ административное смущеніе...

Едва пріѣхавъ въ Якутскъ, я уже услышалъ о Фальцѣ. Кто онъ, какъ-то никто не интересовался. Можетъ быть, это былъ рабочій-самоучка, а то выброшенный за бортъ университетской жизни студентъ... Онъ не пошелъ съ товарищами за баррикады дома инородца Романова, но все-же проживалъ въ Якутскѣ. Въ это время съ нимъ поселился К., который и рассказывалъ мнѣ о немъ...

— Представьте себѣ, — говорилъ К., — просыпаемся мы однажды утромъ... Тоска смертная. Въ городѣ ни души. Всѣ лучшіе ушли на „романовку“. Не съ кѣмъ слова вымолвить... Лежимъ мы съ Фальцемъ на постеляхъ и молчимъ. Наконецъ Фальць произноситъ: — Тоска, скучно, чортъ возьми!..

— Да-а! — отвѣчаю я...

— Вѣдь во всемъ городѣ нѣтъ ни одной собаки, съ которой бы поговорить... Тоска!.. — лѣниво тянетъ Фальць, и вдругъ вскакиваетъ съ постели, точно освѣщенный блестящей мыслью... —

Батюшки, пойду-ка я поговорить съ губерна-
торомъ!

— А надо замѣтить, что въ Якутскѣ мы жили не-
легально. Вѣдь и протестъ товарищей начался изъ-
за борьбы за право отлучекъ. А въ видѣ наказа-
нія за отлучки начальство грозило ссылкой въ
Верхоянскъ или Колымскъ...

— Фальць ушелъ. Я полежалъ, полежалъ нѣко-
торое время и думаю себѣ: чего-жъ я валяюсь безъ
дѣла, пойду-ка посмотрю, какъ Фальць съ губер-
наторомъ разговариваетъ и самъ заодно поговорю...
Отправился. Вхожу въ приемную. Публики разной
масса. Вижу—сидитъ Фальць въ креслѣ, важно
развалился, ногу на ногу закинулъ и курить... А,
надо замѣтить, на головѣ у него колоссальная ше-
велюра—для конспираціи, по его словамъ. Во время
побѣговъ онъ сразу мѣняетъ свою наружность: под-
нялъ волоса подъ шапку и не узнать, другой че-
ловѣкъ...

— Сидитъ себѣ Фальць и такъ солидно дымъ
пускаетъ, будто въ головѣ его великія мысли ви-
таютъ, тогда какъ витаетъ только дымъ, да и тотъ
лишь вокругъ головы...

— Одѣтъ онъ въ блузу французскаго рабочаго,
штаны въ заплаткахъ, точно шахматная доска...
Самъ Горькій призналъ бы, что въ вопросѣ шта-
новъ ниже его „дна“ другое дно существуетъ...

— Объ обуви Фальца я и не говорю...

— Только мимо Фальца пробѣгаетъ дежурный
чиновникъ... Фальць важно манитъ его пальчикомъ
и говорить:

— „Послушайте! доложите губернатору, что Фальць пришелъ!“.

— Слушаюсь,—отвѣчаетъ тотъ. И ушелъ.

— Спустя нѣкоторое время, чиновникъ возвращается и сообщаетъ: — „Его превосходительство просить подождать“.

— Въ это время чиновникъ снова бѣжитъ мимо. Фальць манитъ его пальчикомъ и говоритъ:

— „Доложите губернатору, что Фальць ждетъ!“

— Сію минуту!

— Черезъ нѣкоторое время выходитъ губернаторъ и прямо къ нему, но, прежде чѣмъ губернаторъ успѣваетъ открыть ротъ, Фальць набрасывается на него и кричитъ: „нослушайте, губернаторъ, когда же наконецъ вы сошлете меня въ Верхоянскъ или Колымскъ?“

— Губернаторъ, оторопѣвъ было, вдругъ обрадованно спѣшитъ заявить, что готовъ отправить Фальца хоть завтра, притомъ сдѣлаетъ это съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ давно собирается, и откладывать не станеть.

— Не отправите,—вдругъ ехидно заявляетъ Фальць,—теперь туда нѣтъ дороги, начинается весеннее и лѣтнее бездорожье, по болотамъ не довезете!

— Губернаторъ молчитъ и Фальць торжественно уходитъ. Его даже не пытаются задержать.

— Отъ нечего дѣлать, я тоже подхожу къ губернатору и заявляю, что мнѣ надоѣло жить въ наслегѣ, почему нельзя ли перебраться въ Якутскъ... И губернаторъ, волнуясь и горячася, увѣряетъ, что

это было бы вопреки всѣмъ циркулярамъ, совершенно невозможно и невысказимо. Онъ и не подозреваетъ, что я живу въ Якутскѣ уже цѣлый мѣсяцъ безъ всякаго разрѣшенія. Не до насъ администраціи!..

— Задумалъ Фальць пробраться къ засѣвшимъ въ домъ товарищамъ—посмотрѣть, что тамъ творится, вынести ихъ письма... Домъ былъ уже окруженъ солдатами, никого не пропускали. Вотъ подходитъ онъ къ кордону... Солдаты къ нему. А Фальць заложилъ руку въ карманъ, вздулъ кулакъ и кричитъ: „подступи, подступи, застрѣлю, застрѣлю!“

— И что вы думаете? Всѣ солдаты, какъ мыши, разбѣжались! А Фальць вошелъ въ домъ, передалъ письма, получилъ для воли и выходитъ... Между тѣмъ, и солдаты, и полицейскій надзиратель Ол—въ, главный сыщикъ области, уже ждутъ его у воротъ. Только-что Фальць вышелъ, а они и набросились на него, схватили. Ол—въ зналъ его хорошо и, злорадствуя, что поймалъ, посадилъ рядомъ на свои саночки, чтобъ отвезть въ полицейское управление. А, надо замѣтить, саночки эти маленькія, безъ козелъ и полости, потому что у насъ всѣ въ длинныхъ дохахъ ѣздятъ, нѣтъ и надобности укрываться. Везетъ Фальца Ол—въ, а Фальць сидитъ спокойно, точно въ гости ѣдетъ. Только выѣхали они на глухую улицу, Фальць вдругъ совершенно равнодушно и говоритъ:— „вонъ, вороны летятъ!“

— А вороны у насъ большая рѣдкость...

— Сказалъ Фальць, и Ол—въ сразу же голову задралъ, во всѣ стороны крутитъ. Тутъ Фальць,

какъ хватить его кулакомъ по груди! Тотъ вожжи выпустилъ и вывалился назадъ, запутался въ дохъ, барахтается въ снѣгу... А Фальць, не будь дуракомъ, подхватилъ вожжи и по лошади!—Удирать!.. Проѣхалъ нѣкоторое разстояніе и рѣшилъ скрыться во дворъ. Лошадь погналъ, а самъ на ходу соскочилъ и въ сторону... А ужъ погоня слѣдомъ, за переулкомъ кричатъ. Фальць забѣжалъ во флигель къ товарищу и въ оконшко довольный глядитъ: вотъ, молъ, какъ благополучно отъ погони ускользнулъ!.. Но онъ забылъ, что по сторонамъ дороги лежалъ нетронутый снѣгъ и его слѣды остались... Домъ полиція и окружила... Фальць ихъ сразу же замѣтилъ... Во флигель-то въ окнѣ три рамы были, оно не замерзло, видать все... Что тутъ дѣлать?! Онъ и обращается къ товарищу П., у котораго находился:—Дай мнѣ твою фуражку и пальто, одѣвай мою шубу, надвинь папаху на голову — точно это ты волосатый — а на папаху мою шапку. Иди позади. Я пойду впередъ и стану тебя звать... Такъ и сдѣлали... Фальць поднялъ волоса подъ фуражку, вытянулся, идетъ впереди и все время кричить, оборачиваясь назадъ къ П — у: „Фальць, да иди же скорѣе, слышишь, иди скорѣе, если удирать хочешь!“ Полиція за воротами притаилась. Ждутъ. Вышелъ Фальць на улицу, они его и пропустили. Иди, иди, голубчикъ, намъ не тебя надо, веди его за собою въ ловушку!.. Фальць прошелъ за линію кордона и пріостановился. Только показался за ворота П., какъ накинется на него полиція, давай колотить, вязать хотять. Папаху у

П. свалилась, онъ крикъ поднялъ, за что деретесь! А въ это время Фальць издали фуражку снялъ, началъ раскланиваться и кричатъ: „вотъ, и я!“ Волоса-то у него изъ-подъ шапки вывалились, его сразу же и узнали... Бросили П. и къ нему! Да, не тутъ-то было. Его и слѣдъ простылъ... Ол—въ былъ такъ взбѣшенъ, что идти не могъ: стоитъ и качается“...

Дѣло объ якутскомъ протестѣ слушалось десять дней сряду. Пока не выяснилась роль и. д. губернатора вице-губернатора Ч. при усмиреніи „романовцевъ“, мы, оба защитника, не подходили къ нему и не знакомились. Но послѣ его показанія, осторожнаго къ судьбѣ обвиняемыхъ и честнаго для губернатора, мы убѣдились, что Ч. былъ кругомъ обманутъ мѣстной администраціей... И мы рѣшили познакомиться съ Ч.

Во время перерыва я подошелъ къ нему и скоро у насъ завязался разговоръ... Мы стояли въ корридорѣ у окна, выходящаго на улицу.

— Согласитесь сами, — говорилъ я ему, — что положеніе ссылки ужасно, оставить ее такъ дальше невозможно, циркуляры изъ Петербурга безграмотны и недѣльны, такъ какъ основаны на абсолютномъ незнаніи мѣстныхъ условій... Только петербургскій чиновникъ, стряпавшій ихъ, могъ думать, что наслегъ похожъ на русскую деревню, гдѣ, такъ или иначе, можно достать все крайне необходимое... Вы должны принять мѣры къ тому, чтобъ облегчить положеніе ссылки, должны смотрѣть сквозь пальцы на отлучки къ доктору, за покупками, къ

товарищамъ... Не губите молодежь! Вѣдь то, что дѣлается, незамѣтное убійство!

— Да, это все такъ,—отвѣчалъ Ч.,—и я стараюсь облегчить положеніе ссыльныхъ, но, знаете, это возможно лишь до поры, до времени. А затѣмъ всякое терпѣніе лопається!

— Полноте, какое тутъ терпѣніе?..

— Вы тоже не знаете „мѣстныхъ условій“!

— А что?

— Да вотъ взять хотя бы господина Фальца!.. Невозможный субъектъ! И откуда онъ сюда свалился на нашу голову?..

— Но, вѣдь, вы сами называете только одного!..

— Одного?! Онъ стоитъ двадцати! Такого скандалиста я не встрѣчалъ за всю мою жизнь... Представьте себѣ, если на базарѣ собралась толпа, а посреди нея кто-нибудь ораторствуетъ, я заранѣе знаю, что это господинъ Фальцъ! Если кто-нибудь передъ соборомъ въ праздникъ или подъ губернаторскими окнами, когда собралась гости, горланить революціонную пѣснь или кричить: долой самодержавіе,—я заранѣе увѣренъ, что это—господинъ Фальцъ! Когда я ему говорю: послушайте, господинъ Фальцъ, да какъ вы смѣете такъ кричать, онъ мнѣ спокойно отвѣчаетъ: „я за это сюда присланъ, а потому имѣю право!“ Ну, что вы подѣлаете съ такимъ господиномъ? За каждую исторію мы переводимъ его все дальше и дальше отъ Якутска. На бумагѣ онъ значится уже на 800 верстъ отъ Якутска, въ самомъ глухомъ наслегѣ, но увѣряю васъ, что онъ никогда и

нигдѣ не былъ далѣе ста верстъ отсюда! Буквально ради него одного приходится держать урядника, отвозить этого субъекта на мѣсто приписки... И нѣтъ ни одного урядника, отъ котораго онъ не бѣжалъ бы! Я пробовалъ мѣнять урядниковъ, — ничто не помогаетъ. Онъ, какъ сквозь землю, проваливается! Ужасно, ужасно надоѣлъ. Мы его снова отправляемъ, а онъ снова бѣжить и, вернувшись, немедленно подъ окнами губернаторскаго дома даетъ о себѣ знать! „Вставай, поднимайся, рабочій народъ!“ Точно губернаторскій домъ рабочая казарма!... Но это все пустяки... Вы сами знаете, какъ здѣсь коротко лѣто... Я рѣшилъ воспользоваться имъ и устроить пикникъ. Обратился къ Коковину и Басову и они дали мнѣ пароходъ. Я пригласилъ самое избранное общество. Всѣ дамы въ бѣлыхъ платьяхъ, точно на балъ съѣхались!.. Вхожу я на пароходъ и вдругъ вижу на верхней палубѣ собрались наши барыни, а между ними стоитъ Фальцъ, руки въ боки, ноги циркулемъ разставилъ, голову задралъ и ораторствуетъ на тему, что буржуа прогуливаютъ народныя деньги...

— Тогда я прошу надзирателя Ш. подойти къ Фальцу и незамѣтно попросить сойти съ парохода. Ш. идетъ, возвращается и сообщаетъ, что господинъ Фальцъ не же-ла-етъ сойти съ парохода! Я зову надзирателя О — ва и говорю ему: сходите къ г-ну Фальцу и скажите — что либо онъ, либо я. О — въ возвращается и говоритъ, что господинъ Фальцъ отвѣтилъ: „во всякомъ случаѣ не я!“ Послѣ этого я зову полицеймейстера Б. и прика-

зываю ему распорядиться, чтобы городовые снесли Фальца на берегъ. Что вы, думаете? Подходятъ они къ нему. Фальць не сопротивляется. Городовые берутъ его на руки, и онъ садится, точно пава какая-то! Сидитъ и во всѣ стороны отвѣшиваетъ высокомиловитные поклоны... Снесли его городовые и поставили на берегъ. А онъ снова разставилъ ноги, руки въ боки, а голову задралъ и, будто китайскій богдыханъ, изрекъ: „я позволилъ городовымъ снести меня, такъ какъ мнѣ было интересно прокатиться на рукахъ полицейскихъ!“ Ну, какъ вамъ это понравится?! Да, вѣдь, это профанация власти! Но это только цвѣточки, а вотъ позвольте рассказать вамъ объ его ягодкахъ. Ожидали мы приѣзда губернатора. Въ качествѣ вице-губернатора, я распоряжался встрѣчею. На осеннюю пристань отправился казакъ, чтобы въ-время извѣстить о приближеніи парохода... Мы всѣ были въ полной парадной формѣ. Дамы съ букетами цвѣтовъ... По берегу разостлали коверъ... Казалось, что все благополучно, что все, что нужно сдѣлать, сдѣлано... Но я забылъ о господинѣ Фальцѣ и своевременно не вывезъ его изъ города, хотя бы на нѣсколько дней!..

— Когда подплылъ пароходъ, съ него спустили на берегъ двѣ доски, связали ихъ вилками... Периль, сами знаете, нѣтъ. Все это такъ примитивно... На борту парохода показался губернаторъ и только собрался раскланяться съ нами, какъ тревожно обернулся и за его спиной я увидѣлъ гордо поднятую голову господина Фальца! Я сразу же почувство-

валь упалоуь дуа... Губернаторъ началъ сходить на берегъ. А вы знаете какой крутой и высокій здѣсь берегъ. Идя по доскамъ, губернаторъ все время тревожно оборачивался... И тогда я понялъ отчего! Сзади него, вплотную, напирая на него животомъ, шель господинъ Фальць! Можете себѣ представить жалкій видъ губернатора! Вся торжественность встрѣчи пропала... Вечеромъ, за обѣдомъ, губернаторъ только спросилъ меня: „кто у васъ этотъ нахаль-дьячекъ, съ такой гривой волось, тотъ, что чуть не свалилъ меня въ Лену?“... И я промолчалъ, что это—политическій Фальць! Вы говорите, что я плохо отношусь къ политическимъ, но, поймите, я не могъ сразу же испортить отношеніе къ нимъ у губернатора и покрылъ этого невозможнаго субъекта.. Вы не можете себѣ представить, сколько мнѣ было хлопотъ съ этимъ Фальцемъ теперь, въ ожиданіи пріѣзда сюда старшаго предсѣдателя и прокурора палаты... Вѣдь я былъ убѣжденъ, что Фальць устроитъ какой-нибудь скандалъ. И потому я поднялъ на ноги всю полицію“...

Мы стояли у окна корридора, выходящаго на улицу. У зданія суда толпилась полиція, — и Ч. показалъ на нее рукой.

— Всѣ эти полицейскіе бѣгали по всему городу, разыскивая Фальца... Наконецъ, слава Богу, нашли. На этотъ разъ я принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ не могъ бѣжать. Выбралъ двухъ самыхъ надежныхъ урядниковъ, приказалъ имъ не спускать съ Фальца глазъ, его обыскали въ моемъ присутствіи и повезли за 800 верстъ. Теперь, наконецъ...

Но тутъ Ч. вдругъ остановился, изумленно глянулъ въ окно, лицо его вытянулось до неузнаваемости, и я услышалъ какой-то непонятный не то вопль, не то восклицаніе.

— „О-о! Однако!.. Смотрите, смотрите, это онъ! Да, это онъ! Одна-а-ко!..“ — Вздволнованный и красный Ч., протягивая къ окну руку, указывалъ мнѣ на гордо идущаго прямо на полицію юношу съ громадной гривой волосъ... Лицо у него было усталое, глаза уныло глядѣли впередъ...

— Это онъ, это Фальць! Смотрите, онъ опять вернулся! — О-о! Это онъ! Нѣтъ, больше я не стану церемониться, я упрячу его въ тюрьму! Это невыносимо, надо его немедля же арестовать! Да гдѣ же полицейместеръ?!..

Я сдѣлалъ все, чтобъ успокоить Ч.: — Вы такой всесильный здѣсь человѣкъ, въ вашемъ распоряженіи область, равная Европейской Россіи, и вы станете размѣнивать свою власть на такіе пустяки... Нѣтъ, вы не тронете его! Фальць — жертва ссылки, жертва тоски бездѣлія. Кому какой вредъ отъ его пѣсенъ или криковъ. Вѣдь якуты не понижаютъ его!...

— „Жертва?! А развѣ мы сами не жертва ссылки?!.. Здѣсь такая тоска“...

— Здѣсь?! Но вѣдь Фальць рвется сюда, что же тамъ, въ наслегъ?..

Ч. махнулъ рукой: — „Ну, и Богъ съ нимъ“...

Нашъ разговоръ продолжался, но я думалъ о Фальцѣ, этомъ героѣ скуки, и о ссылкѣ, и объ ужасѣ того, сколько, по своей суммѣ столѣтій и

тысячелѣтій, плодотворнаго труда чловѣческаго уже потеряно для счастья родины, благодаря системѣ ссылки—этого наказанія вынужденнымъ бездѣлемъ здоровыхъ людей...

Сколько способныхъ, талантливыхъ, находчивыхъ людей погубила и погубить она, сколько большихъ и широкихъ натуръ бросила въ тиски духа и сдѣлала маленькими и незамѣтно сѣрыми...

Будь же проклята эта гиблая ссылка, претворившая громадный, интересный и богатый природными сокровищами край въ *гиблая мѣста*—этотъ страшный край гибели, горя и страданій...